

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 3(45)

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГЕОПОЛИТИКА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ
ДЕБЮТ
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

EDITOR'S PAGE
PRESSING TOPICS
GEOPOLITICS
FOREIGN AFFAIR
ECONOMICS & FINANCE
DEBUT
«ROUND TABLE»
PUBLICATIONS
NOTES ON A BOOK'S MARGINS

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа

Издается при поддержке ГК «Н-Транс»

и Бюро социально-экономической информации

Выходит один раз в квартал

Главный редактор,
Председатель Совета —

Вагиф Гусейнов,
директор Института стратегических оценок и анализа

Первый заместитель
главного редактора —

Юрий Поройков, *к. филос. н.*

Редакционный совет:

Михаил Делягин, *д.э.н., академик РАЕН, председатель президиума, научный руководитель Института проблем глобализации*

Владимир Егоров, *д. филос. н., профессор*

Сергей Караганов, *д.и.н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН*

Андрей Кокошин, *академик РАН, первый заместитель председателя комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям*

Николай Михайлов, *д.э.н., советник председателя Совета директоров АФК «Система»*

Александр Назарчук, *д. филос. н., проф. кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова*

Алексей Пушков, *к.и.н., профессор МГИМО, автор и ведущий программы «Постскриптум»*

Александр Рар, *директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике (Германия)*

Владимир Рыжков, *к.и.н., председатель общественного движения «Выбор России», профессор ГУ ВШЭ. Автор и ведущий программы «Дым Отечества» на радиостанции «Эхо Москвы»*

Леонид Слуцкий, *д.э.н., первый заместитель председателя к-та Государственной Думы РФ по международным делам*

Андрей Федоров, *директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»*

Александр Ципко, *д. филос. н., главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН*

Ответственные
за выпуск:

Константин Радовицкий, *к. соц. н.*
Мария Кортунова

© Институт стратегических оценок и анализа

Точка зрения авторов не всегда совпадает с позицией редакции

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов. Затянувшаяся неопределенность 5

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Павел Гуревич. Гуляют ветры преодолений 13

Сергей Исрапилов. Некоторые особенности деструкции общества в России под влиянием мотивирующего давления экономики 21

ГЕОПОЛИТИКА

Тиберио Грациани (Италия). Средиземноморье и Центральная Азия: стержни Евразии 31

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Россия и проблема мирового лидерства. К выходу в свет книги С.В.Кортунова «Россия в мировой политике после кризиса» 37

Раймонд Джинлоз (США). Совместная противоракетная оборона как способ преобразовать ядерное сдерживание 44

Марина Штойк, Сергей Демиденко. Выбор Египта. О предстоящих выборах в АРЕ 48

Никита Мендкович. Успехи ISAF в борьбе с афганской вооруженной оппозицией 56

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

Василий Колташов. Можно ли ожидать улучшения глобальной экономической конъюнктуры? 66

ДЕБЮТ

Юлия Свешникова. Постисламская весна на Ближнем Востоке: культурно-ценностный подтекст 73

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Что означает крах мультикультурализма? 79

ПУБЛИКАЦИИ

Геннадий Бочаров. Небо. Полеты. Безопасность 103

Павел Холоден. Информационная глобальность стучится в дверь 108

Елена Комлева. Чернобыльско-хиросимо-фукусимский феномен, или Думать надо 113

Философия и политика

Моншир Должин (Монголия). «Естественное право» и человек 123

Валерий Подорога. Политика философии. Новые вызовы (Окончание) . . 132

Страничка истории минувшей войны

Владимир Рощупкин. Запасной вариант фюрера 141

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Эльвира Спинова. Иррациональность рационального.

О книге Ритцера Джорджа «Макдональдизация общества» 145

Тезисы статей на английском 149

Об авторах 160

CONTENTS

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov. Prolonged uncertainty5

PRESSING TOPICS

Pavel Gurevich. Winds of overcoming walk13

Sergey Israpilov. Some features of society destruction in Russia
influenced by the motivating pressure of economy21

GEOPOLITICS

Tiberio Graziani (Italy). The Mediterranean and Central Asia:
the hinges of Eurasia31

FOREIGN AFFAIRS

Russia and the problem of leading the world. *On the occasion of
S. V. Kortunov's book (Russia in the World Politics after the Crisis. M. 2011,
having been published)*37

Raymond Jeanloz (USA). Cooperative ballistic missile defense as a way
to transform nuclear deterrence44

Marina Shtoik, Sergey Demidenko. Egypt's choice. *On the forthcoming
general elections in the ARE*48

Nikita Mendkovich. Progress the ISAF made in fighting the Afghani armed
opposition56

ECONOMICS & FINANCE

Vasily Koltashev. Whether it is possible to expect improvement
of a global economic conjuncture?66

DEBUT

Yulia Sveshnikova. Post-Islamic spring in the Middle East:
cultural and value implications73

«ROUND TABLE»

What is the meaning of multiculturalism's failure?79

PUBLICATIONS

Gennady Bocharov. The skies. The weather. The safety103

Pavel Kholodyon. The information 'globality' is knocking at the door108

Yelena Komleva. The phenomenon of Chernobyl-Hiroshima-Fukushima,
or one ought to be thinking113

Philosophy and Politics

Doljeen Monshirr (Mongolia). The «natural law» and the man123

Valery Podoroga. The politic of philosophy. New challenges132

Page of history of the past war

Vladimir Roschupkin. The fuhrer's fallback position141

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. Irrationality of the rational.
On Ritzer, George. The McDonaldization of Society (Russian transl.)145

SUMMARY149

OUR AUTHORS163

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

ЗАТЯНУВШАЯСЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Три месяца, прошедшие со времени выхода в свет последнего номера нашего журнала, не внесли особой ясности в главный вопрос российской политики, в которой продолжает доминировать состояние неопределенности относительно того, кто же, в конечном счете, станет кандидатом в президенты страны. Но наблюдение за тем, как разворачиваются события, наводит на определенные мысли.

Прежде всего следует отметить, что Д.Медведев, до этого державшийся в тени В.Путина, заметно активизировался в информационном поле. Президент обнародовал ряд резонансных инициатив, которые, правда, при их внимательном «прочтении» имеют совсем другие, а то и прямо противоположные смыслы. Например, президент заявил о фундаментальной реформе межбюджетных отношений, которая должна существенно укрепить самостоятельность регионов. Однако, исходя из анализа инициатив и неофициальной информации, можно предположить, что власть преследует совсем иные цели. Первая — повысить лояльность губернаторского корпуса, который, предвкушая новые возможности, будет более упорно работать в плане достижения «достойного» результата «Единой России». Вторая, а по значимости первая, — под предлогом большей самостоятельности переложить на регионы социальную нагрузку, за которую пока отвечает федеральный Центр.

В Бюджетном послании президент уже заявил, что теперь за медпомощь населению полностью будут отвечать субъекты РФ, а ведь это одна из основных расходных статей «социалки». Таким образом, федеральные власти страхуются уже на следующий электоральный цикл: объем взятых на себя ими социальных обязательств столь велик, что в ближайшие 5–7 лет им придется неизбежно его сокращать даже при высоких ценах на нефть.

Также весьма неоднозначна и другая инициатива президента. Он поручил к осени разработать изменения в законодательство, которые позволят руководству увольнять чиновников с формулировкой «в связи с утратой доверия». По мнению Медведева, это позволит более эффективно бороться с коррупцией, что, однако, весьма спорно. В настоящее время «засветившиеся» коррупционеры и так после «профилактической беседы» с руководством сразу же увольняются либо по собственному желанию, либо по другой статье.

Предложение президента, наоборот, может существенно ослабить позиции и облегчить увольнение тех чиновников, которые неуютны руководству. Таким образом, данная инициатива работает не столько на либерализацию, сколько, наоборот, на укрепление бюрократической «вертикали власти», функционирующей по принципу личной и клановой преданности.

Весьма уверенный, «хозяйский» стиль президент продемонстрировал и во время региональных поездок. Например, он сделал ряд весьма жестких заявлений во время поездки на Дальний Восток, где инспектировал объекты, строящиеся для саммита АТЭС в 2012 году. Как оказалось, многие из них возводятся с задержкой, что может ударить по репутации принимающей стороны — России.

Определенный резонанс получила и поездка президента в Татарстан, где он всячески демонстрировал свою готовность общаться с «простым народом».

Но особое внимание привлек визит Д.Медведева в Ганновер, где он сделал несколько важных политических заявлений. Однако и тут, впрочем, как и ожидалось многими, президент снова не прояснил ситуацию со своим участием в президентской кампании, лишь прозрачно намекнув, что отставниками ни он, ни Меркель быть не собираются. И хотя некоторые аналитики предположили, что Д.Медведев вел себя по такому серьезному вопросу, как выборы 2012 года, слишком вольно, а значит, он уже всерьез не надеется на продолжение своего президентства, большинство экспертов все же трактовали слова действующего российского лидера как продолжение игры за сохранение им своего поста. В частности, как заявил директор Центра им. Бертольда Бейца при Германском совете по внешней политике А.Рар, Меркель хотя и в шуточной форме, но отчетливо дала понять собравшимся и лично Медведеву, что Германию его президентство вполне устроило бы. Да и сам Медведев делал весьма явные намеки.

В то же время, возможно, наиболее информированные представители элиты, понимая постановочный характер активизации президента, не боятся выхолащивать или прямо игнорировать его инициативы. Как правило, это игроки, близкие к Путину. В частности, несмотря на прямое распоряжение Медведева о выводе чиновников из советов директоров профильных компаний, глава Минкомсвязи И.Щеголев вновь вошел в совет директоров «Ростелекома». А госкорпорация «Ростехнологии» нашла способ сохранить за собой привилегированный юридический статус, объявив о намерении преобразоваться в корпорацию развития.

Наконец, после катастрофы Ту-134 в Карелии Медведев объявил о намерении ограничить использование самолетов данной марки, но Минтранс под давлением отраслевых лоббистов выхолостил эту идею в документе, который позволяет и дальше использовать эти самолеты, но запрещает продлевать срок их эксплуатации.

Тем не менее, по мере приближения даты объявления кандидатуры от «тандема» многоуровневая игра вокруг персоны «единого кандидата» обострилась. Команды обоих политиков ведут тонкую игру против лидера оппонентов, желая его скомпрометировать в глазах собственного патрона. В частности, широкий резонанс получила публикация в газете «Ведомости» по итогам встречи Медведева с крупным бизнесом. Там, со ссылкой на неназванного участника встречи, указывалось, что президент якобы потребовал от бизнеса определиться, с кем он — с ним или с Путиным.

Также глава государства резко противопоставил концептуальные программы — путинское настоящее и те идеи, которые Медведев анонсировал на

Петербуржском форуме в июне. Вместе с тем сразу после встречи все ее участницы, опрошенные СМИ, делали акцент на том, что разговор касался исключительно экономики, а политические вопросы не затрагивались.

Большинство экспертов считает, что, скорее всего, вышеуказанная публикация является сознательной провокацией против Медведева. За ней стоит окружение Путина, которое таким образом хочет скомпрометировать президента в глазах премьера и приписать ему наличие собственной игры за спиной главы правительства. Сам же Медведев и его команда делают ставку на сохранение статус-кво, в том числе по итогам марта 2012 года (слабый президент и сильный премьер), пока не претендуя на большее. Для этого они всячески подчеркивают свою «безобидность» для Путина, который вследствие этого должен дать свое согласие на переизбрание Медведева.

В свою очередь, «путинцы», опасаясь, что их лидер склоняется к такому решению, всячески пытаются дискредитировать президента с целью переломить инерционный ход событий. В целом они правы и чувствуют исходящую для них угрозу от инерционного сценария. «Медведевцы» рассчитывают взять реванш во время второго срока своего лидера, причем в завершающей его половине, когда значительная часть команды Путина будет вынуждена сойти со сцены по «объективным» возрастным причинам.

Между тем, наличие у Медведева собственных политических амбиций — не сконструированный «путинцами» миф, а объективная реальность, что подтверждают шаги президента. В частности, его встречи с представителями бизнеса (сначала крупного, а потом и малого) явно носили «вербовочный» характер, даже если во время них и не звучало требования «определиться». Президент демонстрировал, что предприниматели могут на него положиться как на лоббиста их интересов и что он готов выслушать их жалобы. Любопытно, что встреча Медведева с ведущими предпринимателями произошла вскоре после аналогичного мероприятия с участием Путина.

Также весьма показателен конфликт между Минобороны и лоббистами оборонно-промышленного комплекса, в котором президент и премьер заняли диаметрально противоположные позиции. Первый поддержал военное ведомство, которое желает получать качественную технику по низкой цене. Путин же, выступая перед рабочими Уральского региона, где значительная доля предприятий ОПК, выступил против «жадности» Минобороны. И хотя в данном случае речь просто может идти об игре власти с нескольких рук (каждый из политиков поддерживает диаметрально противоположные по интересам группы, в итоге обе они лояльны власти в лице своего «заступника»), в медиа-поле это выглядит иначе.

Тем временем Путин, ощущая растущее давление, продолжил укреплять собственные позиции. В первую очередь он попытался придать новый импульс проекту Народного фронта, который в начале июля практически застопорился. Первый замглавы АП В.Сурков, вначале отстраненный от участия в теневом руководстве ОНФ, был «реабилитирован» и вернул себе статус основного куратора внутренней политики.

Судя по всему, это принесет ОНФ определенные позитивные результаты. Например, Сурков уже начал реализовывать свою идею, ранее забракованную Володиным, о привлечении в списки ОНФ (де-факто — ЕР) представите-

лей других партий, и перебежчики уже появились. Это позволит подчеркнуть надпартийный и общенародный характер Фронта как силы, консолидирующей представителей всех партий вокруг персоны нацидера Путина.

Кроме того, Путин существенно подстраховался и в деле доработки «Стратегии-2020» после того, как широкий резонанс в Интернете получило заявление руководителя одной из рабочих групп, проректора Высшей школы экономики Л.Гохберга о том, что модернизации в России мешает 71% населения, причем туда вошли инвалиды, пенсионеры и жители сельской местности — ядерный электорат ЕР и Путина. Премьер, обеспокоенный тем, что данный выпад может ударить по его рейтингу («Стратегия»-2020 ассоциируется прежде всего с ним), встретился с экономистами РАН, и хотя итоги встречи, судя по косвенным данным, не удовлетворили его, определенный имиджевый эффект они имели.

И все же наиболее бурную деятельность развили сторонники представителей «тандема», особенно этим отличаются поддерживающие Путина «хардлайнеры». Например, в ответ на вброс информации о том, что якобы Медведев потребовал от крупного бизнеса определиться, с кем он, незамедлительно последовал ответ со стороны консервативного крыла предпринимателей. В частности, президент ОАО «АвтоВАЗ» И.Комаров заявил, что, по его мнению, именно премьер-министр В.Путин в 2012 году должен вновь стать президентом. Естественно, что в пользу Путина высказываются в основном представители бизнеса, который нуждается в протекционизме и государственных субсидиях, по понятным причинам ассоциируемых с правительством.

«Группа поддержки» Медведева ведет себя гораздо менее активно. В частности, практически незамеченным СМИ оказалось опубликованное на сайте «Новой газеты» «Обращение к гражданам России», в котором около полутора десятков представителей либеральной интеллигенции высказались за второй срок Медведева.

Из последних событий этого плана можно отметить лишь опубликованное 27 июля в газете «Ведомости» очень резкое публичное заявление двух идеологических сторонников и единомышленников президента РФ. По мнению председателя Института современного развития (ИСП) И.Юргенса и члена правления этого «мозгового центра» Е.Гонтмахера, отказ Д.Медведева от попытки переизбрания в следующем году вызовет «крупномасштабный кризис в стране». Авторы призывают действующего президента «решиться и перейти свой личный Рубикон».

Интересно отметить, что одновременно агентство «Reuters», ссылаясь на некий высокопоставленный источник в российских политических кругах, сообщило, что В.Путин близок к решению выступить кандидатом на президентских выборах в следующем году, поскольку он сомневается в своем преемнике. По словам источника, Путин обеспокоен, что его преемник не имеет достаточной поддержки среди политической и бизнес-элиты. У Путина гораздо больше поддержки, чем у Медведева, добавил другой собеседник агентства в политических кругах России.

Также в пользу премьера складывалась международная ситуация (отношения России с Западом), которая в силу проевропейского вектора россий-

ской элиты играет существенную роль во внутренней политике. После того как канцлер ключевого партнера РФ в Европе — Германии — А.Меркель заявила о своем намерении выдвигаться на новый срок, она явно продемонстрировала свое намерение иметь дело именно с Путиным.

Международные позиции Медведева, наоборот, ослабли. В частности, в американском Конгрессе прошли слушания о целесообразности окончания перезагрузки — основного позитивного достижения на международной арене лично Медведева. В пользу данной точки зрения приводились аргументы, согласно которым перезагрузка не привела к либерализации политического режима России, наоборот, он стал еще более жестким.

В заключение хотелось бы отметить, что в пылу взаимной борьбы её участники, похоже, растратили свой главный капитал — доверие избирателей. Как сообщают социологи фонда «Общественное мнение», опросившие 3000 респондентов в 204 населенных пунктах 64 субъектов РФ, в настоящее время рейтинги доверия россиянам и президенту, и премьеру — на максимально низком уровне.

Согласно полученным данным, Д.Медведеву доверяют 43% опрошенных при самом высоком рейтинге в январе 2010 года — 62%. Антирейтинг Медведева с начала года вырос с 14 до 23%, хотя ранее никогда не превышал 15%.

Что касается В.Путина, то рейтинг доверия к нему в конце июля составлял 50%. Лучшие показатели у премьера были в третьем квартале 2009 года — 71%. Уровень недоверия повысился с начала года с 13 до 21%.

Цифры впечатляют, однако сейчас мало кто вспоминает о них при рассуждении о предполагаемом кандидате в президенты.

Основным экономическим трендом в России стало обсуждение экономической политики на ближайшие три года. Повод к дискуссии — подзадержавшееся бюджетное послание президента РФ (по закону оно должно оглашаться не позднее марта), которое, на первый взгляд, не потрясло духоподъемностью и судьбоносностью своего предметного содержания.

Наблюдатели наперегонки начали «отмечать» и «подчеркивать» и как бы усталую интонацию устной презентации документа перед членами правительства, и отсутствие яркой идейной «новизны», и уклонение от арбитража в затянувшихся спорах и дискуссиях внутри российского Белого дома на Краснопресненской набережной по поводу очевидно злободневных вопросов (например, той же компенсации выпадающих федеральных доходов вследствие сокращения страховых платежей) и много чего еще.

Такие «изыски» отчасти спровоцировал сам Д.Медведев, устно объяснивший уважаемым коллегам в правительстве РФ, что «этот документ суммирует поручения, по которым уже ведется работа органами государственной власти, и включает в себя целый ряд дополнительных мер, которые актуальны для сегодняшнего периода».

И, тем не менее, несмотря на обилие бросающихся в глаза технологических подробностей упорядочения и оптимизации бюджетной политики, в документе жестко прописан (как логическое продолжение разъяснений «моего выбора», озвученного на Петербургском экономическом форуме) президентский политический драйв необходимо-неизбежных перемен во всем укладе государственного управления.

Констатировав полное «технологическое» банкротство так называемого ручного управления (оно требует постоянной подстройки в силу не до конца проработанных и потому эксклюзивных механизмов применения, к тому же еще категорически не срастающихся с поддержкой инноваций и структурными реформами), Д.Медведев пошел существенно дальше.

Его основной посыл заключается в том, что в ближайшие годы в России должна быть сформирована новая модель экономического роста, основанная на частной инициативе, массовых (а не образцово-показательных и фрагментарных) инновациях, эффективной системе публичных услуг, качественной финансовой и производственной инфраструктуре. Важнейшей предпосылкой и условием становления такой модели является долгосрочная сбалансированность и устойчивость бюджетной системы.

Президент РФ уверен, что в отличие от стран с более диверсифицированной экономикой Россия не может существовать с хроническим дефицитом бюджета и высоким уровнем госдолга, укрепляющими зависимость от внешних обстоятельств (то есть конъюнктурных доходов), «вымывающих» из национального хозяйства инвестиционные ресурсы. При этом в условиях высоких нефтяных цен следует накапливать резервы, подкачивая «подушку безопасности» на случай внешнеэкономических шоков.

В связи с заданным процессом переориентирования российской экономики еще одним важным событием в экономической жизни страны стало одобрение 7 июля Президиумом правительства РФ основных направлений бюджетной налоговой политики на 2012 год и на плановый период 2013–2014 годов. По существу, заседание ключевых министров во главе с премьером стало своеобразным «нулевым чтением» параметров главных финансовых законов страны на трехлетнюю перспективу. С точки зрения экономистов, данное мероприятие получилось далеко не «скучным», поскольку не обошлось без определенных «сюрпризов».

Так, например, ожидается, что в 2012 году доходы бюджета составят 10,6 трлн руб., а расходы — 12,2 трлн руб. Таким образом, дефицит бюджета в будущем году прогнозируется на уровне 1,6 трлн руб., или 2,7% ВВП (при цене на нефть 93 долл. за баррель). В текущем году дефицит бюджета составит 1,3% ВВП (719,1 млрд руб.). Доходы бюджета, как ожидается, достигнут 10,303 трлн руб., а расходы — 11,22 трлн руб.

В 2013 году, согласно последним прогнозам Минфина, он останется на том же уровне (при стоимости «черного золота» уже в 95 долл. за баррель), а в 2014-м должен снизиться до 2,3% ВВП (97 долл. за баррель). Так что никаких намеков на снижение дефицита до нулевого уровня нет. Зато есть опасения не удержать проектную планку в будущем году.

Еще одной существенной особенностью бюджета становится совершенствование межбюджетных отношений и децентрализация полномочий между Центром и регионами. Для того чтобы облегчить финансовую нагрузку «на местах», со следующего года предполагается полностью перевести полицию на финансирование из федеральной казны. Передача же части полномочий в сфере здравоохранения, образования, обеспечения занятости будет сопровождать закрепление за регионами источников дополнительного финансирования.

Между тем, «облегчение финансовой нагрузки» будет для регионов не таким уж легким. Так, межбюджетные трансферты в будущем году должны сократиться на 13,5% от уровня текущего. Кроме того, Минфин со следующего года прекратит выдачу трехлетних бюджетных кредитов, которые были введены во время кризиса из-за обвального падения региональных доходов. С 2012 года бюджетные кредиты будут выдаваться только на преодоление последствий чрезвычайных ситуаций — пожаров, засух, наводнений.

Для пополнения региональных бюджетов и обеспечения бесперебойного финансирования их инвестиционных программ Минфин считает, что субъекты РФ должны активно выходить на рынок займов.

Но в отличие от реальной помощи из федерального бюджета это не более чем благие пожелания — за эти средства еще придется побороться. По оценке самого А.Кудрина, надежными заемщиками являются только около 30 регионов. А остальные... Как бы не получилось так же, как и с государственными интервенциями во время зернового кризиса. Тогда система «распределения» полностью вытеснила биржевые закупки в силу сложности освоения правил торгов региональными чиновниками и привычкой к методам личных договоренностей. По аналогии с этим эксперты обращают внимание на высокий риск неготовности к рыночным заимствованиям большей части администраций субъектов РФ.

Очевидно, что любое обострение ситуации в Европе и США приведет к переоценке рисков на развивающихся рынках и снижению темпов экономического роста. При этом ключевой вопрос для России — насколько все это отразится на сырьевых фьючерсах? С одной стороны, инфляционные опасения будут поддерживать цены. С другой, предполагаемый экономический спад должен сдерживать спрос.

Как считают некоторые аналитики, в совокупности факторов в глобальной экономике для России заключается не только потенциальная угроза, но и уникальная возможность для масштабного структурного маневра, привлечения иностранных инвестиций и т.п. Но для этого потребуются проведение приватизации, форсированное продвижение по пути создания международного финансового центра. Иначе планы по вхождению в пятерку ведущих экономик мира к 2020 году останутся только мечтами.

Следует, однако, добавить, что реальное положение российской экономики во многом остается загадкой. Противоречивая статистика не позволяет выяснить, продолжается ли в стране восстановление экономики или уже начался новый спад. Последние отчеты Росстата заставили некоторых экономистов заговорить об инвестиционном и промышленном ренессансе, случившемся вопреки оттоку капитала и спаду строительства.

Так, Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) объявил, что в последние месяцы в стране наблюдается рост инвестиций и подъем производства. Такой вывод был получен благодаря пересчету данных Росстата. Ссылаясь на несовершенство официальных методик оценки инвестиций, эксперты ЦМАКП предложили использовать свой собственный показатель — «индекс инвестиционной активности», который представляет собой сумму показателей импорта и производства машин и оборудования, а также производства стройматериалов и перевозки строительных грузов.

По такой методике в апреле-мае 2011 года рост инвестиций составил 2,8% в месяц против 1,1% кварталом ранее. Зафиксированную инвестиционную активность специалисты ЦМАКП связывают, прежде всего, с быстрым наращиванием импорта машин и оборудования, который превысил докризисный уровень на 0,5%. При этом объем промышленного производства в целом, по данным ЦМАКП, «формально впервые превысил докризисный уровень на 0,2%».

Впрочем, многие экономисты чрезвычайно скептически отнеслись к отчету ЦМАКП об инвестиционном подъеме в России.

Так, по мнению известного российского экономиста, президента компании «Неокон» М.Хазина, последние официальные данные о состоянии дел в российской экономике свидетельствуют о том, что страна вообще пока еще держится только благодаря экспорту энергоресурсов. Прогрессирующую инфляцию в стране «обеспечивает» Центробанк и дорожающий импорт, рост объемов которого приводит к окончательному развалу реального сектора отечественной экономики.

Как считает Хазин, кризис в России не закончился, и некоторая иллюзия улучшения ситуации связана практически исключительно с ростом мировых цен на нефть. Следует отметить, что он не одинок в пессимистической оценке перспектив российской экономики. Как считают эксперты из Центра развития Высшей школы экономики, сразу после инаугурации президенту предстоит решать задачу, как преподнести населению девальвацию рубля. В отличие от 2008–2009 годов девальвация-2012 может быть не плавной, а разовой на 10–20%, необходимых для выправления баланса. Но и разовая девальвация не решит принципиальную проблему. Пока не будет устойчивого притока инвестиций, повышения доли несырьевого экспорта, конкуренции в реальном секторе, девальвации будут иметь место каждые 2–3 года.

Усугубляет ситуацию, по мнению экспертов, другая негативная тенденция в платежном балансе — устойчивый отток капитала из страны на протяжении четырех кварталов подряд. Во втором квартале 2011 года чистый отток составил 10 млрд долл., хотя еще год назад в этот же период частный сектор был чистым импортером капитала.

Эксперты делают вывод о том, что речь должна идти о полном пересмотре всей экономической политики.

В. Тусов.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Павел ГУРЕВИЧ

ГУЛЯЮТ ВЕТРЫ ПРЕОДОЛЕНИЙ

Разочарование в прогрессе

Великий немецкий просветитель Готфрид Лессинг, завершая свои тезисы о воспитании человеческого рода, восклицал: «Шествуй вперед, историческое Провидение». Выражено пафосно, в духе эпохи. Однако история далеко не всегда шествует. Иногда она словно застывает с поднятой ногой. Иногда же — мчится вскачь. Разными бывают ритмы истории. Когда размеренно, от века к веку, мало что меняется. Те же традиции, тот же жизненный уклад. Но нередко история разгоняется с предельной быстротой. Все разом преобразуется. Сегодня все совсем не так, как вчера. Другие взгляды, иной образ жизни.

Если оценивать массово-психологические процессы наших дней, то нельзя не увидеть этого истомленного ожидания скорых перемен. Минувшие два десятилетия — краткий миг между прошлым и будущим, далеко не соразмеримый даже с продолжительностью средней жизни. Но сколько разломов, бросков и немислимых попыток дерзкого парашютирования в неизведанное историческое пространство! Какое множество дерзаний, направленных на желание разорвать социальную ткань, расшить ее по новым лекалам.

В наши дни все ждут перемен. Хотят новизны и трансформаций. Президент открыто заявил, что власть забронзовела, возникла угроза застоя. Пробудились и запылились Северная Африка и Ближний Восток. Рушатся столицы и президентские дворцы. Пассионарный пожар охватывает города и селения, народы и целые регионы. Можно ли не желать преобразований, когда сдвигаются даже материки, грозя стереть с карты мира Каспийское море? Допустимо ли жить по старинке, когда планируются уже встречи с инопланетянами? Мощно гуляют ветры преодолений.

Однако чем же поддерживается эта массовая вера в стремительные и радикальные перемены? Она вызвана отнюдь не социальными преобразованиями, а новейшими информационными прорывами. Концепция американского кумира Элвина Тоффлера, который предложил разделить исторический процесс на три «волны» — сельскохозяйственную, индустриальную и постиндустриальную — никогда не была предметом серьезной теоретической экспертизы. Она легко вписалась в психологический настрой широких массовых аудиторий.

Так и получилось, что мир сегодня одушевлен невыразимой гонкой. Социальные философы и политики перестали думать о том, куда влечет нас рок событий. Все страны, не исключая России, хотят как можно быстрее катапультироваться в «пост-». Ревнителю прогресса подгоняют, наставляют, осуждают архаику и традиции. Тоффлер, к примеру, критикует правительство США за то, что оно продолжает строить железные дороги, мешающие тотальному торжеству «третьей волны».

Между тем, мне кажется, социальная мысль эпидемически больна. Философская рефлексия утратила дух остережений. Мы вообще перестали обращать внимание на социально-психологические процессы. Человечество пытается не просто переделать мир, но буквально его переплавить. Особенно это заметно в России. Нам поместилось, что социальная ткань податлива и поддается любой лепке. Вспомним, сколько мертворожденных, лозунговых кампаний рождалось в минувшие десятилетия — «модернизация», «коммерциализация», «трансформация», «интеллектуализация», «нанотехнологизация», «идеологизация». Мы полагали, «что все это будет носиться». Но история, похоже, уже вознесла карающую длань.

Ракета постиндустриализма сбросила природную мощь Земли как знак «первой волны». Тоффлер писал об этом историческом периоде, как о времени растянутой архаики. Но так ли это на самом деле? Выдающийся американский культуролог Л.А.Уайт писал: «С развитием земледелия и скотоводства резко увеличилось производство и потребление энергии на душу населения в год, что позволяет ожидать скачка в культурном развитии. Именно это и произошло. Археологические данные полностью подтверждают нашу концепцию. В течение нескольких тысячелетий после полного освоения человеком земледелия и скотоводства возникли великие цивилизации древности в Египте, Месопотамии, Индии, Китае и в Новом Свете, в Мексике, Центральной Америке, в Андах. После сотен лет медленного и скудного развития в эпоху палеолита вдруг под влиянием расширения энергетических ресурсов, вызванного переходом к земледелию и скотоводству, произошел скачок в культурном развитии».

На самом деле великие города, народы, целые империи возникли на месте прежних поселений, племен, союзов племен — и все это следствие аграрной революции. Одновременно происходил быстрый прогресс во всех ремеслах, искусствах и в интеллектуальном развитии человека. Особенно это было заметно в Старом Свете. Предпринимались и успешно завершались смелые инженерные проекты, возводились могучие архитектурные сооружения. Расширялись и процветали гончарное, текстильное ремесла, металлургия. Отмечены большие успехи медицины. Были созданы впечатляющие произведения искусства — рельефы, скульптура и живопись. Прогресс и развитие наблюдались во всех областях культуры.

Но самое поразительное: аграрная стадия человечества, вопреки прогнозам Тоффлера, не сгнула. Сегодня наиболее проницательные эксперты советуют многим странам обратить внимание на аграрный сектор. Что же касается России, то она пошла за Западом. Вещали: стоит ли вкладывать средства в сельское хозяйство, когда можно купить закордонные бананы и пшеницу? Труд на полях стали оценивать как бесперспективный, не заточенный под эпоху.

Но вот футурологи во всем мире заговорили о новой угрозе продовольственного кризиса. Население планеты множится. Замаячила безрадостная перспектива мировой нехватки продуктов. Миллионы азиатов обнаружили, что рис может быть не только едой, но и приправой для первого блюда. Поля и угодья обрели геополитическую ценность. Но разве дело только в этом?

Деревенский уклад жизни — особый культурный код, во многом определяющий национальный дух. Веками складывался особый образ мысли, жизни, культурной повседневности. Формировались культурно-исторические типы с присущими им специфическими чертами в художественно-эстетической, нравственной, религиозной, экономической и социально-политической сферах. Не будет села, не будет и нации. Об этом предупреждал великий русский философ Н.Я.Данилевский: этнос может превратиться в население, в обычный демографический материал для других наций. Так исчезла античная цивилизация, оставив на своей территории греков. Ушла и римская культура, а итальянцы наследуют только прежнее пространство.

Загубив деревню, легко утратить и национальную идентичность. В России вымерли 29 тысяч деревень. Половину продуктов питания мы теперь покупаем за рубежом. Огромные просторы нашей страны обезлюдели, показав «ничейную землю». Невероятное искушение для политических стратегов.

Россия попыталась одним махом перекинуть себя в постмодернистское пространство, в «третью волну». Убеждали политиков: «если сегодня мы не освоим компьютерные технологии, завтра мы окажемся на задворках истории». Зачем нужны молотки, гвозди, доски, сверла, шурупы и клей (кстати, эти приметы индустриализма я взял из работ Мартина Хайдеггера) в век компьютеров? В итоге действительно оказались без гвоздя, то есть без заводов, без промышленных цехов, без станков, без слесарей и техников.

Мировая практика показывает, что большинству стран не удалось отцепиться и от «второй волны». Да, началась бурная деиндустриализация Запада. Производство дислоцировалось в те страны, где дешевая рабочая сила. Однако маргинальное положение России не позволило стране «прицепиться» к паровозу. Теперь уже очевидно, что ни одна страна не сможет добиться развития, пользуясь только программным обеспечением, финансовыми услугами, туризмом или высокими технологиями.

В нашей экономике на первый план вышли финансисты. Отброшены экономические модели, направленные на приращение национального богатства в виде реальных достижений. В моду вошли спекулятивные схемы, помогающие перераспределять, а не приумножать доходы. Появились специалисты по регулированию финансовых потоков.

Историческое воодушевление нередко сменяется психологической усталостью, разочарованием. Накатывают «волны», не имеющие ничего общего с тоффлеровским членением истории. Общественное сознание сегодня трудно выразить в понятиях психологической нормы. Депрессивный синдром поразили жителей деревни, осознавших скорый финал крестьянского бытия. Горечь испытали люди труда, оказавшиеся в зоне планомерной люмпенизации. Интеллигенция мучительно, с огромным разочарованием воспринимает собственную невостребованность.

Французский социолог Раймон Арон написал в свое время книгу «Разочарование в прогрессе». Это было, по сути дела, первое предвестие горькой изнанки социальной ломки, огромных скоростей, пустоты революционаризма. Сегодня, пожалуй, мы присутствуем при новом витке этого разочарования.

«Живем мы в мире виртуальном»

Великие умы прошлого задумывались над тем, как выстроить человеческое общежитие по меркам разумности. Афинская демократия, например, хотя и уважала право каждого высказывать свое мнение, была, тем не менее, полна неожиданностей, обрекала каждого на риск и ответственность. Раздраженный демократической неразберихой, Платон сконструировал нечто в высшей степени пропорциональное, стройное и упорядоченное — корпоративное государство, которым управляли философы. Чем дальше, однако, существовали Афины, тем более поразительной становилась картина всеобщей разрозненности, обособления и недисциплинированности. Нет, не выстраивается жизнь по заветам мудрецов.

В политической жизни нашей страны утрачены традиции народовластия, опора на общественное мнение, на формы социальной самодеятельности. Бюрократизация взяла курс на предельную заорганизованность всех сторон человеческого бытия. Правовое сознание отреклось от нравственных императивов. Сместились все оценки, здравый смысл обнаружил изнанку. Закрепились эксцентричные, абсурдные критерии государственной деятельности.

Участники президентского марафона обращаются к народу, к его политическому сознанию. Но вдруг оказывается, что у каждого из них — собственный образ этого населения. Одному мнится, что люди оценят его любовь к животным, личное участие в тушении лесных пожаров, простецкий юмор, деловую хватку. Другому кажется, что избиратели в восторге от «продвинутости» политика в его увлечениях информационными технологиями, модной музыкой, постоянным командным присутствием на экране, подкреплением юридических прав отдельно взятого человека.

Если воспользоваться словом К.Манхейма, то суверенная демократия стала не только «воинствующей». Она превратилась в инструмент бессодержательных процедур, направленных к заранее спланированным целям. Сложилась исторически абсурдная ситуация, когда властители могут планировать свое владычество на целые десятилетия вперед, даже не принимая в расчет иные расстановки политических сил в стране. Обнаружилась явная несостыковка между реальными настроениями в обществе и результатами голосований, якобы подтверждающими высокие рейтинги и неизменные политические симпатии.

За 20 лет, в течение которых современная элита пытается вывести страну из кризиса, никакого прорыва не обозначилось. И вот при изобилии финансовых ресурсов, при почти идеальной внешней конъюнктуре уровень инвестиций в реальный сектор экономики крайне низок. Он в два раза ниже, чем в Индии и Китае. Станкостроение в России практически исчезло. Дороги разрушаются, а те, которые с твердым покрытием, сокращаются. Дорожное строительство переживает не лучшие времена. Чем можно похвалиться? Разве

только торгово-развлекательными центрами. Трудно представить сейчас такого сталинского наркома, который имел бы приблизительное представление о своем наркомате, о том, чем он, вообще говоря, занимается. О реформаторах такого класса, как Витте или Столыпин, не может быть и речи.

Как-то неприметно для социальной философии в нашем историческом бытии стерлись грани между революцией и реформой. Распродажа общественной собственности, произрастание с шумом и свистом новых сословий, приручение демократии как верной хранительницы деспотии, предумышленное отвержение народных устоев жизни. Был бы жив Маркс, назвал бы такие преобразования не локомотивами, а ракетами истории. Неузнаваемыми оказываются культуры, нерушимо хранившие себя в течение тысячелетий. Рвутся социальные связи. Все, что было «весомо, зримо, грубо», проваливается в виртуальное пространство.

Нам не дано предугадать, на что и как откликнется история. Но есть одно давнее наблюдение социальных философов: общественные сдвиги начинаются в такой форме и с такой глубиной, что этого никто не ожидает. Большинство жителей страны не хотели развала СССР. Никто не помышлял о том, что Россия станет страной немислимых социальных контрастов. О невероятном размахе коррупции не было промолвлено ни слова. Поистине, нетруден первый шаг, но мы рабы другого.

Царизм был плох. Либеральный проект спасения России оказался подлым и разрушительным. Попытки вернуть стране ее державное место обнаружили признаки застоя и угрозу стагнации. Надежда на возможное десятилетие спокойного, устойчивого развития перекрылась стенами о безотлагательном рывке в грядущее через модный модернизационный проект.

Рождается ощущение, будто история чревата вулканическими сдвигами. Прежние варианты «штурма будущего» объявляются катастрофическими. Но начинают фонтанировать другие социальные модели. Невольно закрадывается мысль, когда-то поразившая К.Маркса и отвергнутая им: похоже, в истории действуют одни недоумки.

Мы постоянно догоняем, перегоняем, запускаем себя в будущее со скоростью ракеты. Но каков счет за это постоянное стремление подрасти путем извлечения корней из почвы? Пока мы оплакивали невостребованный нами китайский путь модернизации, в газетах этой державы стали появляться снимки, мучительно сходные с отечественным архетипом. На фоне кирпичной стройки три китайца, развалившись на местном ландшафте, блаженно потягивают пиво. Властители Китая срочно озаботились восстановлением неоконфуцианства в стране. Появились статьи о достоинстве труда и послушания. Заговорили о ценности традиций. Но подземные толчки истории неумолимы.

Боже правый, в какие же это фантастические сроки европейский проект, глобализируя мир, смел вековые традиции, заветы мировых религий, непоколебимые святыни! Мир поражен цепочкой социальных потрясений на Ближнем Востоке. В Индии ценность данной земной жизни неотвратимо отстывает перед соблазном последующих реинкарнаций. Человечество поспешно расписалось под фразой Хлестакова: «Для того и живем, чтобы срывать цветы удовольствия».

Политики больше не нуждаются в огляде на глубинные истоки бытия. История утратила сакральность. Сбылось предсказание Николая Бердяева: теология уступила место социологии. Власть перестала быть священной. Оказалось, что властители такие же люди, как и все, помышляющие о стяжании богатства любыми доступными им способами. Мир хочет новизны.

Люди эпохи Ренессанса тоже думали, что с них собственно и начинается история. Они мнили себя первопроходцами, хотя и осознавали, что возрождают античность. Традиция часто кажется случайной разменной монетой, паролем архаики и нелепой старины. Но именно в традиции кристаллизован огромный социальный опыт. Традиция знает ответы на главные человеческие вопросы. Ее нормативный код позволял ей выстоять в борьбе со временем. Только она может обеспечить общественное согласие и стабильность. Лишь из нее, как из тростника, согласно О.Мандельштаму, можно «извлечь богатство целой ноты». Альтернатива ей — погром бытия...

Современные постмодернисты не зря обратили внимание на тот факт, что мы все чаще и чаще оказываемся в некоем фантомном пространстве, которое подменяет нам реальность. Возникают новые партии, плод затейливой мысли политтехнологов. Озвучиваются бессмысленные лозунги и призывы. Разворачиваются народные фронты. Некий инопланетный пришелец, которого мы так истово ждем, возможно, принял бы эту шумиху за полноценный политический процесс. Однако вся эта технология не имеет никакого отношения к глубинным истокам народной жизни, несомненная привилегия которой быть фундаментом политики.

Французский философ Жан Бодрийяр пишет: «Мы испорчены так называемыми судьбоносными событиями, событиями сверхзначимыми, этим видом неуместного межконтинентального неистовства, которое затрагивает не отдельные личности, институты, государства, а целые поперечные структуры: секс, деньги, информацию, коммуникации».

В виртуале сложилась определенная техника бурного общественного развития. Мы стоим на месте, но переживаем состояния радикальных прорывов, немислимого энтузиазма, пика общественной активности. Когда-то говорили, что массы безмолвствуют. Это молчание было свойственно прошлым поколениям. Теперь массы своей причудливой фантазией заражают опросы и прогнозы. Массы играют на своей неуверенности. «Это означает, — развивает свою мысль Бодрийяр, — что людей научили играть в биржу цифр и изображений, массы умышленно развратили и лишили убеждений».

Вынесенная в название параграфа строчка «Живем мы в мире виртуальном» имеет продолжение: «умираем тоже в нем». Хочется, однако, оспорить безоговорочность последней строчки.

Идея справедливости

Один отечественный исследователь написал неплохую книгу о справедливости. В книге воссоздана даже некая история осмысления данной животрепещущей темы. Позиция автора, к сожалению, иногда не совпадает с реальностью. Да, справедливость прочно вошла в контекст философских дискуссий, а споры о содержании понятия не утихают до сих пор. Но

политический аспект данной темы, на мой взгляд, состоит вовсе не в том, что властители ищут желаемую социальную форму организации всей жизни людей на началах максимального приближения к справедливости. Общественная практика показывает сегодня, что на фоне социальной демагогии ясно обозначается тенденция кастового подхода к проблеме. Политики всячески оправдывают сложившееся неравенство народов, ищущих благоденствия, оправдывая его геополитическими и иными факторами. Особенно очевидно это в нашей стране, в которой дежурные фразы о нуждах народа постоянно перекрываются рассуждениями в духе элитарного неравенства.

Дискуссию по справедливости можно вести на разных уровнях. Самый простой и одновременно самый бесперспективный путь — путь мнения. В этом случае проблема обсуждается на обыденно-жизетском уровне. Здесь не избежать голоса охлоса, аффективных, пристрастных суждений. Так полагали софисты Древней Греции. Именно такой подход сходен сегодня с нашей политической российской культурой. Любой индивид, по концепции софистов, имеет негласное право определять, что есть справедливость, существует ли она в данном обществе, и если не существует, то как переустроить это общество, чтобы ее достичь. Одно из определений справедливости у софистов: «Справедливость есть то, что пригодно сильнейшему». Надо ли подчеркивать актуальность такой позиции в российском обиходе?

Идея справедливости — могучий фактор социальной истории. Вот что писал по этому поводу К.Манхейм: «Для успешного функционирования нового социального порядка нужно не только сохранить абстрактный принцип демократии, но и придать ему новую форму: необходимо добиться также соблюдения социальной справедливости, если мы хотим гарантировать действие нового социального порядка. Функционирование существующей экономической системы, если пустить ее на самотек, приведет в самый кратчайший срок к увеличению различий в доходах и благосостоянии между различными классами до такой степени, что уже само по себе вызовет недовольство и социальную напряженность. Однако поскольку демократический порядок основывается на демократическом согласии, принцип социальной справедливости является не только этическим принципом, но и одним из условий функционирования самой демократической системы».

Народ расколот на сверхбогатых и безнадежно бедных. Властителей волнует не судьба народа, а благополучие верхних эшелонов олигархии. Масштабы социального управления скандально заужены. О народе политики думают по остаточному принципу.

Доходы богатых людей в нынешней России в 16 раз выше, чем у бедных. Социальные мыслители утверждают, что нестабильность обеспечивается уже разницей доходов в 10 раз. Социальные контрасты становятся грозным фактором, обладающим огромной разрушительной силой.

Именно Манхейм в свое время убедительно доказал, что молодежная страта, войдя в стадию социальной зрелости, болезненно реагирует на те порядки, которые созданы «отцами». Подростки из спальных районов, дети подземелья имеют возможность сегодня наблюдать немислимые социальные контрасты. Они убеждаются в том, что ради жизни на яркой стороне

нужны не созидательные усилия, не общественная призванность. Богатство приносит рейдерство, сплотку братков, жестокость и хищные инстинкты. Они ежедневно видят наглую ухмылку хама, который уже отвоевал свое место в социальной иерархии. Они сталкиваются с бесправием и избирательностью правосудия. Они узнают из телевизионных репортажей, что их ровесники в других европейских странах могут бороться за свои права. Едва увеличилась плата за высшее образование в Англии, как начались мощные молодежные выступления. Неужели мы рассчитываем аналогичные социальные проблемы решать с помощью полиции?

Политическая активность этнических элит вызвала растерянность властей. В стране живут 182 народа. Однако властвующая элита не озаботилась тем, чтобы предложить обществу адекватную национальную политику. Зреющая дезинтеграция российского общества способна обострить национальные противоречия, вызвать межэтнические столкновения. Не является секретом, что региональные лидеры в течение длительного времени, используя федеральные ресурсы, создавали в республиках моноэтнические политические и экономические элиты. Они искусственно увеличивали процент «титულიной» нации. Понятно, что оживление национализма грозит утратой территориальной целостности страны, разрушением межнационального мира.

Мы должны дать трезвую оценку новой политической власти, ее оснований, мотиваций, ее интроспективного содержания. Что движет политиком той формации, которая победит в предстоящем президентском марафоне? Что в арсенале очередного претендента на роль лидера нации, кроме обычных предизбирательных фишек? Нет сомнений в том, что стране нужна масштабная модернизация экономики. Мы уже «прозевали» переход к политике сбережения, компьютерную революцию, зеленую революцию в сельском хозяйстве.

У нас нет сегодня полноценной партийно-политической системы. Россия во многом отстает от Европы. Но это особенно касается социальных отношений и связей.

Формально Россия — федеративная республика, но у нас нет ни федеративности, ни народоправия. Политическая система нуждается в реконструкции, поскольку фактическая жизнь проходит совсем в ином общественном пространстве, нежели существующие партии.

Сейчас уже не время для частичных реформ. Нужны перемены глобального свойства и принципиального масштаба. Мы сегодня наблюдаем рост гражданской активности. Бунт болельщиков, вызвавший драки и погромы в Москве, гневное отношение общества к массовому убийству в Куцевской, процесс против борца с наркоманией Егора Бычкова и противников сноса домов в поселке «Речник». Сформировался большой слой людей, которые объединяются в разнообразные сообщества и социальные сети, чтобы отстаивать свои интересы и ценности. Общество сегодня не боится власти.

Что же вселяет надежду? Уже не годится мандельштамовское «Мы живем под собою, не чуя страны». Трезвая оценка состояния дел в стране, готовность к переменам — реальность наших дней. Можно надеяться на чудо или искать утешения во фразе Салтыкова-Щедрина: «Кто не верит в чудеса, не должен читать историю российского государства».

Сергей ИСРАПИЛОВ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕСТРУКЦИИ ОБЩЕСТВА В РОССИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ МОТИВИРУЮЩЕГО ДАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ

Общество состоит из индивидов, но не является простой суммой индивидов. Напротив, оно есть некое целостное образование, имеющее собственную жизнь. Развитие его, как и деструкция, происходит по уникальным законам, требующим отдельного изучения. Особую практическую значимость имеет изучение законов деструкции общества¹, которая представляет огромную опасность и для существования конкретного индивида, и совокупности всех индивидов, составляющих данное общество².

На наш взгляд, имеющая место деструкция современного общества — важнейший вызов XXI века. По мнению многих исследователей, основной причиной её следует считать глобализацию, которая оказывает разрушительное воздействие на социальные связи личности, существующие межличностные коммуникационные связи и на общество в целом. Деструкция общества снижает эффективность, дееспособность и даже может вести к разрушению национального государства, без которого вообще невозможно существование современной экономики³. В силу этого она создает угрозу глобальных потрясений.

Несмотря на схожесть многих черт, в каждом регионе мира, в том числе и в России, деструкция общества имеет свои особенности. Они и стали предметом анализа в данной статье.

Симптомы деструкции

Собственно, симптомы деструкции российского общества достаточно многочисленны, и не замечать их невозможно. Однако существенная проблема состоит в том, что основная часть исследователей, политиков и простых граждан видит в этих симптомах не деструкцию общества, а лишь

¹ Под термином «деструкция общества» мы, прежде всего, понимаем такие социальные изменения, которые ведут к утрате обществом защитных функций в отношении опасностей, угрожающих большинству граждан.

² Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Перевод / Авт. вст. ст. П.С.Гуревич. — М.: Республика, 1994. — 447 с.

³ Семенов Ю.И. Общество как целостная система // Социальная философия. Курс лекций. Учебник. — Под ред. И.А.Гобозова. — М.: Издатель Савин С.А., 2003. — С. 61–79.

проблему эффективности государственного управления. К примеру, видный политолог левого крыла С.Г.Кара-Мурза в статье «Кремль отвечает за все» называет нынешнюю российскую власть ответственной, в том числе, за деструкцию российского общества⁴. Примерно такая же постановка вопроса видна в политическом заявлении «Путин. Итоги» правых политиков Б.Немцова и В.Милова, опубликованном, в том числе на сайте Немцов.ру (nemtsov.ru)⁵.

Думается, такая постановка вопроса возможна в политической практике, когда надо привлечь внимание общества и «заставить власть работать» над исправлением ситуации. Однако нужно четко разграничивать проблемы государства и «болезни» общества. Хотя бы потому, что государство далеко не во всех сферах жизни общества имеет возможности и инструментарий влиять на суть происходящих процессов.

Существует много аспектов жизни общества, которые слабо изучены, слабо регулируются государством и постоянно находятся «в тени» других, более политически заметных. К примеру, личная жизнь граждан, предпочитаемое ими времяпрепровождение, вступление в брак, количество рождаемых детей, нюансы воспитания этих детей в семье и т.д. Как мы знаем, в современной России, да и на Западе, весьма значительная, возможно — основная часть социальных проблем связана с теми сферами человеческой жизни, которые считаются «глубоко личными» и которые, как показала практика, слабо реагируют на механизмы государственного регулирования. В силу исторических причин государство не выработало пока эффективных механизмов адекватного реагирования на такие угрозы.

Однако в современной России социальные болезни сосуществуют параллельно с теми проблемами, которые являются следствием неэффективности государственного управления. Эти проблемы в итоге взаимодополняют и усугубляют друг друга. В табл. 1 мы разделяем эти проблемы на «проблемы общества» и «проблемы государства».

Разумеется, разделение «проблем общества» и «проблем государства» условно. Усилия общества и государства в решении проблем в идеале должны взаимодополнять друг друга. В данном случае дифференциация приоритетной ответственности очевидна: если в основе «проблем общества» лежит деструкция личности и межличностной коммуникации, то в основе «проблем государства» — неэффективность госуправления.

В год в России, по официальной статистике, совершается от 2 до 3 млн. преступлений, в том числе десятки тысяч убийств — и это притом, что многие эксперты сомневаются в ее полноте и достоверности⁶. В данном случае для преодоления этой проблемы государство и общество должны работать совместно. А, к примеру, в борьбе с алкоголизмом возможности государства ограничены, и меры государственного регулирования вызывают острое неodob-

⁴ Кара-Мурза С.Г. Кремль отвечает за все! // Русский журнал. Спецвыпуск. 2008. — URL: <http://www.dm-b.ru/articles/1892.html>

⁵ URL: <http://www.nemtsov.ru/docs/putin-itogi.pdf>

⁶ Лунеев В.В. Особенности современной преступности в России. Куда пришла Россия? Итоги социальной трансформации / Под общ. ред. Т.И.Заславской. — М.: МВШСЭН, 2003. — С. 263–271.

Таблица 1

Некоторые проблемы социальной деструкции и государственной неэффективности

«Проблемы общества»	Масштабы проблемы, тыс. чел.	«Проблемы государства»	Масштабы проблемы, тыс. чел.
Число «официально зарегистрированных» алкоголиков	свыше 2000	Количество россиян, живущих за чертой бедности	24857
Число наркоманов (по данным ФСКН)	550	Количество бомжей	4300
Экспертные оценки числа наркоманов	от 2000 до 6000	Количество неграмотных детей и подростков	свыше 2000
Погибает в год от передозировки наркотиков	28–37	Число россиян, ежегодно погибающих в авариях	25–30
Число детей-сирот в России	698		
Количество россиян, ежегодно погибающих от отравления алкоголем	15–37,2		
Количество россиян, инфицированных ВИЧ	от 60* до 589**		

* Данные ВОЗ. ** Данные Центра-СПИД

рение со стороны граждан. Поэтому роль гражданского общества здесь должна быть превалирующей.

Осознание российской деструкции

Как мы уже говорили, в каждом регионе мира деструкция общества может иметь собственную скорость протекания и свои, присущие только этому региону особенности.

На наш взгляд, среди причин деструкции российского общества особенно выделяется такая жажда материальных благ, которая превышает возможности личности получить их и возможности государства, экономики их предоставить. Отсюда следует масса актуальных для общества проблем.

В разных работах и у разных авторов проблема деструкции российского общества обсуждается достаточно активно. К примеру, сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН А.В.Баранов несколько лет назад объяснял нынешние социальные проблемы с точки зрения «депривации», т.е. резкого увеличения дистанции между притязаниями человека и его реальными возможностями. Дистанция может увеличиться с ростом притязаний, потребностей, ожиданий при неизменных доходах, и с падением реальных доходов при неизменности притязаний.

В частности, резкое падение рождаемости в России он объясняет «пост-тоталитарной жаждой жизни»: «Взрыв притязаний, потребностей создаёт высокий разрыв между ними и реальным уровнем жизни, то есть депривацию первого рода, вызывающую высокую неудовлетворённость и достигательную активность. Не страх, не депрессия, а оптимизм становится психологическим фоном, на котором зиждется, из которого вырастает социально-

экономическая активность и низкая рождаемость...»⁷ Поскольку негативные изменения в обществе происходят вследствие «потребительского оптимизма», то есть осознанных и желанных изменений в обществе, Альберт Баранов считает деструкцию необратимой.

Корни деструкции российского общества

Современная экономическая система порождает отношения, которые можно назвать «мотивирующим давлением» на личность. Экономическая система порождает массу желаний и соблазнов. Прогресс обеспечивается тем, что гражданину предоставляется масса инструментов для реализации этих желаний. Основная масса индивидуумов проводит свою жизнь в попытках достичь того, чем соблазняет, что пропагандирует современное общество. Другая же часть не имеет возможности реализоваться и «сгорает» в огне избыточных желаний.

Мотивирующее давление общества очень трудно дозировать, и потому иногда оно перехлестывает через край, порождая желания, которые никак не сможет реализовать подавляющее большинство граждан. И тогда мотивирующее давление общества порождает массу страданий граждан, которые уже сильно мотивированы на успех, но в реальности не имеют возможности получить то, о чем мечтают. А, кроме того, даже умеренное мотивирующее давление общества может стать избыточным для определенной части индивидуумов, менее других имеющих устойчивость к соблазнам общества в силу особенностей психического или физического характера.

Кроме избыточного мотивирующего давления общества при скромных возможностях государства и экономики к удовлетворению этих притязаний, у российской деструкции есть еще одна особенность. А именно — латентность проявлений российской деструкции.

Вследствие исторических причин в российском обществе не накоплены или утрачены существовавшие ранее механизмы контроля за процессами в определенных сферах человеческой жизнедеятельности. Собственно, контролируемая государством сфера человеческой жизни оказывается достаточно узкой, и потому в нее, в эту сферу, не попадают некоторые, ранее казавшиеся второстепенными, а сегодня — критически важные сферы жизнедеятельности. Такие, как, например, отдых человека, проведение им досуга, межличностная коммуникация в этой области и его личное осознание и понимание приоритетов сферы собственного досуга.

С точки зрения общества, отдых человека — его личное дело, и государству нет нужды вмешиваться в эту сферу. Если, конечно, в этой сфере индивидуум не переступает грань закона. Отношение к сфере досуга индивидуума менялось в течение эпох человеческой истории, порой — радикально. Но в значительной части оно оставалось личным делом человека и государство не вмешивалось в нее или, по крайней мере, соблюдало в этом вмешательстве определенную границу.

⁷ Баранов А.В. Дети — граждане России. — URL: <http://albert-baranov.com/articles/depoupl.htm>

Проникая в общество, в сознание индивида с самой незащищенной стороны — со стороны отдыха, не контролируемого государством, завышенные притязания индивидуума вызвали массовое саморазрушение — алкоголизм, неограниченное стяжательство, наркоманию, эпидемию самоубийств, сердечных и нервных болезней и т.д.

Одна из наиболее очевидных проблем России — снедающая массу индивидуумов жажда наслаждений. Может, это утверждение не вяжется с образом страны, пережившей тоталитаризм, перестройку, катастрофические реформы и, наконец, погрузившейся в мировой экономический кризис. У России действительно много объективных проблем. Но, как показывает анализ, все объективные социально-экономические трудности лишь фон, который вызывает обостренную жажду удовольствий, а с ней — настоящие социальные беды.

В современной России даже в условиях экономического кризиса больше всего граждане страдают, болеют или умирают не от переработки, голода, холода, недоеданий или безработицы. В десятки раз чаще причиной личных

Таблица 2

Численность россиян, пострадавших от различных форм «злоупотребления досугом» или увечий, полученных в трудовом процессе, в 2008 году

Категория	Кол-во, тыс. чел.
Погибшие от отравления алкоголем	Около 20
Погибшие от передозировки наркотиков	Свыше 30
Погибшие вследствие случайных отравлений алкоголем	18
Наркоманы в России (по разным оценкам)	от 2000 до 6000
Страдающие алкоголизмом	2300
Погибшие в результате несчастных случаев на производстве	2,9
Пострадавшие вследствие производственных травм с потерей трудоспособности на один день и более или летальным исходом	71
Инвалидизация вследствие производственных травм и производственных болезней	10

Таблица 3

Число умерших в РФ по главным причинам смерти, тыс. чел.

Причина смерти	Годы		
	1990	2000	2007
Всех умерших от всех причин	1656	2225,3	1464
Болезни системы кровообращения	915,5	1231,4	834
Несчастный случай, отравление и травмы	198,3	318,7	211
Случайное отравление алкоголем	16,1	37,2	18
Самоубийство	39,1	56,9	29
Убийство	21,1	41,1	18
Болезни органов дыхания	88	102,1	55
Цирроз и другие болезни печени	20,1	32,7	31

трагедий в России становится погоня за удовольствием. К примеру, употребление алкоголя, наркотиков или просто переедание.

В современной России «мотивационный» стресс чрезвычайно силен и стал важной причиной многих личных трагедий, смерти россиян и даже депопуляции. Снимать стресс россияне часто стараются не отдыхом, а развлечениями, оборачивающимися для организма иным, еще более сильным стрессом. Данные *табл. 3* показывают, что россияне умирают не столько во время работы, сколько вследствие проведения досуга.

Характерно, что искажение сознания вследствие давления информационного общества проявляется не столько в сфере трудовой активности, где наше сознание остается конкретным и рациональным. В гораздо большей степени оно проявляется в сфере досуга. Наш досуг является прибежищем иррационального отношения, попыткой дотянуться до несбыточной и, часто, нездоровой мечты. Кстати, именно поэтому многие проявления деструкции общества носят латентный характер, а представления об этой угрозе носят оценочный, примерный характер.

Отсутствие единого понимания угроз

Итак, причина значительной части социальных бед России — деструкция общества. Вместе с тем, многие медики, политики, экономисты и подавляющее большинство населения убеждены, что главная причина проблем России — понижение уровня жизни большинства. К примеру, этим они объясняют депопуляцию России — низкую рождаемость и высокую смертность.

Такая точка зрения не выдерживает серьезной критики. Как пишет А.В.Баранов, речь, скорее, идет о «депривации», т.е. резком увеличении дистанции между притязаниями человека и его реальными возможностями. Дистанция может увеличиться с ростом притязаний, потребностей, ожиданий при неизменных доходах — и с падением реальных доходов при неизменности притязаний.

Таблица 4

Семья в России (на 1000 человек населения)*

	Годы		
	1990	2000	2008
Число браков	8,9	6,2	8,9
Превышение числа браков над числом разводов	5,1	1,9	1,85

* Данные Росстата.

Проблема снижения рождаемости, кризиса семьи, депопуляции стала важным фактом во многих странах мира. С ней уже сегодня столкнулись около 20 государств. Есть мнение, что еще в 76 государствах в настоящее время суммарный коэффициент рождаемости ниже уровня простого замещения поколений⁸. Депопуляция имеет место и в благополучных с экономиче-

⁸ World Population Prospects: The 2008 Revision. Highlights. — N.Y. 26 February 2009. — URL: <http://www.un.org/esa/population/publication/wpp2008-highlightsrev1.pdf>

Таблица 5

Отрицательный естественный прирост в некоторых странах Европы, тыс.чел.*

Страна	Первый год депопуляции	Общий отрицательный прирост
Болгария	1990	699,8
Германия (включая ГДР)	1972	4121,8
Италия	1993	291,7
Венгрия	1981	798,7
Украина	1996**	3889,3

* Естественный прирост населения в странах Европы, 1960-2008. База данных Евростата. — URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/search_database

** Так — в отчете Евростата.

ской точки зрения странах Западной Европы и в более бедных странах Восточной Европы. Эта проблема не может быть решена лишь усилиями государства или финансовыми вливаниями в программы поддержания государства.

Как видно из табл. 5, Германия — в лидерах европейской депопуляции. И это притом, что Германия обеспечивает наибольшую материальную поддержку семьям и демографическим программам среди всех стран ОЭСР⁹.

Приводя данные одного из экспертных опросов, газета «Дойче Веле» отмечает, что немецкие женщины в массе своей считают детей обузой карьере. 86% всех опрошенных согласились с тем, что боязнь потерять работу является, видимо, одной из причин низкой рождаемости в ФРГ. 81% респондентов также считает, что в современном обществе карьерные достижения имеют большую ценность, чем создание собственной семьи, и это тоже негативно сказывается на рождаемости. 79%, кроме того, заявили, что их жизнь и без детей чрезвычайно трудна и сложна¹⁰.

Мы видим, что даже в благополучной с экономической точки зрения стране настроения таковы, что никак не могут способствовать росту рождаемости и пресечению депопуляции. Теоретически государство имеет какие-то рычаги влияния в вопросе демографии, но результат этих усилий может быть незначителен.

Дилемма взаимообострения внешних и внутренних угроз

Существуют объективные причины, препятствующие борьбе с деструкцией общества. Главная из них заключается в том, что деструкция общества является необходимым условием экономического прогресса в рамках суще-

⁹ ОЭСР недовольна результатами немецкой семейной политики. — URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,15033472,00.html>

¹⁰ Декретный отпуск: вернуться без потерь для карьеры. — URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5819782,00.html>

ствующей экономической модели. Современный капитализм заинтересован в «высвобождении» работника от традиционных социальных связей, в его крайней степени индивидуализации и «экономизации» его сознания. И потому попытки изменения социальной ситуации могут быть связаны, к примеру, с ухудшением экономической конъюнктуры.

Россия веками вынуждена была защищаться от натиска агрессивных европейских соседей. Чтобы противостоять технически лучше вооруженным армиям, необходимо было создать современное оружие и современную армию. Однако попытки создавать передовое европейское оружие и армию, но избегать социальных изменений, не имели успеха. Уже Петр I вслед за реформами армии и промышленности начал форсированное реформирование общества. Поражение в Крымской войне также способствовало началу нового этапа реформирования российского общества. Советская индустриализация тоже была вызвана ощущением надвигающейся угрозы. В сущности, при ближайшем рассмотрении любая модернизация общества в России так или иначе связана с осознанием военно-политической угрозы.

Чтобы защищаться, Россия вынуждена была перенимать технологии вооружения и организации армии, организации промышленности, и, как необходимое условие, — технологии организации всего общества. В итоге вынужденное следование чужим социальным технологиям привело к постепенной перемене общества по образцу западного и изменению индивидуума, личности под стать обществу. А изменение законов функционирования общества и личности привело к проникновению в Россию тех болезней, которые свойственны Западу.

Сегодня России, как и прежде, угрожает несколько ключевых проблем. Одни из них являются внешними, другие идут изнутри общества. Дилемма в том, что нельзя решать внешние проблемы, не ухудшая состояние внутренних проблем, и нельзя решить внутренние проблемы, не ухудшая защищенность от внешних угроз. Чтобы не отстать в экономическом, технологическом, а следовательно, и военном соревновании с более сильными соседями (ЕС, Китай, США), России необходимо увеличивать государственные расходы. В частности, России нужно резко нарастить расходы на оборону и модернизацию ВПК. Сегодня осознание внешних угроз вновь нарастает. Даже высокопоставленные российские генералы, например, Главком сухопутных войск, критикуют российское оружие¹¹. В то же время по-прежнему актуально увеличивать эффективность потребительской экономики. Современное российское общество не готово терпеть лишения ради увеличения госрасходов. А значит, необходимым условием успешного экономического развития является сохранение высокой мотивации граждан к экономической деятельности. И эта запредельная мотивированность и является причиной многих социальных болезней России.

Дилемма в том, что избыточная «экономизация» и индивидуализация сознания является одновременно и фактором экономического прогресса, и причиной социальной деструкции.

¹¹ Китайцы обогнали. Высокопоставленный генерал раскритиковал новейшее российское оружие // Взгляд. 15 марта 2011, 17:56.

Кроме того, индивидуализация сознания сама по себе может вести к крупным политическим потрясениям. К примеру, распад СССР и Восточного блока тесно связан с дисфункцией советского общества, когда коллективистская система организации общества пришла в противоречие с индивидуализировавшимся сознанием большинства граждан. Примерно такая же ситуация сложилась на рубеже 2010–2011 годов в исламских странах мира, что привело к серии политических потрясений. Урок заключается в том, что дисфункция общества может быть «внезапной» и разрушительной для государства и общества.

Перспективы борьбы с социальной деструкцией

В длительной перспективе существует настоятельная необходимость защитить общество от «перегрева», излишней «экономизации» сознания и связанной с ними социальной деструкцией.

Тем более, что и интересы экономики требуют её ограничения. Как отмечают некоторые исследователи, по причине снижения численности населения в промышленно развитых странах начинается экономический спад и кризис системы социального (прежде всего — пенсионного) обеспечения. А в начале 2011 года международное рейтинговое агентство Standard and Poor's в исследовании «Старение населения — 2010» пришло к выводу, что в обозримой перспективе из-за старения населения России экономику страны ожидают серьезные потрясения¹².

Мы считаем, что в перспективе потрясения, связанные с демографическим и экономическим кризисом в России, могут стать началом возрождения общества, опирающегося на более здоровые ценности. Вместе с тем, революционные изменения могут нести большие страдания населению. Потому уже сегодня необходимы срочные меры по охлаждению общества, перегретого излишне «экономизированным» сознанием.

В частности, в условиях России приоритетом должна стать поддержка трехдетной семьи. Остро необходимо сдерживать нынешнюю одностороннюю урбанизацию, ведущую к опустению деревень и малых городов. Необходимо активнее препятствовать слишком уж доступным в России абортам. В частности, по примеру США, активно проводить школьные программы, направленные на сексуальное воздержание подростков до вступления в брак.

Нужна активизация духовного поиска, ведь, по мнению ряда исследователей, в основе демографической катастрофы России лежит слом идентификации российского населения. Полезными могут оказаться многие инициативы РПЦ, направленные на возрождение общественной нравственности.

Нужно поддержать сельское хозяйство, тем более, что в экономическом плане это принесет большие дивиденды. В мире все больше не хватает продовольствия. В настоящее время на планете недоедает или голодает миллиард человек¹³. Особенно миру недостает экологически чистого продовольствия,

¹² Мереминская Е. S&P обещает России нищую старость. 11 февраля 2011. — URL: <http://www.gazeta.ru/financial/2011/02/11/3521338.shtml>

¹³ Венкель Р., Гурков А., Зеллик Р. Цены на продукты питания достигли критической точки // Дойче Веле. 18.04.2011. — URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,14992531,00.html>

которое давно превратилось в роскошь, доступную немногим. В социальном плане поддержка сельского хозяйства будет означать рост привлекательности деревенского образа жизни и серьезную меру в борьбе с депопуляцией.

Как мы отмечали, государственные методы борьбы с деструкцией общества вряд ли будут достаточно эффективны. Не государство, но само общество должно выработать эффективные механизмы защиты от деструкции. Но меры государственной политики помогут выиграть время до той поры, пока общество осознает растущую угрозу и выработает механизмы ее преодоления.

Тиберио ГРАЦИАНИ (Италия)

СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: СТЕРЖНИ ЕВРАЗИИ

Переход от однополярного мира к многополярному создаёт напряженность в двух особых районах Евразии: Средиземное море и Центральная Азия. Процесс укрепления полицентричности, похоже, претерпевает торможение, причиной которого является «регионализм» евроазиатских держав. Определение единого Средиземноморско-Центральноазиатского пространства в качестве функционального узлового пункта Европы, Африки и Азии может обеспечить необходимые элементы для евразийской интеграции.

В процессе перехода от однополярного мира к новой полицентрической системе можно заметить, что геополитическая напряженность разряжается преимущественно в регионах, имеющих важную стратегическую ценность. Среди прочих Средиземноморский регион и Центральная Азия, которые можно назвать узловыми пунктами, связывающими Европу, Африку и Азию. С 1 марта 2003 года эти два региона начали представлять особый интерес в процессе геополитического анализа взаимоотношений между США, ведущими евразийскими державами и странами Северной Африки. Как известно, в этот день парламент Турции, государство-мост между республиками Центральной Азии и Средиземноморским регионом, вынес решение об отказе в оказании содействия США в военной кампании в Ираке¹. Это решение отнюдь не являлось простым составным элементом переговоров между Вашингтоном и Анкарой, как могло показаться на первый взгляд. Конечно, частично это было так в силу двух, противоречащих друг другу факторов, а именно, верность Турции своему североамериканскому союзнику и озабоченность Анкары в связи с тем, каким образом предполагаемое образование Курдистана, в рамках вероятного в то время плана раздела Ирака на три части, могло бы повлиять на нерешенный «курдский вопрос». Тем не менее, это решение явилось началом изменения курса пятидесятилетней истории внешней политики Турции². С того времени и по сегодняшний день Турция благодаря, прежде

¹ Маццэо Э. Турция между Европой и Азией // Евразия. Обзорение геополитических исследований. — 2011. а. VIII, № 1.

² С 18 февраля 1952 года Турция входит в состав НАТО.

всего, сближению с Россией (чему способствует слабый интерес ЕС к включению Анкары в союз) и своей новой политике добрососедства неуклонно пытается освободиться от опеки США, что делает её ненадёжной базой для проникновения США в Евразию. Таким образом, кроме помех со стороны Ирана и Сирии, стратеги в Вашингтоне и Пентагоне должны учитывать также и новую малоуступчивую Турцию.

Изменение в поведении Турции произошло в более общей и комплексной эволюции политической ситуации Евразии. Можно отметить следующие характерные перемены: новое укрепление позиций России на региональном и глобальном уровне; мощный выход Китая и Индии на геэкономическую и финансовую арену; относительно мощи США — её военное истощение в Афганистане и Ираке.

Начиная с момента падения Берлинской стены и распада Советского Союза, казалось неудержимым продвижение вперед «нужной нации» к центру Евразийского материка, следуя заранее установленным направлениям:

— первое, происходящее от континентальной Европы, необходимое для включения посредством «цветных революций» в сферу собственного влияния бывшего «ближнего зарубежья» СССР, моментально переименованного, по определению Дональда Рамсфелда, в «Новую Европу» и стратегически предназначенного для долгосрочного «давления» на крайне обессиленную Россию;

— второе, идущее от Средиземного моря до новых Центральноазиатских стран и предназначенное для разделения надвое евро-афро-азиатского региона и нанесения постоянного геополитического «увечья» в самом центре Евразии;

По прошествии всего нескольких лет это движение «зависло» в болоте афганских интриг.

После провала последних попыток проведения «цветных революций» (причиной которого явились непоколебимость Москвы и согласованные политические действия Китая и России в Евразийском регионе посредством создания, среди прочего, ШОСа (Шанхайской организации сотрудничества), ЕврАзЭСа (Евразийского экономического сообщества) и укрепление дружеских взаимоотношений в экономической и военной сферах) и волнений, управляемых Вашингтоном на Кавказе и в Центральноазиатских странах, США на исходе первого десятилетия нового столетия должны были пересмотреть свою евразийскую стратегию.

Обычная процедура атлантического доминирования

Принятие за основу геополитической модели, свойственной западной системе во главе с США и основанной на антагонизме США и Евразии и на идее «стратегической опасности»³, приводит к тому, что аналитики, которые

³ «С геополитической точки зрения США представляет собой остров, находящийся по другую сторону Евразийского континента. Удержание господства со стороны одной державы одного из двух основных регионов Евразии (Европы или Азии) даёт основание для определения стратегической опасности по отношению к США — холодная война или нет. Эта опасность должна быть

придерживаются данной модели, дают предпочтение критическим факторам в различных районах, входящих в сферу интересов США. Эти факторы обычно состоят из внутренних неурядиц, причиной которых являются, в частности, межэтнические разногласия, социальные неравенства, религиозное и культурное разнообразие⁴.

Готовые способы решения таковых проблем могут быть разными, начиная от разной степени соучастия США и её союзников в процессе «возстановления несложившихся государств» (Failed States). Придерживаясь различных методов (в любом случае все эти методы нацелены на распространение «западных ценностей» демократии и либерализма, совершенно не учитывая при этом местные культурные традиции и особенности), и заканчивая прямой военной интервенцией. Оправдания прямой военной интервенции могут быть разными в зависимости от ситуации, к примеру, как реакция, необходимая для защиты интересов США и так называемого международного порядка, или же, в случае стран или правительств, которым Запад заранее и многозначительно дал свою оценку, согласно методу «мягкого» управления (soft power), как крайняя мера защиты населения и прав человека⁵.

Геополитические взгляды США — это типичные взгляды океанской державы, которая видит свои взаимоотношения с другими нациями или иными геополитическими субъектами, отталкиваясь от того, что сама является «островом»⁶. Поэтому Вашингтон и смотрит на Средиземноморский бассейн и Центральную Азию как на два региона, которым свойственна нестабильность. Две территории находятся в сформулированной Збигневом Бжезинским «арке нестабильности». Арка нестабильности или кризиса, как известно, является дальнейшим развитием геостратегической концепции «римленда» (границы моря с суши), разработанной Николасом Спайкменом⁷. В кон-

устранена, даже если эта держава не имеет враждебных намерений, так как в случае появления таковых уменьшится способность США оказывать сопротивление и способность влиять на ход событий». *Киссинджер Г.* Искусство дипломатии. — Milan. Сперлинг энд Купфер Эдитори. Милан, 2006. — С. 634–635.

«Eurasia is the world's axial supercontinent. A power that dominated Eurasia would exercise decisive influence over two of the world's three most economically productive regions, Western Europe and East Asia. A glance at the map also suggests that a country dominant in Eurasia would almost automatically control the Middle East and Africa. With Eurasia now serving as the decisive geopolitical chessboard, it no longer suffices to fashion one policy for Europe and another for Asia. What happens with the distribution of power on the Eurasian landmass will be of decisive importance to America's global primacy and historical legacy». *Brzezinski Z.* «A Geostrategy for Eurasia», *Foreign Affairs*, 76:5, September/October 1997.

⁴ *Galoppini E.* Islamofobia, Edizioni all'insegna del Veltro. — Parma, 2008.

⁵ *Bricmont J.* Impérialisme humanitaire. Droits de l'homme, droit d'ingérence, droit du plus fort?, Éditions Aden, Bruxelles 2005; *Zolo D.* Chi dice umanità. Guerra, diritto e ordine globale, Einaudi, Torino 2000; *Zolo D.* Terrorismo umanitario. Dalla guerra del Golfo alla strage di Gaza, Diabasis, Reggio Emilia, 2009.

⁶ «В геополитике США обычно определяются как «остров», т.е. примерно так же, как и Великобритания и Япония. Данное определение подчеркивает следующее: США являются морским торговым государством; ему свойственны морские военные кампании, концепция государственной безопасности, основанная на сохранении расстояния и изоляции». *Кэлли Ф.* Геополитика Соединённых Штатов Америки // Евразия. Обзор геополитических исследований. — 2010. а. VII, № 3.

⁷ *Spykman N.* America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power, Harcourt Brace — New York, 1942.

тексте биполярного мира контроль над римлендом означал контроль над всем евразийским пространством для сдерживания основного противника США — Советского Союза, ради исключительной выгоды «Североамериканского острова».

В контексте нового однополярного миропорядка определённая зоной геополитических интересов США территория Великого Ближнего Востока протягивается широким поясом от Марокко через всю Среднюю Азию. По мнению Вашингтона, этот пояс должен быть «умиротворён», потому что является собой дугу кризиса, что связано с конфликтами из-за нехватки однородности, как было упомянуто выше. Подобные взгляды, распространённые исследованием Самюэля Хантингтона и анализом Збигнева Бжезинского, полностью объясняют методы США по проникновению в центр Евразийского континента и как следствие — давление на территорию России, чтобы получить мировое господство. Тем не менее, возникли некоторые «неожиданности», такие, как «восстановление» России, евразийская политика Путина в Центральной Азии, новые договоры между Москвой и Пекином, а также появление новой Турции (если к этим факторам прибавить ещё и относительную «самостоятельность» государств Латинской Америки, то можно очертить многополюсную и полицентричную систему), которые повлияли на определение новой зоны интересов США — Великий Ближний Восток.

Такая эволюция взглядов, символически, была официально озвучена во время ливано-израильской войны 2006 года. Занимавшая в то время должность госсекретаря Кондолизы Райс заявила: «Нет смысла продолжать переговоры, если их целью является возвращение Ливана и Израиля к прежнему статусу. Я думаю, что это было бы ошибочно. То, что мы видим, в некотором смысле представляет собой только начало, усиливающиеся родовые схватки рождения нового Ближнего Востока, и, независимо от того, что мы делаем, мы должны убедиться, что мы движемся вперёд к новому Ближнему Востоку, а не возвращающемуся к старому»⁸. Новое определение было, безусловно, прагматическим; по сути, оно было сделано, чтобы вновь подтвердить стратегическое сотрудничество с Тель-Авивом и раздробление территории — ослабить ближневосточные и близлежащие области. Спустя несколько дней после заявления Кондолизы Райс, эта идея была интерпретирована израильским премьер-министром Олмертом как «новый порядок» на Ближнем Востоке. Похожая программа, названная «Евразийские Балканы», была сформулирована Бжезинским в определении роли Среднеазиатского региона, использование которого предполагалось при помощи дестабилизации ситуации в регионе на базе эндогенных трений. Целью данной программы являлось (и является) усложнение реализации потенциального укрепления геополитического союза между Россией и Китаем.

В промежутке между 2006 годом и вплоть до начала операции «Рассвет Одиссея» против Ливии в 2011 году США, несмотря на начатую в 2009 году

⁸ «But I have no interest in diplomacy for the sake of returning Lebanon and Israel to the status quo ante. I think it would be a mistake. What we're seeing here, in a sense, is the growing — the birth pangs of a new Middle East and whatever we do we have to be certain that we're pushing forward to the new Middle East not going back to the old one» // Special Briefing on Travel to the Middle East and Europe, US, Department of State, 21 luglio 2006.

новым хозяином Белого дома риторику, фактически продолжили стратегию по милитаризации всего отрезка между Средиземным морем и Средней Азией. В частности, в 2008 году США начали использовать свою военную машину в Африке — АФРИКОМ. Этот военный орган управления, вовлечённый на сегодняшний день (апрель 2011 года) в ливийский «кризис», намерен закрепить американское присутствие в Африке для контроля и быстрого вторжения на африканский континент, а также направлен на захват контроля над «новым» Ближним Востоком и Центральной Азией. Вкратце, стратегия США заключается в милитаризации дуги Средиземноморье — Средняя Азия. Вот её основные задачи:

- а) вбить клин между южной Европой и северной Африкой;
- б) усилить контроль Вашингтона над северной Африкой и Ближним Востоком (включая использование базы Кэмп-Бонстил в Косово-Метохия), с особым вниманием к территории Турции, Сирии и Ирана;
- в) «разбить» евразийское пространство на две части;
- г) увеличить так называемую арку кризиса в Центральной Азии.

Относительно первой и второй задач — Вашингтон в основном сконцентрировался на Италии и Турции. Два средиземноморских государства, по разным причинам (для Италии во многом в силу энергетической и промышленной политики, более явная геополитическая причина для Анкары, стремящейся стать лидером в регионе и соперничающей в этом с Израилем), в последние годы выстроили свою внешнюю политику таким образом, чтобы в будущем, благодаря окрепшим отношениям с Россией, обладать необходимыми рычагами для выхода из-под влияния США. Очевидные попытки Рима и Анкары увеличить степень собственной независимости на международной арене столкнулись не только с основными геополитическими интересами Вашингтона и Лондона, но и более «региональным» Средиземноморским союзом Саркози.

Многополярность в регионалистских и евразийских перспективах

Действия Запада, управляемые США, направлены, как сказано ранее, на увеличение кризисов в Евразии и в Средиземноморском регионе, а не на их урегулирование. Более того, подобные действия нацелены на сохранение собственной гегемонии путём милитаризации международных отношений и вовлечения локальных акторов, к тому же на идентификацию других будущих вероятных мишеней (Иран, Сирия, Турция), необходимых США для собственного укоренения в Евразии. Всё это даёт повод для размышлений относительно «состояния здоровья» США и структурирования многополярной системы.

При более детальном анализе становится понятно, что агрессия против Ливии со стороны США, Великобритании и Франции — это не частный случай, а симптом испытываемых Вашингтоном трудностей при работе дипломатическими методами и отсутствия чувства ответственности, которым должны обладать глобальные акторы. Об этом свидетельствует возрастающая жадность в политике США, типичная для ослабевающих держав. Американский политолог и экономист Дэвид Р. Коллео, критик «монополярного безумия», изучающий ослабление США, ещё в 1987 году отметил: «Ослабевающие державы вместо того, чтобы регулировать и адаптировать самих себя, стремятся укрепить

своё колеблющееся господство, которое перерастает в агрессивную экспансию»⁹. Лука Лауриола в своей книге «Scacco matto all'America e Israele. Fine dell'ultimo Impero» (Шах и мат США и Израилю. Конец последней империи)¹⁰ разумно полагает, что евразийские державы Россия, Китай и Индия обходятся с «потерянной и обезумевшей» сверхдержавой таким образом, чтобы не вызвать реакций, которые могли привести к планетарным катастрофам.

Относительно структурирования многополюсной системы должно быть отмечено, что оно продвигается медленно не столько из-за недавних американских действий в Северной Африке, а скорее из-за «регионалистского» отношения, принятого евразийскими акторами (Турция, Россия и Китай), оценивающими Средиземноморье и Центральную Азию как функцию собственных национальных интересов. Они не в состоянии осознать геостратегическое значение, которое эти области выполняют в более обширном сценарии конфликта между межконтинентальными (американскими) и евразийскими геополитическими интересами. Возрождение единого крупного Средиземноморско-Центральноазиатского пространства может обеспечить необходимые элементы, чтобы преодолеть тупик «регионализма», причиной которого является переход от монополярности к многополярности и, тем самым, подчеркнуть свою роль функционального «узлового пункта» в евро-афро-азиатском регионе.

⁹ *Calleo D.P.* Beyond American Hegemony: The future of the Western Alliance. — New York, 1987. — P. 142.

¹⁰ *Лауриола Л.* Шах и мат США и Израилю. Конец последней империи. — Бари. — Паломар, 2007.

РОССИЯ И ПРОБЛЕМА МИРОВОГО ЛИДЕРСТВА

К выходу в свет труда С.В.Кортунова «Россия в мировой политике после кризиса» (М.: Красная звезда, 2011)

От редакции. *Политологическое и экспертное сообщество России получило новый труд видного российского ученого-политолога, специалиста с большим практическим опытом работы на высоких государственных должностях, доктора политических наук профессора С.В.Кортунова — к сожалению, безвременно ушедшего из жизни в самом расцвете своих творческих сил. Данный труд можно считать вершиной обширного творческого наследия, оставленного этим ярким и самобытным мыслителем. Он отличается как широким охватом важнейших проблем, стоящих перед Россией в послекризисный период, так и глубиной их анализа. Проблем, в большинстве своем не новых, уже не один год стоящих перед нашей страной и ее политическим руководством, но получивших иное звучание после финансово-экономического мирового кризиса, который, вопреки оптимистическим заверениям российского руководства, серьезно затронул и нашу страну — причем даже в относительно большей степени, чем США, породивших этот кризис.*

Одним из наиболее интересных вопросов, которому в книге С.В.Кортунова дан глубокий интегрированный анализ, является потенциал мирового лидерства. Показывая несостоятельность курса США на единоличное мировое лидерство, автор в то же время критически оценивает и т.н. «коллективное лидерство» — по крайней мере, в той интерпретации, которой придерживается в настоящее время МИД России.

Но каковы же перспективы России в наступившем XXI веке? Насколько актуален и, главное, достигим неоднократно заявленный российскими лидерами курс на восстановление ее статуса как великой мировой державы? Правомерно ли сегодня ставить знак равенства между такими понятиями, как «Россия» и «великая держава»? Наконец, реально ли для сегодняшней России достижение амбициозной цели: войти к 2020 году в пятерку мировых лидеров?

Вопросы эти тем более интересны, что грядущий избирательный цикл в России, по всей вероятности, определит курс, которым поведут Россию ее лидеры в ближайшие 10–12 лет.

Пока некоторые показатели, связанные с уровнем ВВП (не говоря уже о более глубоких структурных экономических и политических тормозящих факторах), ставят под сомнение реальность этих планов. Так, в 2008 году

Россия по объему ВВП (рассчитанному по паритету покупательной способности) занимала четвертое место в мире, а по объему ВВП на душу населения (20350 долл.) — 34-е место. По итогам 2010 года Россия по объему ВВП заняла лишь седьмое место, а по объему ВВП на душу населения — 71-е (15900 долл.)¹. Т.е. пока движемся в обратную сторону.

И все же, как показывает проведенный в труде С.В.Кортунова анализ проблемы, шансы России стать одним из лидеров в новом миропорядке хотя и минимальны, но отнюдь не нулевые. Весь вопрос в том, насколько будут поняты и учитываться на практике российским руководством, ее политической и деловой элитами коренные изменения, происходящие в мире, в том числе на общецивилизационном уровне, в том числе в преддверии новой, постэкономической эпохи развития человеческой цивилизации.

Мы посчитали полезным ознакомить наших читателей с точкой зрения С.В.Кортунова на эту проблему, опубликовав отрывок из его интереснейшего труда, изданного, к сожалению, ограниченным тиражом.

Чтобы ответить на вопрос о том, станет ли Россия мировым лидером, необходимо в первую очередь тщательно просчитать наши возможности и ресурсы во всех возможных измерениях — экономическом, политическом, демографическом, военном, культурно-цивилизационном, идеологическом, морально-нравственном. Очевидно, что лидерство в современном мире связано с потенциалом не столько «жесткой» (хотя и она имеет важное значение), сколько «мягкой» силы. Все эти ресурсы у нас крайне ограничены.

Вторая задача — оценить способность современной России к мобилизационному развитию. На данном этапе такая способность минимальна. Конечно, позиционирование по отношению к России как великой державе сегодня является важным референтным ориентиром в системе самоидентификации граждан России. Любое унижение России, попытка поставить под сомнение ее статус великой державы воспринимается российским обществом крайне болезненно. Идеал «величия России» остается одной из основополагающих национальных ценностей не только в политической риторике, но и в национальном самосознании.

Все это создает определенный потенциал для мобилизации. Парадокс, однако, состоит в том, что инновационная экономика, к которой стремится перейти Россия, и мобилизационный тип развития категорически несовместимы. В отличие от мобилизационного, инновационный тип развития предполагает высвобождение творческого потенциала личности, которая должна быть свободной. А с очередной мобилизацией это несовместимо. Поэтому, если говорить о переходе к инновационному типу развития, то в первую очередь следует задуматься о том, что мешает такому переходу. А это бедность, растущий разрыв в доходах населения, низкая социальная обеспеченность, в частности, недоступность жилья, некачественное здравоохранение, невозможность обеспечить сносное образование детям, а также — не в последнюю очередь — неразвитость отечественных демократических институтов, а в последние пять-шесть лет их свертывание. И социальная инфраструктура, и

¹ URL: <http://iformatsiya.ru/tab1>

развитые институты демократии — составные части инновационного типа развития, что доказывает опыт всех без исключения стран, успешно идущих по этому пути уже не одну сотню лет.

И сегодня проблема России состоит именно в том, чтобы отойти от прежней, не раз доказавшей свою порочность, государственной модернизации, от мобилизационной модели развития. Исторический опыт неопровержимо показал: государство не способно создавать инновационную среду, поскольку оно никогда не идет на инновационные риски. Эту функцию в успешных обществах берет на себя частный бизнес, предпринимательский класс. Вот почему инновационный тип развития — это интеллектуальный вызов и для предпринимательского, и для политического класса России.

Третья проблема — просчет потенциала других субъектов мирового сообщества и их способности мобилизовать его для создания привлекательной для всех модели развития. Это США, Европейский союз, КНР, Индия, возможно, наиболее динамично развивающиеся страны Латинской Америки. Сегодня экономика этих стран в абсолютном выражении растет значительно быстрее российской. А привлекательность американской и европейской социально-экономических моделей просто несопоставима с привлекательностью модели отечественной.

«Коллективное лидерство» в этих условиях, по сути, равнозначно положению «младшего партнера» России в коалиции с США и Евросоюзом. Мировое же лидерство (которое, как показал исторический опыт, может быть лишь временным) предполагает наличие своего глобального исторического проекта, которого у России в настоящий момент нет. Не имея своей идеологии, кроме концепций «суверенной демократии» и «энергетической сверхдержавы», которые никого не привлекают, Россия не способна формировать свои собственные ценностные ориентации и доносить их до широкой мировой общественности.

Следует осознавать и то обстоятельство, что финансовых ресурсов для продвижения за рубеж «мягкой» силы у России в сотни, если не в тысячи, раз меньше, чем у США и других западных стран. Из бюджета России можно понять, например, что внешняя политика означает международное сотрудничество, участие в миротворчестве, реализацию международных договоров в рамках СНГ, международные, культурные, научные, информационные связи, экономическую, гуманитарную помощь другим государствам. Если по таким данным сравнить США, Японию, Англию и Россию, то окажется, что на внешнюю политику в США тратится 300 млрд долл., в Японии — более 50 млрд долл., в Англии — около 40 млрд долл., а в России — около 8 млрд долл. И Англия, и Япония значительно превосходят Россию в расходах на внешнюю политику, при этом не ставя задачу стать мировыми лидерами. Россия же претендует не только на статус великой мировой державы, но и заявила о своем намерении войти в пятерку мировых лидеров. Совершенно очевидно, что с имеющимся финансированием внешней политики Россия не добьется такого статуса...

Национальные интересы России в их внешнеполитическом измерении изложены в официальных документах по национальной безопасности и внешней политике РФ, принятых в 1993–2010 годах. Значительная часть из них носит глобальный характер. Но мировым лидером в XXI веке может считать-

ся лишь та страна, внешнеполитические интересы которой имеют действительно глобальное измерение.

Россия, выйдя из СССР без всякого давления извне, отказалась от своего глобального исторического проекта и тем самым перестала быть глобальной державой. К тому же Россия объявила себя национальным государством, которое по определению не может быть носителем глобального проекта. В силу этого полноценных глобальных внешнеполитических интересов у России нет и быть не может.

Конечно, некоторые внешние признаки глобальности наших интересов налицо. Но это лишь внешние признаки, которые к реальной политике имеют лишь косвенное отношение.

Первый признак — наше постоянное членство в Совете Безопасности ООН, унаследованное нами от СССР. Но этот признак носит формальный характер, поскольку стратегические решения глобального характера принимаются не в Нью-Йорке, в штаб-квартире ООН, а в Вашингтоне, в резиденции президента США.

Мы также унаследовали от СССР ядерный статус. Но это, скорее всего, фактор временный. Ядерный комплекс России стремительно деградирует, и через 20 лет он будет, вероятно, обесценен не только американской системой ПРО, но и высокоточными обычными вооружениями «пятого», а затем и «шестого» поколения. Вообще, нельзя рассчитывать на то, что весь XXI век будет, как и вторая половина века XX, веком ядерного оружия.

Спору нет, Россия принимает участие в решении некоторых глобальных проблем, таких, как международная безопасность (урегулирование региональных конфликтов, контроль над вооружениями, нераспространение ОМУ и средств его доставки, транснациональный терроризм и т.д.), мировая энергетика, охрана окружающей среды и проч. Однако ни в одной из этих сфер, за исключением, быть может, энергетике, голос России не является решающим. Привилегированное же положение России в области энергетической безопасности носит опять-таки временный характер, связанный с благоприятной мировой энергетической (а точнее, углеводородной) конъюнктурой.

Имеет значение и геополитика. СССР, занимая одну шестую часть мировой территории, геополитически был просто «обречен» играть глобальную роль в мировой политике. Российская Федерация, потерявшая в сравнении с ним почти половину населения, не менее двух третей ВВП и значительную часть территории, не может претендовать на такой глобальный охват национальных интересов, как, например, США.

Конечно, геополитическое положение России уникально. Россия присутствует и в Европе, и в Азии, и на Севере, и на Юге. Естественно, что там есть наши интересы. В геостратегическом плане Россия занимает внутреннее пространство Центральной Евразии, являющейся своего рода «осевым» районом мировой политики. Такое положение России подкрепляется ее культурной традицией, соединившей три основные мировые конфессии — христианство, ислам и буддизм. На своем гигантском евразийском пространстве Россия граничит со всеми основными цивилизациями планеты: римско-католической на Западе, исламским миром на Юге и конфуцианской китайской цивилизацией на Востоке. Именно это создает предпосылки для осуществления Россией геостратегической

миссии держателя равновесия между Востоком и Западом в их не блоковой, а культурно-цивилизационной ипостаси, что также подтверждает ее статус глобальной державы. Но такая миссия России в настоящий момент является лишь потенциальной. Реальные глобализационные экономические, финансовые и информационные потоки сегодня по-прежнему идут в обход России.

Вместе с тем важно иметь в виду, что в условиях глобализации стираются грани между региональными и глобальными проблемами. В связи с этим многие региональные интересы крупных стран приобретают глобальное измерение. Для России это, прежде всего, ее интересы на постсоветском пространстве и в зонах традиционного присутствия. Их значение для России не только не падает, а, напротив, возрастает, поскольку здесь появляется множество новых — как региональных, так и глобальных — задач, не решив которые, Россия рискует скатиться в изоляцию в мировом геополитическом, а главное — геоэкономическом пространстве, и надолго (если не навсегда) потерять позиции не только глобальной, а и просто великой державы...

Важно отметить, что для граждан России вопрос о том, является ли Россия великой державой, далеко не безразличен. На вопрос ВЦИОМ: «Какой, на Ваш взгляд, может быть основная цель российской внешней политики на ближайшие 10-15 лет?» — 31% опрошенных полагают, что Россия должна вернуть себе статус сверхдержавы; 23% — важно войти в первую пятерку наиболее развитых стран мира. Лишь 16% опрошенных считают, что страна должна отказаться от внешнеполитических амбиций и сосредоточиться на решении внутренних проблем.

Но является ли Россия сегодня великой державой? Это положение и на Западе, и в самой России постоянно ставится под сомнение. Ссылаются, как правило, на экономические показатели, касающиеся ее доли в мировом доходе и в мировой торговле, ВВП на душу населения, структуру внешнеэкономических связей и экономики России и проч. На этом основании многие западные политологи призывают свои правительства особо «не церемониться с Россией» и проводить политику, не считаясь с ее национальными интересами. Как сказал З.Бжезинский, «стране с экономикой размером с Голландию не пристало думать о геополитике».

На наш взгляд, подобные заявления крайне недальновидны и не соответствуют складывающимся реалиям мировой политики. Не случайно Запад, признавая политический вес и потенциальную экономическую мощь России, включил именно ее в восьмерку ведущих стран мира. Правда, в данном случае сыграли свою роль и другие факторы: понимание западными лидерами того, что без участия России невозможно решить многие проблемы глобальной безопасности и развития, а также их стремление включить Россию в сообщество демократических государств.

По своей политической значимости, интеллектуальной силе и по влиянию на ход дел в мире, в том числе в качестве постоянного члена СБ ООН и по вытекающей из этого ответственности, Россия остается одной из великих держав. Помимо этого, а также геополитического и геостратегического положения, делающего Россию «осевым районом мира», и наличия ядерных вооружений (а в этой сфере Россия и в самом деле является второй «сверхдержавой» мира), к основным признакам, позволяющим в современных условиях счи-

тать Россию великой державой, относятся ее возможности и перспективы в области ресурсного обеспечения, достаточно продуктивное и интеллектуальное население, сохраняющийся высокий научно-технический потенциал и ряд других. Эти же факторы, т.е. масштабы страны, ее технологический потенциал и человеческий капитал, наличие практически всех видов сырья и ресурсов, объективно (но пока лишь потенциально) делают Россию одним из важнейших мировых центров. Немаловажное значение для позиционирования России в современном мире имеет ее солидный исторический капитал.

Конечно, все эти позиции обеспечиваются не автоматически. Они могут быть утрачены страной в ближайшие годы, если она не преодолеет ущербную сырьевую ориентацию экономики и не перейдет к инновационному типу развития. Напротив, возможности России обеспечивать высокое качество жизни граждан и оказывать влияние на ход событий в мире будут расширяться при условии успешного решения этих задач, поставленных политическим руководством России, в том числе и третьим президентом РФ Д.Медведевым.

Все сказанное позволяет характеризовать Россию сегодня как великую державу, временно переживающую крупномасштабные экономические трудности, вызванные изменениями экономической, геополитической и геоэкономической ситуации, а также переходом к новому типу общественного развития. Сохранение и рациональное использование имеющихся внутренних резервов обеспечивает потенциальную возможность для скорейшего оздоровления экономики и перехода на модель инновационного (постиндустриального) развития. Позитивные в целом перемены в мире предоставляют благоприятные возможности для решения этой задачи...

Таким образом, на вопрос, стоит ли России претендовать на великодержавие, следует ответить — да, стоит. Но не на роль сверхдержавы, конкурирующей на равных с США, а, скорее, на равноправное место в «пятерке» ведущих держав мира, что и соответствует задаче, поставленной руководителями страны.

Следует, конечно, осознавать и огромную трудность такой задачи, на пути решения которой Россию подстерегают новые риски, вызовы и угрозы, а также жесткая конкурентная борьба с другими центрами силы современного мира. Очевидно, однако, и то, что без сильной и дружественной России Западу вряд ли удастся создать стабильный и предсказуемый мировой порядок. Если Россию бездумно оттолкнут в лагерь маргиналов, вся международная система лишится солидной опоры. Опора Вашингтона на военную силу не сработает (и уже не срабатывает). Ослабление России неизбежно приведет к резкому обострению военно-политической ситуации в странах СНГ, Балтии, Восточной Европы, Средней Азии, Ближнего Востока, и, как следствие, в Западной Европе и во всем мире. Станет реальной угрозой тотальной геополитической нестабильности в Евразии. Слабая Россия — предмет экспансии исламского фундаментализма, бурно развивающегося Китая и некоторых близоруких представителей западных стран. Те, кто стремятся сейчас разрушить евразийский геостратегический монолит и низвести Россию до положения третьестепенной державы в Европе и Азии, ведут опаснейшую игру. В том числе и для самих себя...

Заглядывая в будущее. Очевидный кризис техногенной цивилизации и общества «всеобщего потребления», которое не может быть взято за универсальную модель развития уже в силу ресурсных ограничений, актуализиро-

вал вопрос о «постэкономической» формации. Как и неэкономическая модель развития, эта концепция в значительной мере альтернативна «обществу всеобщего потребления».

Что касается России, то ее включение в «техногенную гонку» означало бы выбор в пользу «догоняющей модернизации», т.е. вариант развития, при котором она вставала бы «в хвост» развитым странам Запада со всеми вытекающими из этого последствиями. Напротив, вращение сначала в неэкономическую, а в перспективе (вероятно, уже во второй половине XXI века) — в постэкономическую модель развития позволило бы выбрать «опережающую модернизацию», осуществить новый скачок в парадигме не эволюционного, а прорывного развития. Культурной специфике России, как представляется, в гораздо большей степени отвечала бы модель развития именно такого типа.

Пока Россия представляет собой — как это ни прискорбно осознавать — периферию глобального либерального проекта (т.е. периферию капитализма), который осуществляют, и весьма успешно, Америка и Европа. Более того, современная Россия признала его историческую безальтернативность. Понятно, что на этом чужом «поле», на котором наши сегодняшние партнеры работают сотни лет, выиграть у них невозможно.

Можно предположить, что на данном историческом этапе развития человечеству нужна альтернатива обществу всеобщего потребления, которое начинает исчерпывать свои возможности. На смену идет «постматериальная» эпоха с информационным обществом, в центре которого будет стоять «постматериальный человек» с иной структурой потребностей и потребления и «постматериальная» (т.е. гуманитарная) культура с иными — в первую очередь — интеллектуально-духовными ценностными ориентациями. Основной же общечеловеческой задачей уже сегодня становится не увеличение объема потребления ресурсов, а предотвращение глобальной экологической катастрофы (порожденной главным образом именно хищническим режимом потребления природных ресурсов техногенной цивилизацией). Утверждение России как великой державы, вероятно, должно пролегать через активное участие в решении этих задач.

Вполне вероятно, что к концу нашего века либеральная модель развития, породившая уже зашедшую в тупик техногенную цивилизацию, будет исчерпана, и начнет формироваться новое поле глобальной конкуренции. Возникнут предпосылки для становления новой, своего рода постматериальной цивилизации. И если уникальное российское культурно-цивилизационное ядро к этому времени окончательно не растворится в процессах глобализации, плодами которой особенно успешно пользуются страны, полностью перенявшие либеральные ценности Запада в ущерб своей культурно-цивилизационной самобытности, то у России может появиться шанс на мировое лидерство в этой постматериальной сфере.

Основные тенденции мирового развития говорят о реальности такого кардинального поворота исторического масштаба. Современный мир втягивается в трудные времена, когда человечество будет вынуждено существовать и развиваться в режиме строгой экономии, переходить от гармонизации жизненных интересов на основе их баланса к жесткому регулированию социальных процессов на основе общественного согласия и фундаментальных нравственных ценностей. Именно такой подход может лечь в основу стратегии развития России.

Раймонд ДЖИНЛОЗ (США)

СОВМЕСТНАЯ ПРОТИВОРАКЕТНАЯ ОБОРОНА КАК СПОСОБ ПРЕОБРАЗОВАТЬ ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ

Цель данной статьи — кратко поделиться мнением о том, каким образом противоракетную оборону можно превратить в средство усиления прозрачности и сотрудничества крупных держав, а следовательно, и преобразовать ядерное сдерживание. В статье упор делается на техническом сотрудничестве, то есть на совместной работе ученых и инженеров, и хотя в центре внимания стоит сотрудничество США и России, в нем могли бы принять участие и другие страны. Ключ в том, что работа над вопросами техническими может способствовать заложению основы для политического и военного сотрудничества, в высшей степени необходимого для преобразования сдерживания.

Сосредоточившись на вопросах технических, я не рассматриваю то, что вполне осуществимо с точки зрения политической, не говоря уже о варианте оптимальном. Вместо этого основное внимание обращено на то, что технически осуществимо, при том понимании, что вначале следует определить то, что физически осуществимо (а следовательно, и какие направления политики или программы стоят хотя бы того, чтобы их рассматривать), а потом уже решать, какая политика могла бы быть наилучшей.

Например, среди технического сообщества много скептиков в отношении того, что противоракетная оборона эффективно защищает от баллистических ракет, несущих ядерные боеголовки. И дело тут не в сомнениях по поводу возможности вовремя обнаружить ракетные запуски, а в скептическом отношении к возможностям современной техники засечь и уничтожить такие боеголовки с потребной надежностью¹.

Такой скептицизм в отношении зрелости нынешней техники дает основание предположить, что международное сотрудничество, имеющее целью выявление технических несовершенств противоракетной обороны, в военном плане, возможно, по крайней мере, так же полезно, как и сама противоракетная оборона.

¹ Спор тут ведется вокруг того, что даже небольшое число ядерных взрывов либо само по себе вызывает разрушительные последствия, либо приводит к таким последствиям, вызвав обмен еще более мощными ядерными ударами. Таким образом, противоракетная оборона должна действовать с гораздо более высокой (почти совершенной) надежностью в защите от ядерного нападения в сравнении с нападением неядерным. Имеющаяся в настоящее время техника далеко не показала себя настолько надежной, если принять во внимание реальные источники неопределенности.

Тут следует различать два аспекта противоракетной обороны: 1) обнаружение запусков и 2) уничтожение угрозы. Второе: засечение и уничтожение боеголовок летящих к целям ракет — предполагает детально проработанные механизмы и технологии, которые быстро переходят в разряд секретных, в частности, еще и потому, что речь идет о наименее технически совершенном аспекте противоракетной обороны. Уязвимые места любых оборонительных систем относятся к самым секретным сведениям, в данном же случае к уязвимым местам добавляется и способность избегать обнаружения или каким-либо иным способом нанести ущерб возможностям обороны. Так что невероятно, чтобы сотрудничество легко было бы начать с этого (второго) аспекта противоракетной обороны.

Зато как раз обнаружение запусков легче всего могло бы стать средоточием технического сотрудничества, по крайней мере, на первоначальных этапах, пока утвердится доверие между государствами-партнерами, такими, как Российская Федерация и Соединенные Штаты. К тому же, по счастью, данный аспект противоракетной обороны является технически наиболее зрелым, а стало быть, и сотрудничество, приоритетом которого является мониторинг запусков, было бы наиболее плодотворным.

Профессор Массачусетского технологического института Тед Постол предложил попробовать объединить имеющиеся у США и России возможности для создания усовершенствованной системы раннего предупреждения о несущих угрозу запусках баллистических ракет². Как хорошо известно, США уже много лет размещают в космосе инфракрасные системы слежения, в том числе и в рамках программы поддержки обороны (ППО), а с более недавних пор — системы инфракрасных спутников космического базирования (ИСКБ). Можно предположить, по крайней мере, с точки зрения технической, что было бы возможно иметь совместный доступ к информации с этих систем для совершенствования глобального мониторинга ракетных запусков.

Лишнее доказательство тому — наличие у России радарных систем, которые могли бы усовершенствовать мониторинг США и союзников запусков ракет, несущих потенциальную угрозу. В частности, радарное покрытие российской территории могло бы предоставить США и их союзникам прибавку в 10–20 минут времени предупреждения для ракет, запущенных на орбиты между Ираном и либо Японией, либо Западным побережьем США, то же самое — для ракет, чьи орбиты пролегли бы между Северной Кореей и Европой. Можно себе представить, что такое сотрудничество США и России могло бы осуществляться с помощью структур Совместного центра обмена данными (СЦОД).

У меня нет намерения подробно разбираться в предложении Постола, как и в сходных предложениях, выдвинутых другими. Тем не менее, оно и впрямь дает представление о потенциале технических обсуждений по сотрудничеству в противоракетной обороне, сосредоточенных на усовершенствованном глобальном мониторинге и раннем обнаружении запусков.

Возможно, есть и другие возможности для технического сотрудничества между нашими государствами, например, в расширении обмена такими техно-

² Письмо послу Джеймсу Гудби от 18 февраля 2011 года.

логиями, как боевые антенные системы с низким уровнем шумов, пригодные для использования в космосе инфракрасные сенсорные антенны. Во всех этих случаях дело заключалось бы в совершенствовании отслеживания запусков посредством увеличения пространственного покрытия, сокращения времени реагирования и повышения надежности следящей аппаратуры. Подобная деятельность, по существу, должна бы вести к стабильности и взаимной выгоде.

Конечно же, все это рассматривается под углом зрения ученого и не принимает во внимание политические сложности. Тем не менее, вполне пришло время, чтобы технические специалисты повнимательнее отнеслись к такого рода идеям, сформулировали более законченные предложения или планы, с тем, чтобы творцы политики могли бы обдумать потенциальные выгоды продвижения вперед в техническом сотрудничестве, наряду с другими мерами укрепления доверия между США и Россией. В данном случае хорошим показателем стал бы более ощутимый прогресс в создании предложенного Совместного центра обмена данными противоракетной обороны.

В схожем духе профессор Стэнфордского университета Сидней Дрелл и профессор Гарвардского университета Кристофер Стаббс не так давно предложили расширить деятельность по мониторингу в соответствии с Договором по открытому небу³. С 2002 года осуществлено 739 полетов, накоплен значительный опыт по поддержанию режима открытого неба. Существенно, что договор предполагает обмен данными и позволяет совершенствовать применяемые технические устройства.

Поскольку наблюдения проводятся с самолета, в принципе возможно проведение куда более точных измерений, чем при использовании спутников, как потому, что площадка наблюдения гораздо ближе к земле, так и потому, что эта площадка способна переносить куда более тяжелое оборудование. К примеру, высокочувствительную спектроскопию с великолепным пространственным разрешением осуществлять с самолета гораздо легче, чем со спутников.

Такие возможности могли бы стать мощным подкреплением для контроля над ядерными вооружениями и отслеживанием нераспространения, а стало быть, они играют роль раннего предвестника противоракетной обороны. Опять-таки — техническое сотрудничество в этой области послужило бы стабилизации. Дрелл и Стаббс, таким образом, предлагают расширить режим открытого неба, с тем, чтобы применить гораздо более обширный спектр технических устройств, а также привлечь больше стран, чем их задействовано в настоящее время.

Суммируя оба приведенных примера, обращаю внимание на то, что их средоточием является техническое сотрудничество, ведущее к совершенствованию отслеживания разных видов деятельности или событий по всему миру. Кто-то может принять это за обобщение уже существующих систем глобального мониторинга, таких, как Международная система мониторинга (МСМ), которая была развернута для поддержки Договора о всеобъемлющем запрещении испытания ядерного оружия.

³ Дрелл С.У., Стаббс К.У. Осмысление полного потенциала Договора по открытому небу // Журнал «Arms Control Today», июль-август 2011. — С. 15–20.

Примечательно, что МСМ подтвердила свою существенную значимость для отслеживания состояния окружающей среды, далеко выходящую за нужды контроля над ядерными вооружениями, для документального фиксирования как природных, так и антропогенных явлений. В их числе разрушительные землетрясения и цунами, повлекшие за собой смерть сотен тысяч людей, вулканические извержения, грозившие опасностями коммерческим воздушным перевозкам и затронувшие миллионы пассажиров, а также — совсем недавно — выброс облака радиоактивного газа над Фукусимой в Японии, которое затем обогнуло весь земной шар.

Во всех подобных случаях усовершенствованный глобальный мониторинг существенно увеличил бы возможность спасти людские жизни, осуществляя предупреждение с достаточным запасом времени и надежности, чтобы люди сумели защитить себя. Эти выгоды (в дополнение к насущным долгосрочным выгодам в поддержку контроля над вооружениями и нераспространения) являются доводами за более быстрое продвижение вперед в совершенствовании нашей способности отслеживать весь мир целиком — повсюду, все время, с высокой чувствительностью и с возможностью эффективного реагирования.

Заключая, скажу, что мое выступление затронуло один аспект совместной противоракетной обороны в качестве практического подхода для продвижения вперед в преобразовании ядерного сдерживания. В качестве фокуса было избрано техническое сотрудничество во имя совершенствования мониторинга и раннего обнаружения, поскольку это дает основу для повышения прозрачности и укрепления доверия.

Среди последующих шагов для продвижения вперед могли бы быть создание небольших групп технических специалистов из обеих наших стран, которые приступили бы к определению возможных областей сотрудничества. С уверенностью заявляю, что это не означает оставления в стороне других форм сотрудничества, таких, как сотрудничество военное или политическое: они также важны и должны развиваться как можно энергичнее. Однако в настоящее время есть реальная возможность активизировать техническое сотрудничество.

Можно выразиться по-иному: технические вопросы — всего лишь отправная точка для улучшения отношений. В конечном счете, необходимо как раз политическое и военное сотрудничество, зато техническое сотрудничество способно создать прочный фундамент для этих более широких форм взаимодействия. Крайне важно, чтобы сотрудничество между нашими странами было технически основательно, чтобы иметь необходимую возможность двигаться вперед. К тому же, поскольку ученые и инженеры способны сосредотачиваться на технических вопросах, мы в силах поддерживать связи даже тогда, когда политические отношения могут оказаться напряженными.

И, наконец, стоит всемерно подчеркивать, какое множество выгод несут эти формы сотрудничества — усовершенствованный глобальный мониторинг оборачивается реальными и непосредственными выгодами для общества в дополнение к долговременным целям повышения стабильности и безопасности в отношениях между нашими государствами.

Марина ШТОЙК, Сергей ДЕМИДЕНКО

ВЫБОР ЕГИПТА

О предстоящих выборах в АРЕ

В последние месяцы страны Ближнего Востока вызывают пристальнейшее внимание мирового сообщества. Зимой на центральных площадях крупнейших арабских городов «творилась история». Сегодня же мир напряженно ожидает, какими последствиями обернется для него «новая нажда»? В первую очередь речь, конечно же, о Египте, стране, где «арабская весна» плавно перетекла в «арабское лето» и которой уже очень скоро придется сделать важный выбор.

На сентябрь назначены парламентские выборы, а уже вскоре после них будут проведены и президентские. От того, как будет выглядеть политическая карта Египта к сентябрю, будет зависеть очень и очень многое. Но пока картина складывается не очень радужная. За пять месяцев ситуация в стране не то что не улучшилась, она стала хуже. Это ведет к продолжению протестов. Египтяне серьезно переживают, что в стране проводятся лишь «косметические» реформы. Не станут ли «косметическими» и сами выборы? Но прежде чем говорить о будущем Египта, нужно понять, какие причины легли в основу «революции пирамид»? Почему, казавшийся незыблемым режим «последнего фараона» рухнул, словно стеклянный дом?

Совершенно очевидно, что корень противоречий — в области социально-экономической. Большая часть населения Египта живет за чертой бедности. 40% жителей страны живет менее, чем на 2 долл. в день. Мало того, что люди обречены на пожизненную борьбу с бедностью, они практически лишены возможности из этих условий выбраться. Понятие «социального лифта» уже давно исчезло из египетской действительности. Когда один человек находится у власти 29 лет, вокруг него неминуемо формируется некая коррупционная среда. Основу ее составляет так называемый «ближний круг», который занимается перераспределением экономических и социальных благ в свою пользу и в пользу кооперирующихся с ним группировок элиты (военных и предпринимателей). В итоге, Египет оказался в ситуации, когда увеличивалось благосостояние лишь части местного истеблишмента, положение же простых людей лишь ухудшалось (среди «обиженных» числились и представители бизнеса, не связанные с «семьей»; особенно доставалось, например, коптским предпринимателям). Если добавить к этому сфальсифицированные парла-

ментские выборы в ноябре 2010 года и отсутствие свободы слова, можно понять, почему волна протестов в Египте так быстро разгорелась.

Как это часто бывало в египетской истории, заискрило в Александрии. Именно здесь смерть молодого человека Халеда Саида, который, по некоторым утверждениям, был избит до смерти полицией, спровоцировала первую волну недовольства. Семья погибшего утверждала, что Халед имел видеозапись, на которой были запечатлены офицеры полиции во время осуществления сделки по продаже наркотиков. Полиция заявила, что молодой человек был арестован за хранение оружия и кражи, а погиб он в результате попытки проглотить пакетик с гашишем. В июле 2010 года начался суд над двумя сотрудниками полиции, участвовавшими в задержании (Салах Махмуд и Авад Исмаил Сулейман), который был отложен и возобновлен лишь в феврале 2011 года. Сейчас уже невозможно узнать, что из этой истории правда, однако фотографии избитого Халеда облетели Интернет и вызвали первые протесты еще летом. Но главное, что в ответ на действия полиции другой молодой человек, сотрудник компании Google Ваэль Гоним, создал страничку под названием «Мы все — Халед Саид» в популярной социальной сети Facebook. Именно на ней стали публиковаться примеры нарушений прав человека, видео, а также призывы к демонстрациям. И именно на этой страничке впервые была обозначена дата 25 января, как день начала всеегипетских протестов.

Говоря о социальной сети Facebook, нельзя не отметить огромную роль, которую в недавних событиях в АРЕ сыграла она сама и другие средства современной коммуникации. Если раньше основным местом собраний была мечеть, то в этот раз именно Facebook и Twitter позволили демонстрантам скоординировать свои действия. А когда правительство блокировало доступ в Интернет и отключило мобильную связь, еще большее количество людей покинули свои дома, чтобы собраться на площади Тахрир. Как раз в это время мир напряженно наблюдал за ростом числа протестующих на улицах Египта, как доказательством серьезности всего происходящего. Была цель — собрать миллион. А вышло два. И это только в Каире. В итоге режим не выдержал. 11 февраля 2011 года Хосни Мубарак передал управление страной Высшему военному совету.

Но это не стало счастливым финалом трехнедельного противостояния. Как раз наоборот, это стало началом нелегкого пути для Египта.

От того, как именно будет развиваться эта страна, как пройдут ближайшие выборы, зависит очень многое. Не случайно события в Египте с самого начала вызвали куда больше внимания Запада, чем события в Тунисе или Йемене (Ливию в расчет можно не брать, ведь там все развивается по совершенно особенному сценарию). Что же выделяет Египет среди других стран Ближнего Востока? Во-первых, простая арифметика — это самая населенная страна региона. Кроме того, Египет не зря всегда претендовал на роль лидера арабского мира — литература, музыка, средства массовой информации — безусловные области доминирования египтян. Та модель, по которой будет развиваться египетское общество сегодня, в любом случае станет примером и для других стран. Кроме того, АРЕ — ключевой союзник США на Ближнем Востоке и важный партнер Израиля. Любые изменения во внутренней поли-

тике Каира неизбежно приведут к изменениям и во внешней, а вот как раз это и беспокоит Запад и Израиль больше всего. Именно поэтому президент Обама вел себя так нерешительно и старался избегать резких заявлений. Ведь все договоренности, равно как и мирное соглашение с Израилем, были достигнуты с правящей верхушкой, а не с народом, соответственно, сохранение курса Мубарака было очень выгодно Вашингтону. Но с другой стороны, Америка, выступающая за становление демократии во всем мире, должна была поддержать демократический порыв египтян. На сегодняшний день самым ярким примером экспорта американской демократии на Ближнем Востоке является Ирак. Однако эта страна вряд ли имела шанс стать положительным примером для других арабских государств. В этой связи очень важно, что народ Египта фактически сам изменил свою судьбу, без видимого постороннего вмешательства (в отличие от того же Ирака). Главным лозунгом после 11 февраля стали слова: «Народ сверг режим!» Именно это осознание собственной силы и дает «новому» Египту возможность повлиять на положение во всем регионе. Но стоит задаться вопросом, каковы шансы, что эта страна будет развиваться именно по «либеральному» сценарию? И какие вообще возможны варианты развития АРЕ?

Говоря о будущем Египта, многие рассматривают две модели: модель Ирана и модель Турции.

Итак, начнем с самого опасного и, пожалуй, самого маловероятного сценария. Египет, который превратится во второй Иран — приход к власти «Братьев-мусульман». Это религиозно-политическая организация, основанная в 1928 году Хасаном аль-Банной. Она была запрещена в 1954 году, что не мешало ее активистам участвовать в выборах в качестве независимых кандидатов или в блоке с другими оппозиционными партиями. Безусловно, на данный момент «Братья-мусульмане» одно из самых организованных движений в Египте, однако, как ни странно, их деятельность во время протестов вряд ли можно было назвать активной. Фактически «братья» стали заявлять о себе лишь к концу выступлений. Интересно, что когда Иран объявил происходящее в Египте «религиозной революцией», именно представители «Братьев-мусульман» выступили с заявлением, что эта революция являлась «пан-египетской», то есть, что в ней участвовали представители всех конфессий (активность коптов действительно была чрезвычайно высока). Кроме того, нужно учитывать, что в Египте все-таки другое направление ислама, а именно суннизм. В нем в принципе нет понятия религиозной иерархии, а само отношение к имаму несколько иное, нежели в шиизме (сакрализации имама). Кроме того, сам народ не приветствует идею теократии.

Немаловажную роль в протестах сыграли женщины — группа населения, чьи политические свободы в первую очередь пострадали бы от установления шариата. Судя по интервью, которые брали у демонстрантов, все они заявляли, что предпочли бы «оставить религию дома», что их главная цель — секулярное демократическое государство.

Конечно, совсем сбрасывать со счетов «Братьев-мусульман» нельзя, у них есть свои сторонники, полноценная программа, партийная структура, а скоро — и места в парламенте. Но именно последний пункт некоторые эксперты считают залогом того, что это движение не опасно. Есть мнение, что одной из при-

чин популярности «братьев» было то, что их партия была запрещена. Как только фундаменталисты выйдут на «свободный рынок идеологий», они столкнутся с египетской реальностью, которая заключается в том, что людей куда больше волнуют их каждодневные бытовые проблемы, чем громоздкие идеологические заявления. Также не совсем понятно, какая именно часть этой расколотой организации будет представлена в парламенте — умеренная, с существованием которой негласно мирился сам Мубарак, или экстремистская, не гнушающаяся взрывами и массовым террором?

Следующая модель, турецкая, заслуживает более глубокого анализа, ведь именно ее сегодня рассматривают как наиболее вероятную. Конечно, как и во всех странах региона, армия в Египте играет огромную роль в жизни страны. На нее смотрят, как на гаранта стабильности. Кроме того, армия выполняет важнейшую социальную функцию. В закостенелом обществе Египта армия остается чуть ли не последним «социальным лифтом», хоть и не очень эффективным — разрыв между офицерами и рядовыми огромный. Конечно, в сравнении с западными стандартами уровень жизни офицеров в Египте не слишком впечатляет, но на фоне общего положения в стране даже те выгоды, которые дает служба в армии, уже привлекательны. Также нужно отметить, что у египтян еще свежи в памяти воспоминания о войнах, в которых участвовала их страна, поэтому уважение, испытываемое к военным, подпитывается гордостью, испытываемой за так называемые победы над Израилем. Важно, что в ходе демонстраций армия заняла нейтральную позицию, что и позволило ей сохранить симпатии населения и принять управление страной. В данный момент власть находится в руках Высшего военного совета, возглавляемого министром обороны Хусейном Тантауи. На плечи Совета легла непростая задача — восстановление спокойствия, подготовка поправок к конституции и проведение соответствующего референдума, подготовка парламентских и главное — президентских выборов.

Аналогия с Турцией напрашивается сама собой, тем более, что, как и в Турции, военные обещают передать управление страной «гражданскому руководству», как только ситуация наладится. Это подтверждают и многочисленные заявления высшего руководства армии о том, что ее представители не будут участвовать в президентских выборах. Однако это положение не касается, например, тех военных, которые вышли на пенсию. Несмотря на заявления военного командования, многие эксперты продолжают рассматривать некоторых представителей военного истеблишмента как возможных кандидатов на президентский пост. На данный момент можно, в частности, выделить генерал-лейтенанта Сами Хафеза Анана — видного генерала, входящего в Высший военный совет. Многие полагают, что ему отводится очень важная роль в принятии решений, связанных с временным правительством. Кроме того, считается, что генерал Анан пользуется доверием у США — во время протестов Соединенные Штаты настаивали, чтобы именно он занимался созданием временного правительства, хотя сомнения насчет него все-таки были — уж слишком близок был генерал к Хосни Мубараку. Судя по информации, опубликованной Викиликс, Анан обладает более гибкой натурой, чем глава Высшего военного совета Тантауи. Один из представителей «Братьев-мусульман» даже сказал, что Сами Анан мог бы стать будущим лидером Египта.

Существует еще один представитель военных кругов, имеющий возможность занять президентское кресло, — бывший министр авиации Ахмед Мухаммед Шафик. В январе 2011 года он был назначен премьер-министром, однако ушел с этого поста уже через месяц под давлением демонстрантов, видевших в нем человека Мубарака. Эксперты полагают, что именно добровольная отставка дает Шафику второй шанс. Многие люди по-прежнему считают его талантливым политиком, который мог бы побороться на предстоящих выборах.

Есть еще человек, из чьих уст прозвучало историческое сообщение об отставке Мубарака, — Омар Сулейман, бывший вице-президент и глава Службы общей разведки. На данный момент он также является членом Совета. Многие считают, что именно Сулейман станет следующим президентом Египта. Следуя логике истории, это вполне возможно — Садат был вице-президентом у Насера, Мубарак — у Садата. Однако сам бывший разведчик не выражает намерений баллотироваться. Безусловно, Сулейман сильный политик, пользующийся доверием и у себя на родине, и на Западе, а главное — в Израиле. В том, что Сулейман получил бы значительную поддержку, сомнений нет. Однако, судя по отсутствию политической активности генерал-лейтенанта, можно сделать вывод, что он не стремится выдвигать свою кандидатуру. Возможно, это связано с тем, что у Сулеймана множество противников, небезосновательно считающих, что его карьера неотрывно связана со свергнутым режимом. Нельзя забывать и о том, что бывший вице-президент являлся главой ведомства, которое не раз запятнало свою репутацию нарушением прав человека.

Если же говорить о министре обороны Мохаммеде Хусейне Тантауи, главе Совета, которому также прочат президентское кресло, то его шансы не очень велики. Несмотря на то, что Тантауи был первым представителем официальной власти, который вышел на площадь Тахрир во время протестов, сейчас он не пользуется большой популярностью у народа. Против него даже устраивались акции протеста, которые, однако, были подавлены армией.

Что объединяет всех «военных» кандидатов, так это их почтенный возраст — многим из них за 70. Для лидера страны, где половине населения нет и 30 лет, которой в скором будущем предстоит сделать резкий скачок и провести множество реформ, такой возраст может стать серьезным недостатком. Все это люди старой закалки, и во многом они по-прежнему живут прежними реалиями. Современное молодое поколение, которое способно перевернуть всю страну, их пугает. Насколько эффективным было бы правление таких кандидатов — большой вопрос.

Вообще, нужно отметить, что очень многие египтяне не хотели бы, чтобы президентская власть оказалась в руках у военных. Несмотря на все уважение, испытываемое народом по отношению к армии, люди отлично знают, что все командование тщательно подбиралось Мубараком, а главным принципом при этом была лояльность человека правительству, а не его заслуги. Таким образом, очень многие высшие чины по-прежнему остаются в глазах египтян символами старого режима, а отнюдь не флагманами нового. Так как единственное, в чем сходятся египтяне, это желание увидеть перемены в стране, и пусть даже не совсем понятно какие, очень многие смотрят в сторону незави-

симых кандидатов или представителей оппозиционных партий. Здесь кроется небольшая проблема.

К большой радости представителей оппозиции парламентские, а соответственно, и президентские, выборы были немного перенесены. А ведь оппозиции так необходимо время! Для мобилизации ресурсов, для проведения предвыборной кампании, для своего становления на новой политической арене. Да мало ли для чего еще... При этом у представителей «старого» режима и «Братьев-мусульман» к выборам как раз все готово. Чем быстрее были бы проведены выборы, тем больше у них было бы шансов. То есть, перенесены выборы, военные сыграли на руку оппозиции. Но вот сумела ли она этой выгодой воспользоваться? Это станет ясно ближе к сентябрю. Но вот если военные, путем повторного переноса выборов или других политических действий, затянут момент передачи власти, то это будет чревато новыми волнениями. Что будет, если люди выступят против хунты, не хочется даже представлять.

Теперь скажем несколько слов о раскладе сил внутри оппозиции. На политической арене Египта представлена 21 «гражданская» партия. Пока известно о планах лишь пяти их представителей — Айман Нур (партия «аль Хад»), Самех Ашур («Арабская Демократическая Нассеристская партия»), Рефаат Эль-Саид («Национальная прогрессивная юнионистская партия»), Саид Эль-Бадави (партия «Вафд»), Мамдух Рамзи («Свободная социальная конституционная партия»). Все они имеют разную степень поддержки, однако сложно представить, что кто-то из них действительно станет следующим президентом. Хотя, безусловно, имеются в среде оппозиционеров и весьма примечательные кандидаты вроде Аймана Нура или Саида Бадави, которые имеют возможность получить значительную долю голосов избирателей.

Описывая ситуацию внутри египетской оппозиции, нельзя не сказать о молодежных движениях — «Кифайя», «Движении 6 апреля», «Национальной ассоциации перемен». Эти организации, не являясь полноценными партиями, тем не менее сыграли выдающуюся роль в организации зимних протестов на площади Тахрир. Например, активисты «Движения 6 апреля», в течение последних лет проходившие обучение у своих сербских коллег относительно теории ведения мирных демонстраций, организовывали акции неповиновения властям, представители других организаций помогали в осуществлении ежедневного патрулирования улиц, уборке мусора, оказании медицинской помощи. Интересно, что деятельность молодежных движений во время демонстраций была намного более активна и полезна, чем деятельность официальных политических партий. Пока, однако, представители этих организаций не заявили о себе, как о возможных кандидатах на президентский пост.

Наиболее яркими фигурами в оппозиционном стане являются два независимых кандидата — Мухаммед Эль-Барадеи и Амр Мусса. У нобелевского лауреата и бывшего главы МАГАТЭ Эль-Барадея много сторонников на Западе и куда меньше в самом Египте. Несмотря на свою выдающуюся дипломатическую карьеру, он не пользуется широкой популярностью на родине. Потрудились здесь, конечно, официальные СМИ, которые изо всех сил старались охарактеризовать Эль-Барадея как политического аутсайдера, далекого от египетской реальности. Но, справедливости ради, надо сказать, что весьма

большая доля истины в подобного рода обвинениях есть — сам Мухаммед Эль-Барадеи и вся его семья уже много лет живут в Европе.

Другой оппозиционный кандидат — Амр Мусса, генеральной секретарь Лиги Арабских государств (ЛАГ), совсем другое дело. Еще будучи министром иностранных дел, он стал весьма популярен в АРЕ, настолько популярен, что в 2001 году Хосни Мубарак предпочел «сослать» его как потенциального соперника на работу в ЛАГ (как говорят, последней каплей, переполнившей чашу терпения «последнего фараона», стала популярная песня Шаабана Абделя Рахима «Я люблю Амра Муссу»). На протяжении всех лет работы в ЛАГ Мусса был известен своим взрывным характером, резкой критикой Израиля и американского вторжения в Ирак, то есть теми качествами и действиями, которые были очень близки египтянам. Учитывая, что разговоры о возможных планах Муссы занять президентское кресло начались за много лет до недавней «революции», неудивительно, что сейчас он решил воспользоваться принятыми поправками к конституции и баллотироваться в качестве независимого кандидата. Тем более не удивительно, что Мусса стал одним из самых популярных кандидатов среди египетской молодежи. Вот только, несмотря на всю поддержку со стороны населения, отношение к нему военных гораздо сдержаннее. Это можно объяснить традиционным недоверием армии к представителям МИДа. Амра Муссу, безусловно, можно считать одним из главных претендентов на пост президента от оппозиции.

Вероятность того, что у власти окажется представитель от армии, очень велика. Поддержку оппозиционным партиям или независимым кандидатам оказывает так называемый «средний класс» — люди с высшим образованием, имеющие доступ к компьютерам и Интернету, интересующиеся политикой. Но проблема в том, что их меньшинство. Подавляющую часть избирателей составляют жители деревень и маленьких городков, которым и старая власть не слишком мешала. Эти люди могут не оценить дипломатических заслуг Эль-Барадея или Муссы, оппозиционной деятельности Аймана Нура. Им гораздо комфортнее будет голосовать за тех, кого они знают, то есть за армию.

В случае победы на выборах военных (что более чем вероятно) Египет будет представлять собой модель нелиберальной или управляемой демократии. Когда пришедшая к власти в результате вполне демократических процедур прослойка традиционной элиты свернет большинство из либеральных свобод и начнет подавлять стремление населения к ним. То есть Египет вновь вернет-ся к тому, от чего пытался уйти.

Сейчас, по прошествии времени, с сожалением можно констатировать, что январско-февральские события на площади Тахрир, которые весь мир окрестил началом демократического движения на Ближнем Востоке, представляли собой лишь стихийный выброс скопившегося недовольства. Демонстрации были абсолютно не похожи на протесты в Европе или США. Люди приходили на площади семьями, с маленькими детьми, кто-то оставался там жить, кто-то уходил домой, но все, кто был на площади Тахрир в первые дни демонстраций, говорят, что все происходившее там больше походило на карнавал, чем на напряженное политическое противостояние — смех, песни, пикники. Выходя на улицу, большинство не знало, чего они хотят, у них еще даже не было кандидатов или четких требований. Все это стало появляться позже.

Единственное, в чем были уверены египтяне, так это в том, что они не хотят жить «как раньше». Чего они хотят, они не знают и сейчас, тем более, что революционный пыл у многих сменился чувством отчаяния — долгожданного чуда в одночасье не случилось, жизнь большей части населения по-прежнему очень тяжелая, даже тяжелее, чем раньше — январско-февральские события оставили серьезный след на экономике Египта, упали показатели, сократился туристический поток. Серьезных перемен на политической арене не произошло. Многие, например, считают, что спектр представленных в стране партий не полный. Есть крайне правые (религиозные и секулярные), центристские, левоцентристские, но нет, например, сильной левой партии. Все это, помноженное на желание рядовых египтян вновь обрести ощущение стабильности, не предвещает революционного развития сюжета. Скорее сработает классическая арабская модель, где главную роль играет армия.

Точно предсказать долгосрочные перспективы Египта довольно сложно. И дело здесь в том, что кардинальные политические перемены в этой стране невозможны и из-за целого ряда причин, которые по большому счету привели к «революции». Бедность, в которой прозябает страна, демографический скачок, с которым так и не сумело справиться руководство Мубарака, общий социально-экономический кризис — кто бы ни пришел к власти в Египте, он не сможет быстро и безболезненно разрешить все эти проблемы. Именно поэтому Египту необходима личность уровня Насера — человека, который сможет своим обаянием и активностью заставить людей поверить в себя. Иначе, снова не увидев изменений, египтяне вновь выйдут на улицы. Учитывая, что бастовать им нравится куда больше, чем работать, повод найти будет не сложно.

Никита МЕНДКОВИЧ

УСПЕХИ ISAF В БОРЬБЕ С АФГАНСКОЙ ВООРУЖЕННОЙ ОППОЗИЦИЕЙ

Летом текущего года начинался вывод иностранных военных контингентов с территории Исламской Республики Афганистан, которое должно завершиться в 2014 году. После этого на территории страны может остаться несколько иностранных военных баз, но основной груз забот об обеспечении безопасности в стране ляжет на афганские вооруженные и полицейские силы. В связи с этим важно понять, могут ли Международные силы содействия безопасности (ISAF) за оставшееся время разгромить непримиримую вооруженную оппозицию или хотя бы ослабить ее до уровня, на котором афганские силовые структуры смогут самостоятельно с ней бороться.

К исследованию этой проблемы подтолкнула небольшая дискуссия о перспективах движения «Талибан», происшедшая в ходе «круглого стола» по вопросам Афганистана между Г.М.Мирским, Д.Н.Верхотуровым, Н.В.Хановой¹. Участники обсуждения высказали полярные точки зрения на ход борьбы с «Талибаном» в последние годы, успешность деятельности афганских властей и коалиции и дальнейшие перспективы конфликта.

Решение этих задач будет рассматриваться в рамках реализации в течение последних полутора лет «новой афганской стратегии» Стенли Маккрystalа, бывшего командующего иностранными вооруженными силами в ИРА. Официально данная стратегия начала применяться в феврале 2010 года в рамках операции «Моштарак» (Герат)², и нет оснований сомневаться, что она же реализуется в стране и сейчас, при новом командовании ISAF.

Учитывая специфику афганской войны, обусловленную отсутствием единой линии фронта, мы будем оценивать успехи антитеррористической деятельности ISAF и афганских властей по следующим показателям: потери личного состава отрядов вооруженной оппозиции, изменение зон контроля (особенно в рамках задач, поставленных в стратегии Маккрystalа), влияние и популярность вооруженной оппозиции среди населения страны.

Наше исследование основывается на открытых источниках: заявлениях воюющих сторон, сообщениях СМИ, исследованиях и докладах независимых

¹ «Круглый стол» молодых экспертов-афганистов // «Фонд исторической перспективы» — Общественная инициатива «Креативная дипломатия», Москва, 3 февраля 2011 года.

² McChrystal S.A. Commander's Initial Assessment. To R.M.Gates. August 30, 2009. См. также заявление Маккрystalа в «The New York Times», February 13, 2010.

экспертов и исследовательских организаций. Кроме того, нами будет использована устная информация, в том числе полученная на условиях анонимности из ряда источников.

Автор благодарит О.М.Нессара, Д.Н.Верхотурова, Н.В.Ханову, а также других коллег по Центру изучения современного Афганистана (ЦИСА) и сотрудников редакции портала Афганистан.ру, оказавших неоценимую помощь в сборе материалов, необходимых для данного исследования, и высказавших ряд ценных суждений и замечаний.

1. Потери оппозиции. Прошедший 2010 год стал рекордным по численности убитых всех сторон конфликта, а также мирного населения. Это видно на примере статистики, представленной в табл. 1.

Предложенная статистика демонстрирует стабильный рост потерь всех сторон, который, в первую очередь, затрагивает провластные вооруженные силы и отряды оппозиции. Однако вооруженная оппозиция потеряла за 2010 год в 1,5 раза больше людей убитыми и почти в 3 раза больше — убитыми и пленными, чем силы ISAF, армия и полиция.

Оценки официальной статистики потерь неоднозначны, так как с ней не соглашается «Талибан». В начале апреля проблема учета потерь вызвала

Таблица 1

Потери сторон и населения в ходе афганского вооруженного конфликта 2008–2010 годов

Потери	Год		
	2008	2009	2010
Силы Коалиции	293	510	708
Армия ИРА	259	292	806
Полиция ИРА	724	639	1250
Мирное население	2118	2412	2777
Вооруженная оппозиция:			
— убитые	н/д	4610	5225
— «пленные» (арестованные)	н/д	3000	5596

Данные о потерях ISAF: ICasualties.

О потерях афганских армии и полиции: S.G.Chesse Afghanistan Casualties: Military Forces and Civilians. Report R41084 by Congressional Research Service. May 18, 2011. А также: Agency France-Press, January 2, 2010.

О потерях мирного населения: сообщения Миссии ООН в Афганистане Afghanistan: Annual Report on Protection of Civilians in Armed Conflict, 2008. Kabul: United Nations Assistance Mission to Afghanistan, 2009. P. II. Afghanistan: Annual Report... 2009. Kabul, 2010. P. I. Afghanistan: Annual Report... 2010. Kabul, 2011. P. I.

О потерях вооруженной оппозиции: сообщения МВД ИРА Pajhwok, March 20, 2010 (данные за 1388 г. с. х.). Афганистан.ру, 3 января 2011. В число «пленных» не входят участники так называемой программы примирения — до 1700 тысяч человек³.

³ Economist, May 12, 2011, United Press International, May 20, 2011. Подробнее см. Мендкович Н.А., Ханова Н.В. Программа примирения: сильные и слабые стороны // Афганистан.ру, 14 июня 2011; Sajja T. Peace at All Costs? Reintegration and Reconciliation in Afghanistan. Kabul: Afghanistan Research and Evaluation Unit, 2010; Waldman M. Golden Surrender? The Risks, Challenges, and Implications of Reintegration in Afghanistan. — Kabul: Afghanistan Analysts Network (AAN), 2010.

заочную полемику между афганскими властями и талибами. Власти Кунара сообщили о том, что в ходе боевых действий на территории провинции были убиты 132 боевика, ранено 20, задержано еще 40. Талибы поспешили заявить, что потеряли лишь 24 бойца убитыми и 13 ранеными в ходе той недельной кампании, большинство же изъятого в ходе операции оружия хранилось в «домах у мирных жителей» «для хозяйственных нужд»⁴.

Несмотря на возражения оппозиции, автор склонен доверять официальной статистике, так как публикуемые данные близки к тем, что используются в закрытых отчетах афганских органов безопасности⁵. Кроме того, высокий уровень потерь в части арестованных косвенно подтверждается комментариями «Талибана» в связи с массовым побегом из кандагарской тюрьмы в апреле 2011 года⁶.

Необходимо также учитывать разницу в общей численности каждой из сторон. Численность контингента ISAF — 140 тысяч человек, афганской армии — 152 тысячи, полиции — 118 тысяч человек⁷. Численность вооруженных отрядов «Талибана», по оценкам американского командования, — 35–36 тысяч человек⁸. Исламская партия Хекматъяра — до 4 тысяч⁹, Исламская партия Узбекистана — 200–500 человек¹⁰. Кроме того, в террористических операциях на территории страны участвуют также боевики других организаций региона, включая пакистанский «Талибан», однако их численность непостоянна в Афганистане и плохо поддается учету. По мнению автора, эта статистика не учитывает «резервистов» отрядов оппозиции, участвующих в боевых действиях на нерегулярной основе¹¹. С ними общая численность афганской вооруженной оппозиции может составлять от 40 до 80 тысяч человек.

Большие потери при меньшей численности могут иметь катастрофические последствия для оппозиционеров. Особенно болезненно для боевиков уничтожение «офицерского» состава, командиров отрядов и специалистов различного профиля. Потери прошедших месяцев «выбили» и заметную часть «офицерского» состава боевиков. В марте 2011 года ISAF сообщила о том, что за последние 10 месяцев американскими войсками были задержаны или убиты более 900 полевых командиров «Талибана», включая теневого главу многих уездов и провинций.

⁴ Афганистан.ру, 8 апреля 2011. Заявление талибов цитируется: SITE Intelligence Group, April 7, 2011.

⁵ Сообщение анонимного источника, имевшего доступ к отчетам соответствующих структур. Март 2011.

⁶ Афганистан.ру, 25 апреля 2011.

⁷ Официальная справка, опубликованная НАТО: Afghan National Security Forces (ANSF). March 2011.

⁸ Economist, May 12, 2011. The Times. March 3, 2010.

⁹ Экспертная оценка О.М.Нессара, директора ЦИСА, июнь 2011. Наиболее поздняя опубликованная НАТО оценка численности отрядов Хекматъяра — 1000 боевиков (Washington Post, June 15, 2008).

¹⁰ Giustozzi A., Reuter C. The Insurgents of the Afghan North. AAN Thematic Report 04/2011. Kabul: AAN, 2011. P. 20.

¹¹ О проблеме недооценки численности вооруженной оппозиции — Giustozzi A. Koran, Kalashnikov, and Laptop: the neo-Taliban Insurgency in Afghanistan. — New York: Columbia University Press, 2008. — P. 33–35.

«Мы получаем свидетельства того, что повстанческое движение стремится найти замену лидерам, — сообщила СМИ представитель ISAF майор Сансет Белински. — В отдельных случаях повстанцы фактически отказались перенимать должности лидеров, испытывая трудности с поиском технических экспертов, таких, как контрабандисты оружия и взрывных устройств, а также тренеры смертников»¹². Показательным в этом плане является случай кандагарского полевого командира маулави Абдул Азиза. Будучи назначенным на пост «теневоего губернатора» Кундуза, он не обрадовался «повышению», а поспешил включиться в Программу примирения вместе со своим отрядом из 50 человек¹³. Есть информация о том, что в ряде случаев оппозиция вынуждена прибегать к аресту полевых командиров для предотвращения подобных актов¹⁴.

Уничтожение «офицерского» состава оппозиции ведет к значительной деградации деятельности боевиков. В последнее время участились сообщения о крупных самоподрывах отрядов «Талибана» при попытках использования бомб и минировании дорог¹⁵. Кроме того, в афганских условиях потеря командиров влечет за собой потерю части «резервистов», причастность которых к оппозиции основывается на родственных и племенных связях с конкретными лидерами.

Основная причина роста потерь талибов — новая стратегия ISAF, предусматривающая более широкое участие военных коалиций в операциях Афганской национальной армии¹⁶. На практике это означает участие во фронтальных боях с отрядами оппозиции за обладание населенными пунктами, при котором проправительственные силы шире и эффективнее смогут использовать артиллерию и бронетехнику, которая не поступает на вооружение АНА и есть только в распоряжении иностранных войск. Эти столкновения, хотя и ведут к росту потерь западных военных, превращаются в «избиение» отрядов вооруженной оппозиции.

Подобная ситуация явно деморализует боевиков, на что указывает увеличение доли арестов в потерях повстанцев при проведении боевых операций. Если в 2009 году доля арестованных в потерях «Талибана» составляла менее 40%, то в 2010 году этот показатель возрос примерно до 50% (табл. 1), в 2011 году ситуация еще больше усугубилась: меньше чем за первые четыре месяца доля «пленных» в структуре потерь оппозиции выросла до 80%¹⁷. Следовательно, все больше доля тех, кто предпочитает сдаваться, а не оказывать сопротивление властям.

Таким образом, можно заключить, что в части уничтожения и пленения боевиков вооруженной оппозиции деятельности властей и сил ISAF в последнее время была успешной и эффективной.

¹² Афганистан.ру, 9 марта 2011.

¹³ Радио «Азади», 23 апреля 2011.

¹⁴ Заявление губернатора провинции Кундуз Мухаммада Омара. Средняя Азия в Интернете [Проект ВС США], 7 сентября 2010.

¹⁵ Афганистан.ру, 3 мая 2011, 1 июня 2011.

¹⁶ *McChrystal S.A. Commander's Initial Assessment.* — L. 2–15.

¹⁷ Афганистан.ру, 26 апреля 2011.

2. Зоны контроля. В рамках «новой афганской стратегии» Маккрystalа перед ISAF ставилась задача расширения зоны контроля проправительственных сил¹⁸. Изначально в качестве ключевых стратегических направлений, видимо, рассматривалась ликвидация позиций «Талибана» в провинциях Кандагар и Гельманд, долгое время являвшихся надежным тылом вооруженной оппозиции, позже, в 2010 году, наступление было решено развернуть также в провинции Герат.

Итоги прошлогоднего наступления официальные лица стран коалиции оценивают позитивно. Например, министр обороны США Роберт Гейтс заявил этой весной: «Мы вытеснили талибов из областей, находившихся под их властью годами, в том числе из их оплота... Если мы сможем предотвратить возвращение их контроля над областями, которые мы у них захватили, и нам удастся продолжить расширение сферы безопасности... мы сделаем решающий шаг»¹⁹.

Чтобы определить правильность подобных оценок, попытаемся оценить зоны контроля воюющих сторон в каждой из трех провинций: Герате, Гельманде и Кандагаре. Для простоты в каждой из этих провинций мы разделим уезды на однозначно находящиеся под контролем талибов, официальных властей и ISAF, а также зоны «одновременного присутствия», где ни одна сторона не занимает лидирующих позиций.

По состоянию на весну 2011 года зоны контроля в трех рассматриваемых провинциях распределялись следующим образом (*табл. 2*).

Таблица 2

Распределение контроля над уездами в провинциях юго-запада ИРА

	Талибан	Правительство	Обе силы
Герат	3	7	6
Гельманд	3	6	4
Кандагар	6	3	6

Герат: Хикмат. Взгляд на состояние джихада в Герате // Статья опубликована на одном из интернет-ресурсов Талибана 20 апреля 2011 года²⁰.

Гельманд и Кандагар: Afghanistan Transition: Dangers of a Summer Drawdown. A report by the International Council on Security and Development (ICOS). Field assessment: Helmand and Kandahar provinces, Afghanistan, January 2011. [Без места:] ICOS, 2011. — P. 8.

К сожалению, данные о зонах контроля в каждой из изучаемых провинций стали публиковаться сравнительно недавно, поэтому динамику процесса мы можем определить с ограниченной точностью. Известно, что Кандагар и Гельманд в 2008 году, по данным опроса независимой организации «Международный совет безопасности и развития», оценивались как зона полного контроля

¹⁸ *McChrystal S.A.* Commander's Initial Assessment. — L. 2-19. См. также *Radin C.J.* The Military Strategy in Afghanistan // *The Long War Journal*, February 14, 2010.

¹⁹ Афганистан.ру, 22 апреля 2011.

²⁰ Ссылки на заявления представителей экстремистских организаций, опубликованные на сетевых ресурсах «Исламского Эмирата Афганистан» не сопровождаются прямыми гиперссылками по этическим соображениям. Автор готов предоставить полные тексты сообщений, находящиеся в его распоряжении, всем заинтересованным исследователям.

талибов без различия по уездам. К лету 2010 года власти, по тем же данным, прочно контролировали городскую местность в некоторых уездах²¹. В Герате, по признанию упомянутого выше «Хикмата», автора сводки действий «Талибана», 6 «совместных» уездов, упомянутых в таблице 2, ранее находились под полным контролем боевиков, который был потерян в течение 2010–2011 годов. (Мы не исключаем, что талибы могут преувеличивать размеры собственной зоны контроля, поэтому влияние правительственных сил в провинции Герат, указанное выше, можно считать минимальной оценкой).

Таким образом, можно заключить, что по итогам кампании 2010–2011 годов властям и силам ISAF удалось заметно сократить площадь районов, контролируемых вооруженной оппозицией.

Также важно учесть экономические потери талибов, связанные с текущей дислокацией подконтрольных им уездов. Во-первых, в Гельманде и Кандагаре талибов постепенно оттесняют из уездов, примыкающих к госгранице, нарушая их стратегические коммуникации с иностранными базами. Во-вторых, из-под их контроля выводятся уезды-производители опийного мака, который является основой экономики «Талибана». В Герате единственный уезд, где выращивается опийный мак (Шинданд), перешел из-под контроля талибов в «смешанную зону», что позволило провести на территории уезда кампанию по ликвидации опийных посевов²². В Гельманде 1 опиепроизводящий уезд (по данным прошлого года) находится под полным контролем талибов, 1 относится к «смешанной» зоне, 3 — отбиты властями. Наконец, в Кандагаре — 2 под полным контролем боевиков, 3 — «смешанные», 1 — в руках властей²³.

Даже если наркоторговлю в освобожденных районах и не удастся полностью искоренить, доход от нее перестанет идти к боевикам. Некоторые авторы настаивают на том, что наркоторговля, поддерживаемая «Талибаном», не играет ключевой роли в бюджете движения²⁴, однако, учитывая размеры афганского наркорынка, автору это мнение представляется спорным.

К сожалению, имеющиеся сейчас данные не позволяют полностью реконструировать на основе открытых источников распределение зон контроля во всех уездах страны. Тем более, что в ряде провинций границы влияния далеко не всегда совпадают с административными. Например, весьма типична ситуация в уезде Джаузджан, где талибы контролируют 4 уезда из 11, но только в сельской местности²⁵.

²¹ Struggle for Kabul: The Taliban Advance. December 2008. — London: ICOS, 2008. — P. 7–8. Afghanistan: The Relationship Gap. A report by The International Council on Security and Development (ICOS). — London: ICOS, 2010. — P. 41.

²² Причем опийные посевы были обнаружены и уничтожены в 90 из 150 проверенных деревень. Радио «Азади», 6 мая 2010.

²³ Данные о производстве опиума. Afghanistan Opium Survey 2011. Winter Rapid Assessment for the Central, Eastern, Southern and Western Regions. — Kabul: UNODC, 2011. — P. 19, 21.

²⁴ Можда В. Война и бизнес талибов // Афганистан.ру, 21 апреля 2010.

²⁵ Интервью муллы Кари Мохаммада Исмаила аль-Сирайя, теневого губернатора Джаузджана // Опубликовано на одном из интернет-ресурсов «Талибана» 15 апреля 2011 года. Его информацию косвенно подтверждают официальные сообщения об «очистке» от талибов 2 из 4 названных им уездов через месяц после публикации интервью. Афганистан.ру, 19 мая 2011.

3. Популярность вооруженной оппозиции. В гражданской войне, особенно если она носит партизанский характер, ключевым фактором является отношение населения к каждой из сторон конфликта. Наиболее достоверным механизмом их оценки являются социологические опросы населения, однако их результаты применительно к Афганистану долгое время подвергались критике, так как они производились по заказам СМИ, поддерживающих ISAF, а выборка респондентов являлась тенденциозной²⁶.

В настоящий момент, впрочем, опубликованы данные ряда исследований, достоверность которых мы считаем более высокой. Речь, прежде всего, об исследовании «Фонда Азии» и «Международного совета безопасности и развития», на которых мы будем основываться далее. Их выборки респондентов не имеют существенных социально-демографических диспропорций, а выводы гораздо более критичны к афганской действительности²⁷.

Социологические исследования двух последних лет (2009–2010 годы) дают следующую картину симпатий и антипатий к вооруженной оппозиции (табл. 3 и 4).

Резкое падение популярности вооруженной оппозиции, прежде всего, «Талибана», затронуло все регионы страны, но наибольшего масштаба достигло в восточных, северных и центральных провинциях.

Таблица 3

Отношение афганцев к вооруженной оппозиции в ИРА в 2009–2010 годах, %

	Поддержка	Некоторая симпатия	Антипатия
2009	22	34	36
2010	14	26	55

Afghanistan in 2010. A Survey of the Afghan People. Kabul: The Asia Foundation, 2010. P. 49.

Таблица 4

Население, поддерживающее вооруженную оппозицию и симпатизирующее ей, в различных регионах ИРА в 2009–2010 годах, %

	Год	
	2009	2010
Северо-восток	50	33
Северо-запад	60	33
Восток	65	43
Запад	60	50
Северо-восток	50	33
Центр	48	14
Юго-восток	66	50
Юго-запад	56	52
Кабул	46	34

Afghanistan in 2010. P. 51.

²⁶ См. А. Giustozzi Koran, Kalashnikov, and laptop. P. 36-37.

²⁷ Сравнение результатов «Фонда Азии» с опросами по заказу ВВС. Мендкович Н.А. Афганское общественное мнение: между страхом и надеждой // Афганистан.ру, 1 марта 2010.

Можно заключить, что падение популярности вооруженной оппозиции, в первую очередь, затронуло регионы, где в 2009–2010 годах Талибан предпринимал наиболее активные попытки расширить и закрепить свое влияние. Учитывая, что в последние годы власти практически не ведут пропаганду, дискредитирующую вооруженную оппозицию²⁸, можно заключить, причина непопулярности талибов — в самих талибах.

Проникновение отрядов вооруженной оппозиции в северные провинции познакомило местных жителей с ее современной практикой, что радикально снизило уровень популярности антиправительственных сил. Также число лиц, симпатизирующих оппозиции, резко упало в центральных провинциях с хазарейским населением.

Снижение популярности вооруженной оппозиции хронологически последовало за ростом доли жертв среди мирного населения, погибшей в результате действий антиправительственных формирований. По данным правозащитных организаций от 2010 года, за 63–75% прошлогодних потерь мирного населения несет ответственность исключительно вооруженная оппозиция²⁹. Всплеск террора связан, прежде всего, с предвыборными кампаниями 2009/2010 годов, которые талибы стремились сорвать. Кроме того, негативное влияние на общественное мнение оказывают другие криминальные практики оппозиции: участие в наркоторговле, рэкете, противодействии гуманитарным проектам, которые позволяют повысить уровень жизни во многих уездах.

Наконец, большой проблемой для вооруженной оппозиции, прежде всего, движения «Талибан», стала невозможность взять на себя какие-либо социально-политические функции, которые заставляли бы общество если не симпатизировать, то хотя бы мириться с ней.

Основным политическим проектом «Талибана» долгое время была параллельная система власти на местах, в первую очередь — «шариатская судебная система», оперативная, жесткая и независимая от государственного правосудия. Несколько лет назад она пользовалась определенной популярностью среди населения, однако, по данным последних опросов, потеряла доверие общества, в настоящее время предпочитающего решать конфликты в государственных судах или при участии племенных институтов арбитража³⁰. Видимо, со временем качество работы институтов официальной власти стало повышаться, а судьи «Талибана» — начали формировать собственные коррупционные связи.

²⁸Мендкович Н.А., Ханова Н.В. Программа примирения. Ср.: «В то время как ответственность за теракты в стране берут на себя в основном талибы, официальный Кабул клеймит неких виртуальных злодеев, именуемых «врагами афганского народа». Дезориентирует армию и то, что президент страны, обращаясь к духовному лидеру воюющих с АНА талибов мулле Омару, неоднократно называл его «своим братом». (Нессар О.М. Афганистан в ловушке неопределенности // Россия в глобальной политике, 19 апреля 2011. — С. 5).

²⁹ARM Annual Report Civilian Casualties of War. January-December 2010. — Kabul: Afghanistan Rights Monitor, 2011. — P. 7. Afghanistan: Annual Report on Protection of Civilians in Armed Conflict, 2010. — Kabul: UNAM to Afghanistan, 2011. P. X. См. также Afghanistan in 2010. — P. 55.

³⁰Afghanistan Transition: The Death of Bin Laden and Local Dynamics. A report by ICOS. — Kabul: ICOS, 2011. P. 12. Afghanistan in 2010. — P. 125. Более ранние настроения описаны: Gius-tozzi A., Reuter C. The Insurgents of the Afghan North. — P. 2–16.

Разумеется, не следует преувеличивать симпатии афганцев к власти и недооценивать протестные настроения. Однако современное общество склонно выражать их в первую очередь через легальные политические механизмы, роль которых в современном Афганистане достаточно велика, на что указывает активность на выборах и политических демонстрациях, роль партийности в самоидентификации и т.п.³¹ Даже внесистемные оппозиционные группы формируются преимущественно на основе, не связанной с вооруженным противостоянием³².

Разумеется, заслуга в развитии легальных политических институтов и падении популярности вооруженной оппозиции принадлежит не только международным силам. Скорее, это итог многолетней работы всех участников процесса и эволюции самого афганского общества, которое пришло к пониманию бесперспективности гражданской войны как способа решения внутривнутриполитических проблем. Однако тщательный анализ всех этих факторов потребовал бы отдельного исследования, и здесь мы ограничимся лишь констатацией несомненных на сегодняшний день достижений.

Выводы. Как нам удалось установить, в 2010–2011 годах был достигнут значительный прогресс в борьбе с вооруженной оппозицией в Афганистане, который выражается:

- в уничтожении и пленении боевиков незаконных вооруженных формирований;
- сокращении территорий, контролируемых оппозицией, включая стратегически важные для нее опиепроизводящие районы;
- падении популярности НВФ среди населения страны.

Многие из этих достижений можно связать с «новой стратегией» США в Афганистане, разработанной при участии С.Маккрystalа в 2009 году. Ее применение имеет ряд побочных эффектов, в числе которых — рост потерь среди военнослужащих ISAF, который, хотя и значительно ниже, чем для отрядов вооруженной оппозиции, однако может иметь долгосрочные последствия для политического процесса в странах Запада.

Если ход боевых действий не изменится в ближайшие 2–3 года, то НВФ будет нанесен невосполнимый урон, ведущий к сокращению числа контролируемых уездов и степени влияния в них. На деле это будет означать резкое сокращение влияния вооруженной оппозиции на политическую жизнь страны.

По косвенным данным, иерархия радикальных группировок, включая даже такие относительно цельные организации, как «сеть Хаккани», политически входящую в «Талибан», строится на принципах, близких к феодальному вассалитету, что исключает возможность быстрых кардинальных реформ всего движения. Наиболее вероятно, что в ответ на изменение ситуации в вооруженной оппозиции сформировалось два тактических крыла.

³¹ Afghanistan in 2010. P. 7–8. Подробнее об этом: *Мендкович Н.А.* Афганское общественное мнение. *Mendkovich N.* Trial by election // New Eastern Outlook. Open Research and Discussion Journal, October 12, 2010.

³² *Серенко А.Н.* Движение «нового протеста» в Афганистане // Афганистан.ру, 3 апреля 2011.

Первое, «радикальное», будет пытаться решить новые проблемы старыми средствами. Речь, прежде всего, о крупных фронтальных контрнаступательных операциях с целью установления контроля над новыми уездами и восстановления старых зон влияния. Примером такой тактики является «весеннее наступление» в Нуристане, которое позволило добиться некоторых тактических успехов, но в итоге было успешно отбито силами ISAF и АНА, а боевики были вынуждены отступить, понеся потери³³. Кроме того, «радикалы» будут разворачивать террор против рядовых правительственных служащих и других лиц, сотрудничающих с властями и иностранцами³⁴.

Второе, «умеренное», крыло изберет тактику интеграции в сформировавшуюся политическую систему в рамках Программы примирения, попытается включиться в государственную систему, в особенности — в силовые структуры, а затем попытается изменить Афганистан «изнутри» путем легальной политической борьбы или, в перспективе, переворота. Подчеркнем, однако, что этот путь не означает полного отказа от вооруженной борьбы, которая может стать своего рода подготовкой к переговорам, направленной на то, чтобы доказать свою силу и значимость, «поднять цену». Кроме того, одной из целей умеренных может стать ликвидация видных представителей сторонников «жесткой линии» в афганской элите, настроенных против переговоров и готовых составить жесткую конкуренцию бывшим боевикам, проникшим во властные структуры. Именно так многие оценивают, например, убийство М.Д.Дауда, одного из виднейших афганских бойцов с терроризмом.

Трудно сказать, в какой мере международные силы и иностранные спонсоры ИРА будут противодействовать этому процессу. Главной целью большинства иностранных участников афганской политической жизни является недопущение возвращения во власть сторонников «джихадизма», экспорта исламской революции в другие регионы. Если участвующие в переговорах боевики стоят на более приемлемых для иностранных государств позициях, то вероятно нейтральное отношение мирового сообщества к изменениям во властных структурах.

Так или иначе, мы можем констатировать, что прошедшие полтора года показали пример эффективной борьбы с вооруженным экстремизмом в сложной социальной и политической обстановке, которая характерна для современного Афганистана, и этот опыт заслуживает внимания и изучения.

³³ Афганистан.ру 29 марта, 10 мая, 25 мая, 26 мая 2011. Press TV [Иран], May 25, 2010.

³⁴ Афганистан.ру 6 июня, 7 июня, 9 июня 2011. В прошлом году ООН также констатировала рост числа казней мирных жителей и рядовых чиновников, осуществленных боевиками. Annual Report on Protection of Civilians in Armed Conflict, 2010. — P. 11–12.

Василий КОЛТАШОВ

МОЖНО ЛИ ОЖИДАТЬ УЛУЧШЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЪЮНКТУРЫ?

Состоявшийся в июне очередной Петербургский международный экономический форум прошел под знаком тревожных ожиданий. Власти имели, чем похвастать: в 2010–2011 годах мировая конъюнктура улучшилась, как и экономическая ситуация в стране. Главной темой для чиновников было привлечение в Россию капиталовложений. Президент России Дмитрий Медведев уделил особое внимание инвестиционному климату, уже не раз поднятой им проблеме. Старания улучшить его не дали пока желаемого результата. Обнадеживающая, казалось бы, динамика мировых цен на нефть и металлы, укрепление позиций отечественных монополий не оказались достаточным условием для восстановления интереса инвесторов к России.

Оптимизм российских властей образца 2011 года сильно отличается от настроения в начале 2008 года. Он полон опасений и оговорок. За годы мирового кризиса министр финансов России Алексей Кудрин превратился из безграничного оптимиста в самого настороженного представителя государства.

Разговоры об экономической модернизации постепенно стали уходить на второй план. Причина этого состоит скорее в понимании, что национальное хозяйство России за 2010 год лишь укрепилось в своем периферийном статусе. Безразличие населения к рассуждениям об обновлении экономической модели вряд ли сыграло заметную роль. Пресса давно уже стала называть модернизацию таким же муляжом, как и демократию. Власти беспокоит иное: они не понимают, что делать с инновационной продукцией — копирующей западную, если модернизация по их представлениям вдруг сама собой получится. Неизменный прицел на вступление России в ВТО — самое явное доказательство консервативного застоя в экономике.

ВТО так необходимо России именно потому, что членство в нем дает возможность наращивать сырьевой экспорт. Однако неудачи первой половины года по этому вопросу вынудили Владимира Путина заявить о том, что страна не обязана выполнять обязательства до ее принятия в Организацию. Другая жесткая нота прозвучала во временном запрете на ввоз европейских овощей. Формально причиной явилось обнаружение на них в Германии смертоносных бактерий. Характерно, что при высоких мировых ценах на нефть Россия проявляет жесткость, а при их спаде демонстрирует готовность идти на уступки при условии скорейшего принятия государства в ВТО. Значение внешнего

рынка для преимущественно сырьевого типа экономики огромно. И оно значительно возросло в последние годы.

Вопреки высоким мировым ценам на сырье в России продолжается ослабление базовых потребителей. С 73 долл. за баррель весной 2010 года нефть поднялась почти до 94 долл. в конце года. До конца апреля она подорожала еще до 125 долл. за баррель. Следом за «черным золотом» рост стоимости демонстрировали металлы. Однако, несмотря на явное улучшение глобальной торговой конъюнктуры, в России продолжалось ослабление внутреннего рынка. В 2010 году две ведущих мировых торговых сети — американская Wal-Mart и французская Carrefour (славящиеся своими низкими ценами) отказались от планов работать в России. Это может рассматриваться как дополнительный сигнал узости отечественного рынка. И неважно, не пустили ли на него иностранных игроков или они ушли сами.

Согласно данным Росстата, с конца 2010 года по март 2011 года доля малоимущих россиян увеличилась на 26,5%, то есть на 4,8 млн человек. В мае реальные доходы населения сократились в сравнении с маем прошлого года на 5%. Подводя итоги 2010 года, Росстат настаивал на их росте, вопреки стремительной продовольственной инфляции. Причиной отмеченного в 2011 году снижения доходов россиян официальная статистика видит инфляцию. Однако и в 2010 году она имела высокие темпы. По оценке Института глобализации и социальных движений, за минувший год реальные доходы населения снизились не менее, чем на 10%, а за 2011 год их сокращение может составить 12%.

После весенне-летней паузы в мировой торговле и на фондовых рынках возобновился рост. Вызван он был стартом в США второй программы «количественного смягчения» (QE2), предполагавшей возобновление денежной накачки рынков. На этой же волне во втором полугодии 2010 года в мире развернулись продовольственные спекуляции. Удар их по широким слоям населения планеты оказался настолько сильным, что породил серию арабских революций. Вопреки всем государственным усилиям Россия не смогла в 2010 году избежать взлета продуктовых цен, ускоривших обнищание трудящихся слоев.

Оживление в отечественной экономике 2010–2011 годов оказалось верхушечным. Корпорации вздохнули с облегчением, государственные чиновники констатировали некоторое бюджетное оздоровление, ведущие банки закрыли 2010 год с прибылью. Сбербанк и ВТБ приняли решение активизировать ипотечное кредитование граждан, заодно продолжая кредитовать крупнейшие строительные компании страны. Сбербанк даже пошел на революционный для российской кредитной системы шаг: он понизил ставку по ипотеке до 8%, до невиданно низкого в стране уровня. Это вынудило других игроков на кредитном рынке действовать в том же ключе.

Получив выигрыши за счет высоких сырьевых цен во второй половине 2010 года — первой половине 2011 года, российские монополии столкнулись с проблемой инвестирования средств. Ослабление низовых потребителей не создавало условий для выгодных вложений в развитие производства потребительских товаров. Не случайно вопреки улучшившейся мировой конъюнктуре продолжал падать приток прямых иностранных капиталовложений. Близкие к власти неолиберальные экономисты обвиняли во всем плохой инвести-

ционный климат в стране. Однако в 2001–2008 годах бюрократизм, коррупция и другие беды не мешали притоку капиталов. Так было, пока российский рынок рос.

Поражение экономики кризисом лишило многие прямые инвестиции смысла, а улучшение глобальной конъюнктуры не отменило обнищания населения. В свою очередь правительство не пыталось изменить ситуацию за счет перехода к политике наращивания доходов населения. Этот подход целиком противоречит принципам открытой экономики. Присоединение России к ВТО, намеченное на 2011 год и призванное открыть российский рынок для иностранных товаров и капиталов, вряд ли состоится в намеченный срок. США (ключевой член ВТО) не заинтересованы предоставлять России право на снятие ограничений при поставках сырья на внешние рынки. Именно ради этого правительство добивается принятия страны в ВТО, и это ждет нефтяной, газовый и металлургический бизнес. Причем особенно активно Россия стремится попасть в ВТО, когда мировые цены на сырьевые товары идут вниз.

Не ориентируясь на развитие внутреннего спроса ценой качественно новой экономической политики, российские власти стараются расширить границы подконтрольного рынка. Именно на это направлено создание Таможенного союза с Казахстаном и Беларусью. Торговые связи с США по поставкам металлов мешают пока Украине войти в это пространство. Но Таможенный союз в условиях кризиса ВТО и всей неолиберальной торгово-экономической системы планеты обладает крупным потенциалом. Не приходится сомневаться, что снятие летом 2011 года внутренних границ между членами ТС положительно скажется на экономике. Но развитие союза вглубь (как и вширь) будет зависеть уже от смены глобальной конъюнктуры. Окончание стабилизации на рынках больно ударит по отечественному сырьевому сектору, но откроет для страны новые возможности.

Наступивший в мае-июне застой на нефтяном рынке не повлиял отрицательно на экономическую статистику России. Во второй половине 2010 года капитальные инвестиции стали показывать восстановление. Весной процесс замедлился, но в мае рост инвестиций в основной капитал составил 7,4% к году. По оценке банка Уралсиб, основной проблемой экономики остается падение реальных доходов населения. В мае оно ускорилося до 7% в годовом исчислении. Показатель апреля был 3,8%. На этом фоне рост розничных продаж (годовой рост которых оценивается в 5–6%) может отчасти трактоваться как результат большей уверенности населения. Немаловажным является возобновление и удешевление кредитования. Однако это, скорее, указывает на то, что Россия в условиях глобальной стабилизации повторяет происходившее в США и ЕС в преддверии кризиса. Кредиты могут поддержать спрос, но они же задают пределы этого повышения, делая неминуемым спад.

Официальная статистика демонстрирует чрезвычайно низкий уровень безработицы в стране. Он говорит лишь о нулевой ценности для анализа этих данных, включающих только зарегистрированных безработных. Но даже реальная безработица весной-летом в стране снижалась. Министерство экономического развития констатировало, что в мае рост ВВП ускорился с 3,3% в апреле до 3,8%. Более важным является некоторое снижение темпов промышленного роста, продолжавшегося в течение 2010 года. В частности, метал-

лургическая промышленность — ставшая лидером оживления — смогла к лету 2011 года выйти на докризисный уровень. По заявлению замдиректора департамента базовых отраслей промышленности Министерства промышленности и торговли РФ Алексея Пинчука, трубная подотрасль черной металлургии после падения в 2009 году на 21% в следующем году показала 30% рост в сравнении с 2008 годом. Для трактовки таких показателей чрезвычайно важно понять источники восстановления производства.

Внешнеторговый оборот России в 2010 году вырос на 33%, о чем говорят документы Федеральной таможенной службы. Он составил 625,4 млрд долл. Падение в 2009 году составило более 35%, до 495,8 млрд долл. За 2010 год экспорт российских товаров увеличился на 31,4% — до 396,4 млрд долл. Импорт достиг 229 млрд долл. и увеличился на 36,8%. На сырую нефть пришлось 52,4% стоимости внешних поставок. Причем торговый оборот России со странами дальнего зарубежья составил 534,1% (рост за год на 33,4%), а с государствами СНГ — только 91,3 млрд. долларов (увеличение на 33%). Решающую роль в оживлении отечественной экономики сыграл мировой рынок. Высокие цены на сырье и материалы обеспечили российский корпоративный сектор денежными ресурсами для развития кредитования населения. Но активизация экономики страны осталась ориентированной вовне. Отток капиталов из России весной 2011 года замедлился, но не прекратился.

Источником улучшения глобальной конъюнктуры была политика ФРС США и, отчасти, Китай с его большой программой государственных инвестиций. Благодаря хорошим условиям российское правительство смогло в январе-мае текущего года довести профицит федерального бюджета до 1,8% ВВП, о чем сообщило Министерство финансов. Были озвучены расчеты на рост иностранных реальных инвестиций. Споры аналитиков вызывала лишь противоречивая картина роста розничных продаж при падающих реальных доходах населения. Однако увеличение трат населения может быть правильно понято лишь при учете падения покупательной способности рубля независимо от его укрепления к американской валюте. На одну и ту же сумму денег потребитель в 2008 и в 2011 годах мог приобрести различное количество товаров. Особенно заметным здесь остается удорожание продовольствия.

Еще в конце 2010 года в России был дан старт новой приватизации. В 2011 году наметилась приватизация части государственных корпораций. Подготовка к ней должен был служить отзыв президентом страны чиновников из управляющих советов предприятий. В соответствии с либеральными нормами государство перешло к подготовке сокращения своего участия в экономике. Однако высокие мировые цены на нефть сыграли на усиление позиций осторожного лагеря, группирующегося вокруг премьер-министра Путина. Реформа системы образования (в соответствии с ФЗ-83) и сокращение социальных расходов, а также пересмотр Трудового кодекса, остаются вероятной перспективой еще до истечения 2011 года. Изменение Трудового кодекса (ТК) по предложению Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) — еще не решенный вопрос.

РСПП активно лоббирует изменение ТК в скорейшие сроки. ФНПР скорее рассчитывает «замотать» предложения крупного российского бизнеса, чем организовать сопротивление. Если предложения РСПП пройдут, россиянам

придется работать больше, в то время как оплата труда продолжит зависеть от рыночной конъюнктуры — неблагоприятной для работников с 2008 года. Удлинение рабочего дня позволит компаниям избежать затрат на технологическое обновление производства и поднять нагрузку на персонал. Вместо трех работников можно будет нанимать двух, но привязанных к работе на больший срок. Никакого повышения производительности труда это не даст. Она скорее понизится. Практика показывает, чем дольше рабочий день, тем меньше часовая выработка.

Характерно, что Россия в значительной мере повторяет процессы, идущие в США в рамках индустриального оживления 2010–2011 годов. Бизнес Америки также стремится получить сокращение затрат на рабочую силу. Администрация Обамы старается поднять экспорт Соединенных Штатов. Но в основе реиндустриализации по Обаме лежит не технологический переворот в промышленности, а консервативный курс на повышение эксплуатации наемных работников. Печальный сигнал для российской экономики здесь заключен в ослаблении потребителей не только в Западной Европе, но и в США. Ставка на экспортное развитие отечественной экономики становится все более рискованной, что и создало тревожную атмосферу на Петербургском форуме.

Суть намечившегося весной-летом американского перелома в денежной политике сводится к сокращению выгод от «количественного смягчения». Высокая потребительская инфляция в мире подрывает политическую стабильность в странах периферии и разрушает местные рынки, на которые и пытаются опереться США. Проблемой является обесценивание денежных капиталов и дороговизна сырья, создаваемая спекуляциями. Спекулятивное вздорожание продовольствия разоряет потребителей, отнимая покупателя у промышленных компаний. Продолжение политики «количественного смягчения» — запуск новой большой программы — даже при повторении сделанного снова и снова не выведет экономику США и мира из кризиса. Прекращение рецессии — сокращения ВВП в 2010 году не должно обманывать. Новых источников роста глобальной экономики нет. Правительства лишь обеспечили подпитку финансовых корпораций.

Для российской экономики, если судить по динамике мировых цен на сырье, первая половина 2011 года оказалась даже лучше второго полугодия 2010 года. Но власти не отказались от непопулярных планов, несмотря на некоторое оздоровление бюджета, восстановления профицита. Сокращение социальных расходов остается одной из важнейших задач властей, относимых к блоку жесткой экономии. Хорошая конъюнктура не выглядит устойчивой, тем более, что после майского обвала застой на рынках создал угрожающую атмосферу. Будущее российского экономического оживления остается в руках мировых цен на сырьевые товары. Популярны в 2001–2007 годах проекты развития страны становятся все менее убедительными именно потому, что периферийный характер отечественной экономики выглядит единственной «альтернативой», предложенной сверху.

Оживление в сырьевом и банковском секторах не отменило социального кризиса в стране. Развитие его идет медленно, а конфликт в верхах государства имеет шансы усилиться с переменной мировой торговой конъюнктуры к худшему. За пять месяцев 2011 года из России было выведено капиталов на

35 млрд долл. Отток лишь снизил темпы. Многие аналитики ожидают дальнейшее ослабление оттока, но вероятность этого сценария определяется будущей динамикой сырьевых цен. Она в свою очередь зависит от денежной политики США. Несмотря на то, что официальная статистика говорит о росте номинальных заработков населения, оплата труда в стране в основном остается на пониженном в острой фазе кризиса уровне. По реальному состоянию рынка труда Россия выглядит лучше, чем страны еврозоны. Доля безработных среди населения работоспособного возраста вряд ли превышала в середине лета 8–9%. Выше безработица среди молодежи.

Повышение цен на бензин, развернувшееся под давлением крупного нефтегазового бизнеса, нанесет по итогам 2011 года серьезный урон реальным доходам населения. При застое транспортного развития страны это неминуемо отразится на уровне потребительских цен. Единственным спасением для россиян может оказаться общемировой ценовой спад на нефтяном рынке. Однако в этом случае признаков оздоровления в экономике быстро сделается меньше. Бюджетная динамика сразу изменится: меры экономии дали за пять месяцев текущего года профицит в 1,8% ВВП при росте бюджета всего на 0,9%; во избежание дефицита государству придется экономить жестче. Крайне важно и то, что Министерство финансов продолжает набирать долги. На внутреннем рынке было занято 451,6 млрд руб. С помощью еврооблигаций удалось привлечь еще 90 млрд рублей. Государство наращивает резервы, что вряд ли стоит связывать с хорошими ожиданиями.

Если президент США сможет добиться продолжения эмиссионной политики, то экспорт американской инфляции станет такой же проблемой в 2011–2012 годах, каковой он был все прежние годы. В этом случае ослабление доллара соединится с ростом сырьевых цен во втором полугодии 2011 года, что еще более снизит приемлемый для российских экспортеров уровень сырьевых цен в мире. Однако этот сценарий выглядит менее вероятным, чем переход США к жесткой экономии. Для России это, вероятно, обернется концом самой комфортной фазы мирового кризиса.

Любопытно выглядит в свете экономических обстоятельств полемика Медведева и Путина, а также реконструкция партии «Правое дело». Создание на базе «Единой России» политического фронта говорит о желании правящего класса пережить усталость общества. Причем стабилизация в экономике не привела к ее снижению. Внимание к «Правому делу» и ослабление интереса верхов к «Справедливой России» может выражать план построить такую систему, правый фланг которой должна возглавить партия миллиардера Михаила Прохорова, а левый — Общенародный фронт на базе «Единой России». Этот политический прием может выражать твердую нацеленность властей и крупного бизнеса на осуществление жесткого и непопулярного экономического курса.

Кризис заставил российские бюрократические верхи разделиться на умеренную и радикальную неолиберальные партии. И масса рядовых чиновников явно на стороне осторожного и сдержанного курса, что и объясняет саботаж с их стороны наиболее резких либеральных решений. Непопулярность реформы образования остается беспрецедентной в отечественной истории последних десяти лет. Не лучше население встретит и другие попытки сокра-

тить государственные расходы за его счет, едва только от «обсуждения» развернется переход к делу.

Ожидать улучшения глобальной экономической конъюнктуры сложно. Еще труднее определить ее возможные источники при падающем спросе со стороны населения планеты. Китайская инвестиционная программа упирается в отсутствие развитого внутреннего спроса, а расчет США, России и других стран на экспортное решение внутренних проблем может еще во второй половине этого года показать свою ошибочность.

Юлия СВЕШНИКОВА

ПОСТИСЛАМСКАЯ ВЕСНА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНЫЙ ПОДТЕКСТ

Сила интереса к происходящему на Ближнем Востоке превышает расстояния, отделяющие Россию от региона. Политический анализ растягивается от попыток определить причины волнений до желания предугадать последствия. Мы ищем политико-экономические предпосылки, которые — несомненно — впереди. Но мы разучились верить, что люди могут бороться за идею. Идею и питающий ее культурный слой общественного и индивидуального сознания.

Волнующая всех в том или ином аспекте — конечно, снова в политическом контексте — культурная среда в странах Большого Ближнего Востока — ислам. И если отвлечься от темы исламизма и прочих измов, к которым дискуссии неизбежно скатываются, то об исламе в происходящем надо сказать в целом, как о культуре, частью которой является сама религиозная догматика. А в культуру входят и, например, доисламские обычаи, адаптированные исламским миром, и все, что из ислама как религии мигрирует, иногда мутируя на бытовом уровне, в культурную среду, в которой живет общество. Встает вопрос, ислам какого рода благоприятствовал началу ближневосточной весны?

Тенденции

Интернет как средство помог людям осознать резкое несоответствие уровней жизни развитого *Севера* и отстающего *Юга* как в смысле материальном, так и относительно уровня свободы, он помог слиться в единстве этого осознания и вытечь на различные тахриры с призывами «Господь велик!»¹. Конечно, взрыв не был чем-то возникшим из ничего — просто определенная критическая масса накопилась именно сейчас. Обостренное ощущение обманутых ожиданий снова возделывает питательную почву для экстремистских идеологий, как в 1980–1990-х годах: самое время поискать причины экономических и политических неудач в происках материалистичных *империалистов*. Но ситуация осложняется: в глазах общественности коррумпированная верхушка, бесцеремонно попирающая исламские ценности, тоже помещается в лагерь *антиисламских вредителей*. К самим *империалистам* в лице Боль-

¹ [Allahu akbar!]

ших Европейцев отношение тоже прохладное — главное, что от них поступает помощь, в том числе и военная, пусть временами и калечащая саму оппозицию непродуманностью действий.

Получается уже иная формация переворота. Как бы ислам — но уже с другими представлениями об общественном устройстве. Вроде бы государственные лидеры, ведущие общество к светлому исламскому будущему (за исключением Туниса) — но уже дискредитировавшие себя авторитарными методами управления и коррумпированностью. Вроде бы исламистские группы, но с реформированным лицом. *Постисламские революции* — так определяет происходящее профессор университета Иллинойса Асеф Баят², подразумевая смесь реформ и революций в происходящем.

В таком крушении ценностей и лидеров, которым можно доверять, люди снова обращаются к поискам самоидентичности. Попытки этого поиска, на наш взгляд, отчасти по-прежнему будут идти в ключе тенденций, обозначенных в любопытной статье «Цивилизация бедных» востоковеда Георгия Мирского восемь лет назад. «Вероятно, молодые и приемлющие модернизацию элементы мусульманского общества станут искать выход из положения на пути приобщения к западным ценностям, приспособивая их к традиции и, тем самым, все более отдаляясь от наиболее архаичных форм исламской цивилизации. Чтобы противодействовать этой тенденции, другие, столь же молодые и образованные люди будут стремиться вновь утвердить исламские ценности, возродить веру путем обновления исламской философии и создания новой школы фикха, то есть мусульманской юриспруденции и комплекса социальных норм. Если это удастся, исламская цивилизация выйдет из состояния склероза и окостенения»³.

Однако обозначенный *постисламский* характер революций подчеркивает их иное качество. Не секулярное, но апеллирующее на данный момент более к гражданским свободам, нежели к исламу — исламские лозунги, за исключением упомянутого «Аллах Акбар!», практически не слышны. Становится более заметен оптимистический вектор развития исламско-арабского мира. Речь не о выборе между мягкой культурной экспансией Запада или провокаторством антизападных настроений — люди стали более ориентированы решать внутренние задачи без оглядки на внешнеполитические события и какую бы то ни было экспансию. Достаточно накопилось внутренних проблем, чтобы обороняться от глобализации, оставив первоочередные внутригосударственные дела.

Революции 2011 года на Ближнем Востоке называют еще молодежными. *Бедные из среднего класса* — основа социального взрыва, формировавшаяся годами — молодые люди, получившие высшее образование, общающиеся со сверстниками со всего мира с помощью Интернета и ожидающие уровня жизни, подобающего среднему классу — получают в ответ разочарование и бедность без перспектив на улучшение. В такой обстановке отсутствие гражданских свобод и здоровых идей становится особенно ощутимым, а вопросы к государственной верхушке — более настойчивыми.

² Asef Bayat. The Post-Islamist Revolutions // Foreign Affairs. April 26, 2011

³ Мирский Г. Цивилизация бедных // Отечественные записки, 2003. № 5 (13). — URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=14&article=641>

Связывают ли люди свой уровень благосостояния с какими-то пороками властного устройства? Или считают, что достаточно заменить одного лидера на другого — и все пойдет иначе? Политические лозунги на улицах показывают, что связь стала более очевидной. Например, в Сирии, где годовой доход граждан составляет 4000 долл., что на 2000 долл. меньше, чем в Египте, и на 4000 долл., чем в Тунисе. Но, несмотря на критический уровень жизни, молодежь, вышедшая на улицы, понимает, что отсутствие еды и работы как-то связано с тоталитарным режимом, длящимся более 40 лет (чрезвычайное положение действует в стране с 1963 года). Проблема Сирии уже не в религиозном дисбалансе, о котором много говорят — когда при 12%-ном представительстве алавитов в стране последователи этого религиозного течения занимают ключевые позиции в армии и госструктурах. Ведь при этом сунниты также состоят на некоторых ключевых постах и формируют экономическую элиту страны. Поэтому вариант религиозного противостояния выглядел бы слишком упрощенно, дело в чем-то более универсальном.

Ценности

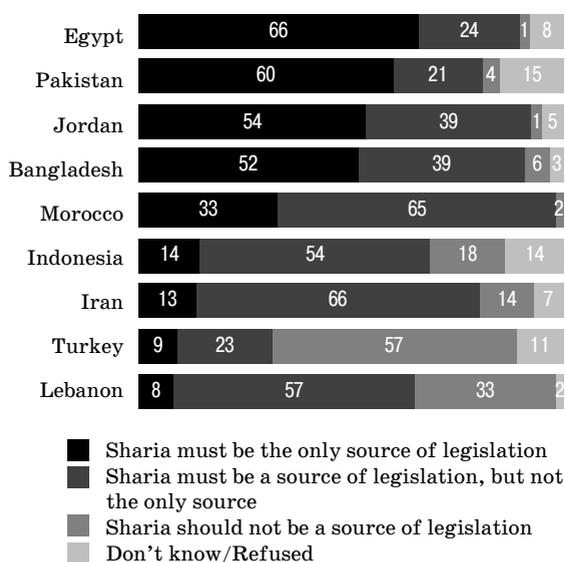


Рис. 1. Иллюстрация одного из вопросов из упомянутого исследования Гэллуп: какое место шариат должен занимать в законодательстве страны (увы, единственный источник)

моральному упадку, поддерживая таким образом критическое мнение известного мусульманского реформатора Саида Кутба, посетившего некогда Америку и ужаснувшегося глубине ее *безбожности* и более жестко смотревшего на

Конечно, противоречивые тенденции в самом исламе — к возрождению, реформированию и фундаментализму — не дают однозначного ответа на вопрос о причинах социальных взрывов. Что, например, ценят жители исламских стран в своей культуре, откуда мотивация в консервировании сложившегося порядка, столетиями берегущего культуру? Следование исламским ценностям, которые, реализуясь на уровне государства, помогают организовать жизнь в соответствии с внутренними представлениями о том, что должно, это подтверждают выводы Центра исламских исследований *Гэллуп (Gallup)*⁴. Исламские ценности люди противопоставляют западной *испорченности* и

⁴ Dalia Mogahed. Special Report: Muslim World. Islam and Democracy. Gallup. 2006. — URL: <http://media.gallup.com/MuslimWestFacts/PDF/GALLUPMUSLIMSTUDIESIslamandDemocracy030607rev.pdf>

необходимость возрождения традиции, и его предшественника Хасана аль-Банна, основателя «*Братьев-мусульман*». Однако большинство населения 10 исламских стран, в которых проживает 80% мусульманского населения планеты, одновременно восхищается в западной политической культуре такими вещами, как правосудие и свобода мнений, личная свобода человека. В своих же обществах люди критикуют, прежде всего, неадекватное следование тем самым исламским ценностям, которые они ценят больше всего — недовольство относится и к экстремистским настроениям, и к несоблюдению исламских норм в разных областях жизни — экономике, политике, государственном управлении, общественной жизни.

Становится очевидно, что демократия и ислам в понимании основной массы людей не противоречат друг другу, а напротив, могут свободно сосуществовать, несмотря на то, что и сейчас, в период революций 2011 года, салафитские группировки, например, в Египте объявляют, что демократия — это *харам* (запрещенное). Просто применение (не адаптация, а именно применение) ценностей западной культуры, явно сформулированных и в исламе, происходит в своей характерной манере и не всегда последовательно реализуется. Например, победа шиитов на выборах в Ираке и «*Братьев-мусульман*» в Египте противоречит, прежде всего, западному принципу об отделении религии от государства, притом, что сам институт демократического представительства имеется и в той, и в другой правовых культурах (хотя с термином демократический в данном контексте можно спорить). Ввиду такого непротиворечия ценностей в умах людей большинство по-прежнему поддерживает идею, чтобы шариат оставался единственным источником законодательства либо одним из источников. Исключение составляет Турция, в которой 57% предпочли бы исключить шариат из списка источников права.

Начало либерального мышления

Ислам доказывал свою жизнеспособность на протяжении веков. Но ключ к жизнеспособности всегда лежит еще и в возможности реформироваться, обновляться изнутри за счет самих последователей, которые представлены крылом исламских интеллектуалов. И в данном случае часты обращения к идее *иджтихада* — интерпретации, профессионального суждения, авторитетного толкования норм ислама, в том числе и в соответствии с духом времени, в противовес *таклиду*, подражанию уже существующим, сформулированным нормам и школам права. Английский востоковед Дерек Хопвуд творчески называет *иджтихад* «началом либерального мышления»⁵. Антизападнические, антиреформистские настроения уже в свое время кристаллизовались и в слогане египетских «Братьев-мусульман» — «Ислам — вот ответ», и в беспокойном труде 1962 года иранского мыслителя Джалала аль-Ахмада *Вестернизация [Gharbzadegi]*, и многих других. Однако почувствовав, что сама исламская культура нуждается в преобразовании — чтобы соответствовать народным чаяниям, даже бывшие радикальные группировки начинают сейчас

⁵ Хопвуд Д. Культура современности в исламе и на Ближнем Востоке // Отечественные записки, 2003. № 5 (13).

организовывать себе человеческое лицо. Все чаще от лидеров слышны заявления о том, что исламисты должны выступать как партнеры в деле демократического строительства (*Хезболла*, Ливан), что ислам (в лице соответствующих групп) не против модернизации («*Аль-Нахда*», Тунис)⁶, и даже *Организация моджахедов иранского народа* (ОМИН, или МКО) настойчиво требует от США исключения себя из списков террористических организаций. То же произошло и с Партией справедливости и процветания в Индонезии, Партией справедливости и развития в Марокко, которые стали спокойно смотреть на мирное сосуществование ислама и демократии.

Экономическая исламскость

В ходе весенних событий стало ясно, что просто хлебом от граждан не откупиться. С другой стороны, если за требуемой свободой не последует само собой разумеющийся хлеб, то это тоже вызовет не меньшую волну вопросов к власти, независимо от того, сменится она везде или только в некоторых государствах. Поэтому модернизация, о которой говорят как исламистские группировки, так и руководители государств, должна, конечно же, пройти не только в сфере гражданских свобод (хотя и не только экономических). И вот здесь правительствам предстоит соединить исламские ценности с актуальной экономической программой. Такое вполне возможно, хотя, судя по недавним исследованиям профессора университета Джорджа Вашингтона Хусейна Аскари⁷, исламские ценности настолько совместимы с западными, которые позиционируются как *универсальные*, что в топе стран, реализующих эти принципы на практике, стоят именно западноевропейские страны.

Первая из исламских стран (исламских по принципу членства в Организации исламская конференция) в этом списке — Малайзия, которая занимает 33-ю позицию. Из исламских стран также на 42-м месте — Кувейт, на 54–55-м — Казахстан и Бруней, Тунис — на 72-м месте, а Египет — только на 129-м; Ливия — на 174-м, Йемен — на 180-м месте. Из стран, находящихся во главе списка наиболее полно проводящих в жизнь исламские принципы (прежде всего, в экономике) — Ирландия, Дания, Люксембург, Швеция, Великобритания и т.д. Есть куда реализовать обновленные стремления исламских политических групп. Тем более, что, как показывают опросы общественного мнения и сопоставление устоявшихся западных ценностей с исламскими, конфликта ни в общественном сознании, ни в организационном смысле не будет.

Ислам в странах Ближнего Востока составляет глубокую культурную основу. Поэтому когда речь заходит о преобразованиях, встает вопрос об изменении нематериальной культуры, адаптивной, которая, по идее американского социолога Уильяма Отборна, крайне медленно поддается изменениям. Однако общественные настроения показывают, что культурные изменения, слу-

⁶ Kirkpatrick D. Islamist strikes conciliatory note // The Global Edition of the New York Times. Jan, 22–23, 2011.

⁷ Sheherezade S. Rehman, Hossein Askari. An Economic Islamicity Index (EI2) // Global Economy Journal, 2010, Volume 10, Issue 3.

жащие причиной социальных сдвигов, уже произошли, широко вовлекая молодое население. И конфликт не разрешится, пока не будут созданы политические структуры, способные удовлетворить растущий спрос на постисламское государство — опирающееся на ислам как на культуру и отнюдь не призывающее к секуляризации, но при этом обеспечивающее права и свободы граждан (подданных). Важно, чтобы демократы, живущие книжными представлениями о либеральных ценностях, донесли значимость момента до простых людей. Пока салафиты не объяснили аудитории, что демократия — это, оказывается, *харам*.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

ЧТО ОЗНАЧАЕТ КРАХ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА?

В обсуждении приняли участие академик Российской академии наук, директор Института философии РАН А.А.Гусейнов, доктор философских наук, профессор, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета В.А.Луков.

Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор П.С.Гуревич.

Гуревич П. В начале минувшего века в одном из американских городов в честь Дня независимости организовали своеобразное зрелище. В центре бейсбольного парка на специальном возвышении соорудили огромный котел, сделанный из дерева и полотна. К его краям с двух сторон вели ступени. Публика расселась по своим местам, грянул оркестр. И вдруг все увидели, как на территорию парка вошла небольшая толпа. Она состояла из представителей всех национальностей. Люди были одеты в национальные костюмы. На ком-то красовалась кепка, сделанная из рога, на ком-то шляпа. На плечо одного из представителей толпы была наброшена бурка, а рядом шла женщина в сари. В толпе можно было разглядеть камзолы и расшитые рубашки. Толпа закружилась в танцах, отражавших специфику конкретной культуры. Зазвучали национальные песни. На помосте появился директор местной школы. Но он был не в строгом костюме, а в образе дяди Сэма. Люди пошли за ним и скрылись в котле. И через некоторое время оттуда, то есть с другой ступени, стали появляться типичные американские граждане. Бросились в глаза модные пальто, шляпы, котелки, жесткие воротнички и галстуки в крапинку. Мужчины опирались на трости. Все пели национальный гимн «Звездно-полосатый флаг».

Вероятно, нет смысла обозначать символический смысл этого зрелища: в Америку едут люди разных национальностей, но все они становятся гражданами этой замечательной страны. Так родилась концепция «плавильного котла». Она стала идеологической основой политики западных стран. Каждая из них стремилась показать всему миру, как безболезненно и эффективно происходит в конкретном государстве процесс универсальной адаптации пришельцев, иммигрантов. Разумеется, сама концепция не содержала в себе ничего неожиданного. Сплав культур, традиций, миграционных потоков не новость для Европы. Противостояли друг другу языческая и христианская культуры, греко-римская и германская. Еще в X–XI веках осушались болота, расчищались леса. Строились города, в которых поселялись люди разных

этносов. Процесс «амальгамации» культур, их интеграции происходил особенно интенсивно.

Но вот век спустя концепция мультикультурализма вступила в стадию крушения. Канцлер Германии Ангела Меркель заявила, что политика сближения культур порождает глубокий раскол в обществе и переживает крах. Аналогичное заявление относительно краха мультикультурализма сделал премьер-министр Великобритании Камерон. После этого сенсационного сообщения наши телевизионные каналы начали, как по договоренности, обсуждать тему возможного в России мультикультурального общества.

В связи с этим хотелось бы обсудить следующие вопросы:

1. **Чем вызван крах этой некогда модной концепции?**
2. **Как соотносятся мультикультурализм и глобализация?**
3. **Может ли европейская культура нивелировать незападные культуры?**
4. **Почему национальные проблемы приобретают особую остроту в России?**

Чем вызван крах мультикультурализма?

Гуревич П. Прежде всего хотелось бы знать ваше мнение о том, можно ли говорить о тождественности концепции «плавильного котла» и «мультикультурализма»? Ведь вторая концепция сложилась как критика первой. Стремительное переодевание, радикальная перековка этносов рождали протест. Именно поэтому в 20-х годах прошлого века родилась новая концепция. Ее адепты утверждали, что в современном обществе отдельные народности, племена или этносы вполне могут сохранить свои культуры. Подразумевался комплекс разнообразных процессов социальной динамики, позволяющий раскрыться многим культурам при толерантном отношении господствующей национальной культуры. Если же говорить о современном звучании этого понятия, то можно соотносить его с попытками осмыслить возможности совместного существования в бикультурной стране, какой была Канада. В середине прошлого века она была англо-французской страной. Термин «мультикультурализм» получил официальное политическое признание в 1971 году.

Луков В. Как понятие он, вероятно, возник раньше, и Википедия указывает, что этим термином характеризовалась политика Швейцарии с 1957 года. Но и в этом случае, в общем-то, недавно. Его популярность как маркера политической концепции росла очень быстро, пока вдруг не прозвучали упомянутые вами, Павел Семенович, слова Ангелы Меркель, между прочим, вызвавшие понимание у значительной части немцев, да и в целом у, так сказать, коренных европейцев. О провале политики мультикультурализма одновременно заявили лидеры Германии, Франции, Великобритании. Это уже не единичные факты, это тенденция.

Гуревич П. Работы современных политиков и социальных мыслителей буквально пестрят словами «мультикультурный», «мультикультурализм», «мультикультурные общества», «мультикультурность».

Гусейнов А. Американский опыт «плавильного котла» культур и этносов, на мой взгляд, нельзя интерпретировать как опыт мультикультурализма. Он, конечно, своеобразен, но типологически ничем не отличается от национально-государственного развития Европы. Более того, США в более чистом,

почти экспериментальном варианте воплотили характерную для буржуазно-демократической эпохи политику формирования национальных государств и национальных культур. Один из тезисов, в силу которого американский опыт считается образцовым, состоит в том, что здесь разные культуры и этносы соединились в одну нацию сравнительно безболезненно, без ущемления прав, репрессий и т.д. На это следует заметить следующее. В Северной Америке встретились не разные культуры и этносы, а индивиды, которые представляют разные культуры и этносы, которые откололись, отпали от своих этнокультурных континентов (Германии, России, Франции, Индии и т.д.), в то время как сами эти континенты продолжали и продолжают самостоятельно существовать.

Луков В. Устранение разноречия...

Гусейнов А. Это был не совсем Вавилон, поскольку вся эта разноязычная масса рекрутировалась на базе возникших здесь первоначально английских колоний. Разноязычные индивиды не собирались вместе для того, чтобы сообщество строить, они подключались, вливались в ряды тех, кто уже начал строительство и говорил на английском языке. В истории Америки действительно могла бы состояться встреча культур — англо-саксонского варианта европейской культуры с индейской, но она, как мы знаем, не состоялась. В этом случае ни о какой культурной открытости, ни о каком «плавильном котле» речи не шло. Всё было более жёстко, кроваво, бесчеловечно, чем это имело место в других случаях европейской колониальной политики. В американском котле люди, откуда бы они ни происходили и какие бы культурные традиции ни воплощали, переплавлялись в буржуазных индивидов. В этом смысле США — классический образец нации, очевидное доказательство того, что нация представляет собой постсословное, внесословное, а одновременно с этим и внерелигиозное, внеэтническое объединение людей на основе демократических, частнособственнических, индивидуально-гражданских ценностей. Особенность и удача Америки в том, что в отличие от Европы она формировалась как нация, конструировала новый строй жизни, не будучи обременённой традициями и памятью. В результате этого сама нация, её институты и важнейшие вехи (конституция, отцы-основатели, флаг и т.д.) стали традицией и памятью, объединяющей силой и общезначимой символикой. Я знал, подружился с одним замечательным американцем русского происхождения — сыном моряка с броненосца «Потёмкин». В его доме на видном месте висела и, надеюсь, висит довольно большая, выполненная в металле памятная доска, на которой была высечена одна из статей (по-моему, первая) Конституции США. Для него такой непривычный для наших нравов, сравнимый разве что с висевшими некогда в квартирах портретами Сталина, внешний знак гражданской лояльности был столь же ограничен, как и его ностальгический интерес к Родине его отца.

Луков В. Это сам по себе интересный факт. Ваше неожиданное суждение Салам Керимович, звучит убедительно. Собственно, не то интересно, когда возник популярный термин, а то, что он связал определенную политическую доктрину с феноменами культуры. Вообще говоря, раньше общества, которые стали называть «мультикультурными», тоже имели название. Их, например, именовали «мультинациональными», «мультирелигиозными», «мультирасо-

выми», «сегментарными». В Латинской Америке говорили о «метисизации». Культурные различия, конечно, всегда имелись в виду, но, скорее, на обочине теоретических рассуждений и политических доктрин. Так что же произошло? В 2002 году на конференции «Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения» в центре внимания был вопрос: что такое мультикультурализм: этическая доктрина или политическая программа? А в одном из выступлений еще более обобщенно: почему культура становится политикой? Можно сказать, что это черта современной эпохи, когда культурный фактор выдвигается на передний край политической жизни, во многом определяет ее. Если в прошлом, даже и относительно недалеко, он был некоторым следствием какой-то иной проектируемой деятельности — захвата территорий, экономического передела, религиозных войн и т.д., то сегодня он приобрел самостоятельную и притом высшую ценность. Культурные процессы становятся областью сознательного планирования с далеко идущими целями, а культурная экспансия нередко дает лучшие результаты, чем традиционная «горячая война».

Гуревич П. Но ведь мультикультурализм позиционируется чаще как противоположность конфликтам, его не случайно ставят в один ряд с понятием «толерантность»?

Луков В. Мне представляется, что в мультикультурализме, в первую очередь, надо видеть политику, поощряющую такое непосредственное проживание на одной территории и в одно время людей — носителей разных культур, которое сохраняет каждую из них, защищая от поглощения доминирующей культурой. Обычно подчеркивается, что мультикультурализм основывается на равенстве или равной ценности культур — больших и малых, но это скорее идеологическая витрина политической линии. Замысел же состоит в том, что вместо культурной ассимиляции иммигрантов рациональнее давать им возможность культурной автономии, предоставив соответствующие права коллективным субъектам (можно сказать, диаспорам). В таком случае «естественный отбор» и борьба за выживание культур заменяются диалогом культур — мечтой гуманистов XX и XXI веков. А всего лишь нужно с уважением отнестись к культурным запросам иммигрантов (и локализовать этим источник постоянной социальной напряженности), дать им возможность решать вопросы образования детей и некоторые другие, политические в том числе. В обмен ожидается все же включение носителей других культур в общество по правилам, которые в этом обществе существуют.

Гуревич П. Но именно этого последнего, в конечном итоге, и не получилось.

Луков В. Именно так.

Гуревич П. Почему же? Ведь практика совместного проживания народов очень древняя, и мультикультурализм здесь вовсе не оригинален.

Луков В. Да, не оригинален. Вспомним Макиавелли, который в трактате «Государь» выделил особую главу. Он назвал ее «Как управлять городами или государствами, которые, до того как были завоеваны, жили по своим законам». В ней он давал такие рекомендации для правителя: «Если, как сказано, завоеванное государство с незапамятных времен живет свободно и имеет свои зако-

ны, то есть три способа его удержать. Первый — разрушить; второй — переселиться туда на жительство; третий — предоставить гражданам право жить по своим законам, при этом обложив их данью и вверив правление небольшому числу лиц, которые ручались бы за дружественность города государю. Эти доверенные лица будут всячески поддерживать государя, зная, что им поставлены у власти и сильны только его дружбой и мощью. Кроме того, если не хочешь подвергать разрушению город, привыкший жить свободно, то легче всего удержать его при посредстве его же граждан, чем каким-либо другим способом».

Гуревич П. «Другой способ» — это война, истребление....

Луков В. Мне кажется, концепция мультикультурализма проясняется этим давним правилом захватнических войн, только в другой оболочке. Сегодня паролем стало «культурное разнообразие». Исследователи выделяют четыре основных типа «мультикультурализма», подчеркивая при этом, что каждый из них обладает своеобразием, особым историческим происхождением и располагает своими ресурсами развития. В первую очередь выделяются империи, которые существовали прежде. К мультикультурным обществам относятся также поселения в Новом Свете. Обладают этим статусом колониальные и бывшие колониальные общества. Наконец, мультикультуральность сложилась в современной Северной Америке, Океании и Западной Европе. Впрочем, мультикультурность и мультикультурализм — разные вещи, и второе (а оно нас и интересует сейчас) надо осмысливать именно как определенный политический курс, имеющий теоретическое обоснование и идеологическую ипостась.

Гуревич П. На самом деле до нынешних времен большая часть Западной Европы демонстрировала своеобразное культурное разнообразие. Культуры могли существовать в пространстве полного и безоговорочного диалога. Иначе говоря, постулировалось, что «котел», разумеется, не отменяется, но разные этносы вполне могут сохранить собственную идентичность. Этнически чистых, «неразбавленных» наций уже не осталось. Даже там, где фиксируется национальная однородность, немалую часть населения составляют представители других народов. Но, вероятно, при всей политической и идеологической ангажированности мультикультурализм располагает в качестве истоков философскими, социологическими и психологическими идеями.

Луков В. Разумеется. Эти идеи и получили признание в конце XIX — первой половине XX века. Что-то находим у Вильгельма Вундта в его грандиозной «Психологии народов», что-то — в Чикагской школе и т. д. Думаю, для нашего разговора будет небезынттересным вспомнить важное наблюдение, и даже можно сказать — открытие, сделанное в книге Р.Парка, Э.Берджесса и Р.Макензи «Город: предложения по изучению человеческого поведения в городской сфере», вышедшей в Чикаго в 1926 году. Один из практических выводов книги состоял в том, что иммигрантские организации надо городским властям всячески поддерживать. К ним же «коренные» американцы (в кавычках «коренные»: в это время Чикаго только обживался, а иммигранты составляли половину населения) проявляли недоверие, поскольку эти организации как бы поддерживали обособление иммигрантов от американского образа жизни.

Гуревич П. Так ли было на самом деле?

Луков В. Дело обстояло как раз наоборот: они выступали буфером, упрощавшим и ускорявшим путь к американизации иммигрантов. Как? Исследо-

ватели показали: прежде всего, через изменение идентификации. Первоначально бывшие представители территорий той или иной страны объединялись и идентифицировали себя со страной как целым. «Вестфалец становится немцем». Культурные антропологи шли в сторону мультикультурализма с другой стороны. Такие исследователи, как М.Херсковиц, Ф.Боас, К.Клакхон, специально изучали взаимоотношения культур, рас, народов. Представленная культурными антропологами концепция аккультурации рассматривала контакты культур как двусторонний процесс. Однако реальная историческая практика далеко не всегда подтверждала выводы ученых.

Гуревич П. Но ведь американские и латиноамериканские исследования рассматривали в основном влияние европейской культуры на культуры других народов. Обратное воздействие фиксировалось формально и зачастую без особых аргументов. Крайне редко фиксировались спонтанные преобразования, приводящие к видоизменению двух культур, вступивших в контакт. Однако концепция мультикультурализма сохраняла свою научную респектабельность.

Луков В. Разумеется, предполагалось, что хорошим примером гармоничного сосуществования разных культур может служить Америка. Долгое время в США был популярным своеобразный праздничный ритуал, который символически отражал процесс мирной ассимиляции разных культур. Исследователи отмечали «пограничность» американской культуры. Находясь на стыке цивилизаций, Америка пыталась найти теоретическое обоснование проблемы сосуществования разных этносов.

Гуревич П. Порой оно виделось в виде многообразия самодостаточных культур, в других случаях — как последовательный процесс ассимиляции концепции «Доктрины Явственной судьбы», «Плавильного тигеля». Иногда на теоретическом горизонте появлялись радикальные теории этноцентризма, афроцентризма, полицентризма. Нередко «инаковые» культуры утверждали собственную культурную исключительность, самодостаточность, превосходство над другими этносами. В этом варианте мультикультурный радикализм порождал национализм и расизм «наоборот» («Upside Down»), этнокультурную фрагментацию и сепарацию, перевертывание изначального смысла культурной множественности. Но смотрите, как обнаруживается изнанка проблемы. С одной стороны, гармоничное слияние, а с другой — агрессивный афроцентризм.

Луков В. Да, конечно, особую остроту приобрела проблема культурной идентичности. Закрепившиеся представления об американской культуре, как культуре в основе своей англосаксонской, отбросили на задворки цивилизационных процессов как представителей ряда европейских этнокультурных групп, так и представителей неевропейских рас и этносов. В этом ключе можно осмыслить, например, знаменитое исследование У.Томаса и Ф.Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке». Оказалось, что культурному подавлению и процессам аккультурации подвергается ряд европейских, азиатских, семитских и африканских общностей. И вновь обозначился акцент на нетождественности многих культур.

Гуревич П. Достоин удивления, пожалуй, иное: каким образом мультикультурализму удавалось сохранять позицию расового и этнического многообразия в США. При этом одни исследователи ставили вопрос о неизбежном существовании доминирующей культуры, другие же — считали ее излишней.

Теперь же в американском сознании начался процесс, в ходе которого происходит пересмотр представлений о расовой и этнической иерархии. Проблема самоценности маргинальных, бесписьменных культур, которые считались до некоторых пор варварскими, получила развитие в концепции культурного релятивизма (М.Херсковиц, Ф.Боас). Согласно этой концепции, каждая культура, независимо от уровня ее производительных сил, имеет принципиально тот же уровень сложности, ценности и самобытности, что и любая другая. Каждая культура начинает рассматриваться как явление уникальное, не подлежащее кросс-культурному анализу. Сторонники такого взгляда отвергали обязательность критерия прогресса.

Луков В. И., тем не менее, сложился определенный комплекс представлений о том, как следует осуществлять культурную политику в условиях полиэтничности — от полной ассимиляции «иных» культур до навязывания доминирующей культуры. Разумеется, американский мультикультурализм имеет солидный практический аспект. В США разворачивались государственные программы, которые включали в себя социальные, образовательные и культурные аспекты. Одна из важнейших целей политики мультикультурализма — создание и поддержание социокультурного равновесия в обществе.

Гуревич П. Но, согласитесь, крах мультикультурализма начался, само собой понятно, не с заявления госпожи Меркель. Он обозначился уже в конце минувшего века и обострился в начале этого столетия. Несколько лет идея равенства наций и государств подвергается резкой критике. Американский социолог Патрик Бьюкенен пишет: «Неужели все наши рассуждения о равенстве народов — не более чем самообман? Неужели происходящее сегодня — только прелюдия к возобновлению схватки за власть над людьми и народами, схватки, которую богатый, но оскудевающий людьми и вымирающий Запад, с его отвращением к войне, возвращенном на бойнях и ужасах двадцатого века, обречен проиграть?»

Луков В. Процитирую вслед за вами Бьюкенена дальше. Он в книге «Смерть Запада» обозначает узловые точки разворачивающихся этнических и культурных конфликтов. Одной из них он называет Мексику: «Мексика исторически настроена против США, мексиканцы, мягко говоря, недолюбливают северного соседа. Они считают, что американцы лишили их страну половины законной территории. Ныне в США граждане мексиканского происхождения составляют не менее одной пятой от общего количества жителей страны плюс, как минимум, миллион добавляется к их числу каждый год. У мексиканцев не только иная культура — в массе своей они принадлежат к другой расе, а история и житейский опыт подсказывает, что людям разных рас сложнее ассимилироваться, нежели «родичам по расе». Шестьдесят миллионов граждан США, претендующих на немецкое происхождение, ассимилировались в Америке полностью, чего не скажешь о миллионах выходцев из Азии и Африки, и поныне не имеющих равных с белыми прав. Где уж тут «плавильный котел»!

Гуревич П. В отличие от иммигрантов прошлых лет, навсегда порвавших с отчиной перед тем, как взойти на борт корабля, мексиканцы отнюдь не уничтожают связей с родиной. Миллионы из них не испытывают ни малейшего желания учить английский язык или принимать американское гражданство — их дом Мексика, а не Америка, и они кичатся тем, что по-прежнему остаются мексиканцами. В Америку они пришли, чтобы получить работу.

Вместо того чтобы постепенно ассимилироваться, они создают в американских городах «маленькие Тихуаны» — все равно как кубинцы с их «Малой Гаваной» в Майами. Разница между мексиканцами и кубинцами лишь в том, что первых в Америке в двадцать раз больше, нежели вторых. Они имеют собственное радиовещание и телевидение, собственные газеты, фильмы и журналы. Мексиканские американцы создают в США испаноязычную культуру, отличную от американской. Иначе говоря, фактически становятся нацией внутри нации. Волны мексиканской иммиграции накатываются ныне уже не на ту Америку, которая принимала у себя европейцев. У других американских меньшинств сложилась убежденность в тезисах расовой справедливости и этнического равенства. Эти тезисы поддерживает и их культурная элита, которая отказалась от идеи Америки как «плавильного тигля» и ратует за прелести мультикультурализма. Сегодня этническим меньшинствам «настоятельно рекомендуется» придерживаться национальной идентичности — разумеется, вследствие этого мы наблюдаем резкий всплеск национализма.

Луков В. Концепция «мультикультурализма» никогда не имела однозначного смысла. Она существует, по крайней мере, в трех вариантах. Наиболее рельефный концепт состоит в том, что общество вполне может функционировать на условиях «дружбы народов». Такие взгляды можно назвать плюралистической моделью. Их исповедуют в США такие образования, как «Salad Bowl», «Культурный плюрализм», «Радужная коалиция». Однако можно говорить и об ассимиляционной модели «мультикультурализма». Назовем такие концепции, как «Доктрина Явственной судьбы», «Плавильный котел». И, наконец, набирают силу и радикальные варианты мультикультурализма (этноцентризм, афроцентризм, полицентризм).

Гуревич П. Актуальность концепции «мультикультурализма» вызвана тем, что, вопреки ожиданиям политиков и социальных мыслителей, культурные различия во многих странах исчезали, не растворялись, не сглаживались, а, наоборот, принимали все большую остроту. Кроме того, серьезным фактором, осложняющим жизнь современного мира, оказалась иммиграция. Бикультурная Канада оказалась еще более проблематичной, когда в Канаду хлынули небританские иммигранты. Возникли серьезные противоречия и в условиях британо-европейского монокультурализма.

Луков В. Но следует указать на еще один источник самой концепции. Я имею в виду политику идентичности в США. Уже студенческие и молодежные выступления 1960-х годов бросали вызов традиционным установкам и стандартам данной страны. Эти выступления носили антирасистский характер, поскольку включали в себя борьбу за права негров.

Гуревич П. По первому впечатлению, концепция мультикультурализма обладает несомненной ценностью, поскольку признает культурное своеобразие. Почти полвека эта социокультурная установка существует в Европе. Она предполагает сохранение в конкретной стране относительно автономных культур. Коллективные этнические образования получают, согласно этой концепции, необходимые права. Им гарантируется возможность совместного цивилизационного бытия. Но при этом они защищены от того, чтобы интегрироваться в общую политическую культуру. Однако примат культурных раз-

личий мешает многим странам искать общее в народах. Поэтому в противовес мультикультурализму возникает концепция интеркультурализма.

Гусейнов А. Хочу сказать о ценности российского опыта мультикультурализма. При всех ограничениях, даже унижениях, которые испытывали нерусские народы, тем не менее, они имели возможность жить своими верованиями и обычаями. И, конечно же, не возникало вопроса о законности их пребывания в российском государстве. Лозунги типа «Россия для русских» или более смягченный его вариант о русских как государственно образующем народе были бы дикими даже в самую дикую с точки зрения национально-культурной политики эпоху Российской империи. Они возможны только сегодня, когда государство стало кроить себя по западноевропейским образцам. Сегодня в ситуации крайне обострившихся проблем взаимодействия культур Россия действительно может предъявить миру свой исторически накопленный опыт сохранения культурного многообразия. Но и этот опыт, на мой взгляд, не является опытом мультикультурализма. И он, к сожалению, сам по себе не гарантирует нас от тех конфликтов и проблем, из-за которых европейские лидеры стали говорить о крахе мультикультурализма.

Гуревич П. Почему?

Гусейнов А. Народы, объединённые российским государством, жили на своих исторических землях, говорили на своих языках, практиковали свои верования и нравы. Каждый из них, за вычетом государственно-административных скреп, жил своей обособленной, самостоятельной жизнью. Человеческая повседневность проходила в каждый раз конкретной монокультурной среде. Встреча, например, жителя Дагестана с жителем Москвы или Рязани была большой редкостью, но и в этих редких случаях они никогда не считали друг друга конкурентами.

Луков В. Мы помним фильм «Свинарка и пастух».

Гусейнов А. Другое дело сейчас, когда взаимодействие людей разных культур и верований стало повседневным, систематическим, массовым. Здесь требуется другой уровень интеллектуального кругозора, культуры общения, понимания, сдержанности, взаимоуважительности. К примеру, в моем ауле в послевоенные годы подавляющее большинство его жителей дальше расположенного в 7 км районного центра не уходило и, тем более, никто не ездил в Москву. Сейчас уже многие люди связаны с Москвой, десятки из них живут и работают здесь. Словом, культурное многообразие, которое складывается сегодня, — иного рода, чем то, которое существовало в прошлом. Сегодня едва ли не на каждого россиянина пала та нагрузка, которую раньше несло российское государство.

Как соотносятся мультикультурализм и глобализация?

Луков В. И все же надо задуматься над тем, почему прекрасная в научно-теоретическом плане идея мультикультурализма как, по сути, экологии культуры, перейдя в сферу реальной политики, приобрела характеристики бомбы замедленного действия. Ее разрывы в последние годы столь впечатляющи, что и мыслящая Европа оказалась в полной растерянности перед лицом общественных беспорядков, пришедших вслед за гуманитарной дея-

тельностью по сохранению культуры иммигрантов на новой родине. В Интернете немцы стали неуважительно называть мультикультурную политику своих властей «мультикульти». Похоже, что в начале XXI века сохранение «мультикульти» без изменений означает тупик и более того — преддверие расовых и этнических столкновений невиданных раньше масштабов вместо культурного диалога.

Собственно, мы уже не видим ни старой Германии, ни старой Франции, ни старых Нидерландов, непонятно, в какой части света находишься, когда выходишь на улицы Берлина или Амстердама. Что у коренных наций это не может не вызывать негодования — несомненно, но похоже, что у них уже нет ресурсов, чтобы пустить время вспять и вновь вступить в общество, где иммигранты послушны, безропотны и обеспечивают благополучие общества тем, что берутся за самую грязную и непрестижную работу.

Гуревич П. И., тем не менее, Франция все больше становится негро-арабской страной. Не возникает ли здесь тема жертвенности?

Луков В. Многие культуры живы своим своеобразием, непреодолимостью своих ритуалов и ценностей. Важнейшая задача этнопсихологии — следовать многочисленным различиям между этносами. Когда американские индейцы вступили в контакт с испанцами, они не стремились осознать детали отличия. Испанцы для них были богами. По мнению Ж.Бодрийяра, индейцы сами предпочли принести себя в жертву. Но сами испанцы устыдились несостоятельности собственных верований. Западная культура, прикрываясь религиозным ханжеством, несла ценности золота и торговли.

Гуревич П. Да, да. У Бодрийяра написано, что алакалуфы с Огненной земли были уничтожены белыми людьми. Но аборигены даже не попытались понять пришельцев, ни поговорить с ними, ни поторговать. Они называли себя словом «люди» и знать не знали никаких других. Ни богатство белых, ни их ошеломляющая техника не произвели никакого впечатления на аборигенов. За три века общения они не восприняли для себя ничего из этой техники. Они продолжали грести в своих челноках. Они вымирали, не оказав белым чести признания за ними различия. Для белых же, напротив, аборигены казались другими существами, наделенными различием. Они насаждали среди них Евангелие, эксплуатировали их, а затем уничтожили.

Луков В. Во времена своей независимости алакалуфы действительно обозначали себя как — «люди». Потом белые присвоили им то же имя, которым они стали называть белых — «чужие». Потом и алакалуфы сами стали называть себя «чужими». Сейчас они именуют себя алакалуфами. Итак, сначала они были самими собой, потом стали чужими самим себе, потом утратили самих себя. Эти три подхода к самим себе отражают историю истребления данного народа. Но такое уничтожение идентичности грозит и белой расе.

Гуревич П. О закате белой расы пишут многие исследователи. Но речь идет не о том, чтобы восстановить туземцев в их законных правах. Европейцы невольно подхватили вирус — «индейский», «аборигенский», «патагонский». Таким образом, вымирание этноса или культуры возможно путем инфильтрации (переливания). Реванш за колонизацию состоит не в том, чтобы индейцы или иные аборигены вновь завладели своими территориями, своими привилегиями, своей автономией. Все, что уничтожается в процессе

глобализации, не уходит в небытие. Оно возвращается в превращенном виде, напоминая о себе и разрушая процесс нивелирования этносов.

Луков В. Поразительная закономерность. Жертвы и палачи меняются ролями. История демонстрирует воздаяние за отказ от собственного ядра своей культуры.

Гуревич П. Национальная идентичность давно превратилась в неотъемлемую черту нашего времени. Данная проблема существует не только для Америки. Кризис идентичности затронул все страны и человечество в целом. Нельзя судить об американской идентичности как об автономном процессе. Она связана с самоощущенностью и других национальных культур.

Луков В. Скажем, японцы не могут решить, относятся ли они к Азии (вследствие географического положения островов, истории и культуры) или к западной цивилизации, с которой их связывают экономическое процветание, демократия и современный уровень развития техники. Иранцев тоже описывают как «народ, который находится в поисках своей идентичности». В такой же ситуации находится и Южная Африка. Если же говорить о России, то нам предстоит ответить на вопрос, можно ли считать нашу страну европейской или следует относить ее к Азии? Кризис идентичности в различных странах приобретает различные формы, протекает иначе и сулит разные последствия.

Гуревич П. Но что же привело к этому глобальному процессу утраты собственного образа? Причин много — это и рождение общемировой экономики, грандиозный скачок в развитии транспорта и сферы коммуникационных технологий, нарастающая миграция населения, распространение демократических ценностей. Находясь на стыке цивилизаций, Америка пыталась найти теоретическое обоснование проблемы сосуществования разных этносов. Порой оно усматривалось в виде многообразия самодостаточных культур, в других случаях — как последовательный процесс ассимиляции (концепции «Плавильного котла», «Доктрины Явственной судьбы»). Главное же убеждение в том, что есть культуры более значимые, нежели другие.

Луков В. Уже в античности народы стали различать по уровню их культурного развития. В эпоху Ренессанса европейцам открылся мир ранее неизвестных рас, этносов и племен. Возникает потребность рассмотреть мир как неведомое ранее соотношение европейской культуры и других миров, иных культурных космосов. Получает распространение идея сверхценности европейской расы. Обосновывается право белого человека подчинять себе другие народы, приобщать их путем насилия или убеждения к западным ценностям. Христианское духовное превосходство противоборствует мусульманскому Востоку. Оттачивается представление о том, что существует некий единственно целесообразный путь социального развития. Те же этносы, которые не хотят принимать европейский путь цивилизаторства, будут подвергаться перевоспитанию, исправлению, а в случае сопротивления — даже искоренению. Отрицательную оценку получали не только ориентальные общества, но и любые имперские образования на Востоке. Такая установка, доведенная до логического варианта, рождала установку, будто все ценное, значимое, что могло сложиться в других регионах Земли, европейская культура давно адаптировала, усвоила, преобразовала. Так формировались первые расистские концепции.

Гуревич П. После открытия Америки социальные мыслители на полном серьезе обсуждали вопрос о том, являются ли туземцы Нового Света людьми или их следует рассматривать как некое отклонение от становления разумного мира. Еще в XVI в. Парацельс развивал мысль о раздельном и неравном происхождении разных народов. Веком позже активно используется слово «раса» для классификации этносов и народов. Человек, не имеющий расовой самотождественности, считался курьезом или выродком. В конце XIX в. расизм начинает приобретать антропологическое «обоснование». Гегель и Ницше, Гобино и Лебон, Вагнер и Вольтман придали расистскому фанатизму нужную окраску.

Луков В. Однако не стоит забывать, что уже в XIX в. умы привлекает космополитизм, который решительно отвергает расовую, национальную и государственную узость.

Гуревич П. Да, почва для глобалистского взгляда готовилась. Минувший век, как известно, начался с радикальной критики европоцентризма. Кажется, европоцентризм окончательно дискредитирован. Множество социальных и антропологических исследований показало, что нет культур великих и незначимых, плодородных и неплодородных. Каждая культура выражает огромный и неисчерпаемый потенциал духовного творчества.

Луков В. Но вдруг во второй половине минувшего века европоцентризм принял вполне легальные и неэпатажные формы. Под видом глобализации европейская культура с ее ценностями захватывает мир.

Гуревич П. Вспоминаю работу Роже Гароди конца 70-х годов. Книга так и называлась «Запад — это случайность». О чем же он писал в те годы? Гароди отмечал, что мировоззрение, которое принято считать западным, зародилось за три тысячелетия до нашей эры в Египте и Месопотамии. Основные черты этого мировоззрения — примат индивидуального начала. От протагорова «Человек — мера всех вещей» до декартовского «Я мыслю, следовательно, я существую».

Луков В. Можно добавить тот комплекс, который Ф.Ницше называл «маленьким Я» и рационально-понятийное постижение мира.

Гуревич П. Гароди считал все это греческой составляющей западной культуры, идущей из Месопотамии и Египта. Основным следствием европейского Ренессанса, подчеркивал Гароди, было установление между человеком и природой отношений захватчика и поработанного.

Луков В. Все это, однако, не блещет новизной. Первой попыткой понять Восток из него самого, а не как негатив Запада, было творчество Гёте. После «Путешествия на Восток» Жерара де Нерваля начинается релятивизация эстетических канонов Возрождения, всей западной культуры.

Гуревич П. Но ведь я назвал работу Гароди, которая была издана в 1977 году. Что это был за период? О чем писали, как о неизбежном? О симфонизации культурного развития. Об исправлении катастрофической траектории западной цивилизации. Об экзальтации традиционных ценностей вне технического прогресса. О мифологической мудрости народов Африки. О новом общинном духе. Об эффективности программы ненасильственных действий Махатмы Ганди. И что же произошло спустя три десятилетия с небольшим?

Луков В. В новых условиях постмодернистская философия по-прежнему выдвигает в качестве лозунга поиск различий. Применительно к мультикультурализму это означает узаконивание своеобразия всех культур.

Гуревич П. Но постмодернисты, в частности, Жан Бодрийяр, не всегда приветствуют эту, как он выражается, «оргию различий». Те отличия, которые были связаны с расой, безумием, нищетой, смертью, сегодня уже не в спросе. В повестке дня — «несовпадение» в моде, в обычаях, экстремальных обнаружениях культуры. Различие, как и все остальное, попало под закон рынка, спроса и предложения. Именно поэтому произошла своеобразная подмена. Традиционная духовная культура пыталась осмыслить внутреннее, потаенное ядро культуры, ее непостижимый, нерастворимый смысл. Современная культурология, напротив, фиксирует своеобразную инвентаризацию различий в культурах.

Луков В. Есть все же принципиальные различия между Европой и Западом. Восточная культура опирается на такие понятия, как иерархия и гармония, которые нелегко совмещаются в сознании европейца. Для западного человека иерархия, разумеется, позволяет создать некое подобие порядка, но она вряд ли может обеспечить согласие. Ведь европейцу приходится выполнять волю руководителя. Стало быть, до гармонии далеко. Можно говорить лишь о скоординированных действиях.

Гуревич П. Столь же иным окажется и для европейца и, скажем, для японца понятие равенства. В европейском сознании люди рождаются равными и поэтому имеют право ощущать себя равными внутри общества. Для китайца или японца равенство не всеобщий принцип, а возможность оказаться с кем-то на одной ступеньке организации. Равенство обнаруживается только в том смысле, что два маршала или два сержанта могут быть равными, поскольку находятся на одном уровне иерархических уступов.

Луков В. В отличие от европейцев китайцы и японцы постоянно отождествляют себя с какой-то группой. Это может быть семья, фирмы, профессиональный союз. Поэтому они имеют стойкий навык действовать сообща, но при этом неизменно помнить о своем положении. Европейец, наоборот, приучен к самостоятельности, он пытается оторваться от группы, возвыситься над ней, перейти в другую группу. Для восточного человека ценностью обладает не самостоятельность или отделенность, а, напротив, причастность к чему-то. Это то самое чувство, которое испытывает человек, поющий в хоре или шагающий в строю.

Гуревич П. Хорошо. Давайте искать эти различия. Хотя не следует забывать и предостережение Бодрийяра — «Отличие приобрело характер психодрамы, социодрамы, семиодрамы, мелодрамы». Так можно договориться до того, что ночь есть нечто иное, чем день, а мужское — отнюдь не женское. Ведь все формы сильного отличия волей-неволей оказались внесены в список различий, который содержит одновременно включение и исключение, признание и дискриминацию. Тогда, как замечает французский философ, нет ничего эпатажного в том, чтобы признать за индейцами право на существование лишь в пределах резерваций.

Луков В. И, тем не менее, когда вы разговариваете с восточным человеком, вас может разочаровать его интерес к вам не как к личности, а как к вырази-

телю социальной номенклатуры. Японец при первой беседе непременно постарается выяснить, каков ваш социальный статус, какую должность вы занимаете, какой имеее стаж, награды и характеристики. Он обязательно проверит, знают ли о вас более высокопоставленные особы. Судьба делового контакта зависит от всех этих сведений. В значительной степени деловые отношения предполагают прямой контакт. Если знакомство происходит по факсу или даже по телефону, то оно вряд ли получит продолжение. В Западной Европе или Северной Америке — наоборот. Японца или китайца может удовлетворить только встреча лицом к лицу, обмен визитными карточками. Но еще большее значение будет иметь рекомендация. Ведь именно она может в какой-то степени помочь европейцу войти в систему деловых отношений японского бизнеса. При этом рекомендация не воспринимается как формальная вежливость, ни к чему не обязывающая любезность. Рекомендатор несет ответственность за ту и другую сторону. Вот почему европейец, создающий деловые отношения на Востоке, стремится установить деловой контакт на как можно более высоком уровне.

Гуревич П. Все это так. Объясняя особенности деловой этики в Китае и Японии, Всеволод Овчинников приводит простую иллюстрацию. Конкуренция на Западе ставит вопрос: кому достанется пирог? На Востоке же спорят, как его поделить? Да и сама конкуренция имеет у японца иной смысл и содержание. Европейец стремится одержать полную победу, устранить и унижить конкурента. Восточные бизнесмены стараются не допустить преобладания одной стороны над другой. Нельзя довести конкуренцию до такого накала, чтобы противник «потерял лицо», оказался униженным, оскорбленным, а тем более раздавленным. Лучше всего это выражает древнее право для рикши. Молодой возчик имел возможность опередить старого, лишь сократив дистанцию, изменив маршрут. Ни в коем случае превосходство не должно обнаруживать себя в болезненной демонстративной форме.

Луков В. Деловые круги Японии стараются свести прямое соперничество до малозаметного уровня. Если в Англии или США конкуренция базируется на «честной игре», то в Китае или Японии она предполагает получение «подобающей доли». «В каждой отрасли японского бизнеса есть то ли «большая тройка», то ли «большая четверка», то ли «большая пятерка». Они делят между собой львиную долю рынка. К примеру, 22% для «Ниссана», 17% для «Хонды», 14% для «Мицубиси», а что осталось — на всех остальных (которые сами делят эту квоту между собой). Если какая-то фирма при заключении торговой или промышленной сделки пошла на уступки, то она получает преимущество при обсуждении другого вопроса, вообще не связанного с первым. В этом случае оценивается готовность партнеров идти на сделку, стремление к компромиссу рассматривается как безусловная добродетель. Нравственный подход к проблемам у восточных людей предполагает оценку поступка как хорошего или плохого, подходящего или неподходящего. Никто из деловых людей Востока не станет настаивать на пунктах контракта, если изменились обстоятельства. Если ситуация иная, стало быть, важно пересмотреть прежние договоренности.

Гуревич П. Китайские и японские руководители редко принимают самостоятельное решение. Здесь ценится анонимное общее согласие. В американ-

ской фирме именно президент и совет директоров предлагают определенную волю и реализуют ее с помощью коллектива. В Азии нет движения команды сверху вниз. Напротив, все пункты соглашения, все стороны деловой жизни обсуждаются снизу. Поэтому руководитель выражает не чью-то личную волю. Он олицетворяет общее согласие, которое достигнуто путем долгих и разно-сторонних уступок. Никто из японцев не станет выделяться из коллектива, участвовать в открытой конфронтации. Поэтому выработка общего согласия длится долго. Каждый руководитель постепенно вносит поправки в свою позицию, ориентируясь на другие интересы. Дискуссия предполагает не желание «додавить партнера», а достижение некоего компромисса. Именно поэтому президент фирмы оказывается лишь арбитром, который выбирает из нескольких вариантов тот, который не вызывает новых дискуссий.

Луков В. Не случайно европейские предприниматели в деловых переговорах с китайцами или японцами часто терпят поражение. Это ведь так? Они требуют немедленного решения, незамедлительного действия, стараются сразу выложить все карты на стол. Но это не вызывает поддержки у их восточных партнеров. Американский предприниматель, так же как и современный российский, ставит во главу угла собственную прибыль. Человек Азии «раньше думает о родине, а потом о себе». Тщательно обсуждаются вопросы, связанные с долгом перед страной, перед персоналом. Тема реальной прибыли возникает в последнюю очередь. Сравните это с российской действительностью, с тщетными попытками склонить олигархов к благотворительности или к выполнению обязательств перед персоналом.

Гуревич П. Европейец воспитан в духе идеалов свободы, культа индивидуализма. Дальневосточная мораль ставит общее благо выше личных интересов. По мнению Всеволода Овчинникова, эта черта генетически присуща и россиянам, которые, по сути дела, не столько европейцы, сколько евразийцы. Япония, вступившая на путь информационного развития, ощущает, что традиции порой мешают успешному продвижению страны. Групповая мораль не содействует творческому соревнованию, автономии индивида. Система пожизненного найма теряет смысл в эпоху информатики. В этом, по мнению В. Овчинникова, первопричина кризиса, который привел в 1990-е годы к феномену «потерянного поколения».

Луков В. Сознание человека Азии оказывается противоречивым в условиях информационного общества. С одной стороны, образ жизни японцев и традиционная мораль заставляют его быть застенчивым, скрываться за социальной маской. Но с другой стороны, это рождает чувство одиночества, жажду общения. Так, Япония предполагает выйти из «царства групп» в «царство личностей». Но произойдет ли при этом полное устранение традиционных культурных ценностей? В Японии и раньше происходили радикальные перемены, но она выдерживала их натиск, следуя мудрым принципам дзюдо — уступить натиску, идти на перемены, но при этом остаться собой. «Образно говоря, Япония никогда не станет русоволосой, хотя краситься под блондинов стало нынче модой «золотой молодежи».

Гуревич П. Но вот мы договорились следовать курсом различий и подошли к курьезам. В Йемене очень много предубеждений и правил, доходящих порой до абсурда. Например, женщинам нельзя ходить на кладбище, потому что мерт-

вые могут увидеть, что находится у нее под абайей. Еще один запрет — женщинам нельзя бриться станком, а можно пользоваться только халявой — это смесь из жженого сахара и добавок для эпиляции. Ее наносят горячей на кожу как воск. Кстати, волосы после халявы растут гораздо медленнее, чем после восковой эпиляции. Обычно арабские женщины делают себе эпиляцию всего тела перед свадьбой. Восточные женщины (и танцовщицы не исключение) очень любят тяжелые пряные запахи. Когда возвращаешься с Востока, долгое время не можешь отвыкнуть от сладких духов. Тем более, в Йемене и Иордании продаются ароматические эссенции, которые добавляют во все дорогие духи, а стоят они немного. Особенно ценится у тамошних мужчин и женщин бахор — смесь из эссенций. По четвергам в Йемене жена должна обкурить бахором волосы и одежду, зажечь бахоровые кусочки над свечой, чтобы комната пропиталась ароматом, в общем набахориться. На восточных мужчин этот запах действует похлеще виагры. Даже маленькие мальчики, почувствовав исходящий от тети аромат бахора, начинают к ней ластиться.

Луков В. В тибетской культуре считается, что далай-лама не умирает, а «перевоплощается» в ребенка, родившегося в момент кончины тибетского первосвященника. Далай-лама избирался по установившемуся ритуалу из тибетских мальчиков, родившихся сразу после смерти предыдущего далай-ламы. Достигнув совершеннолетия, он становился не только духовным, но и светским правителем Тибета.

Гуревич П. Опасность состоит в том, чтобы избежать компиляции различий. Расизм постоянно «подкрепляет» себя именно расстановкой знаков, фантомных отличий. Он становится вирусным и повседневным.

Луков В. Вспомним, какой переполох вызвал эпизод во Франции, когда появились молодые женщины в паранджах. Оказалось, что здесь бессильны все рациональные аргументации. Ни в политической, ни в этической сфере нет оснований для объективной оценки этого факта. Мы разнесли идею различия по всем уголкам земного шара. И вот оно явилось нам в неузнаваемом облике — исламистском, расистском.

Гусейнов А. Глобализация релятивизирует прежние культурно-цивилизационные границы. Мы находимся в том исключительно важном и столь же критическом периоде исторической жизни, когда осуществляется переход от состояния, когда человечество существовало и развивалось в форме многих самостоятельных цивилизаций, к состоянию, когда оно становится единым, внутренне целостным организмом. Этот переход оказывается вызовом культуре и культурной идентичности людей в их цивилизационно, религиозно и даже национально выраженных различиях. Ведь культура, как бы сильно она ни зависела от технологических и обусловленных ими экономических и социальных возможностей, тем не менее, не является просто их следствием, дополнением, продолжением. В том, что касается смысла, целей человеческой деятельности, культуры уходят своими истоками в духовную сферу. Культуры не складываются, в принципе не могут сложиться в универсальное целое. Каждая из них равна самой себе и самоценна. Каждая из них единственна.

Луков В. Казалось бы, простая, но чрезвычайно важная мысль.

Гусейнов А. И тот факт, что процессы глобализации, охватившие материальный аспект деятельности, обернулись усилением «локализации» в обла-

сти духовной культуры, является совершенно нормальным ходом событий. Собственно говоря, сам феномен мультикультурализма, идея мультикультурализма как раз выражает, фиксирует это обстоятельство. Мультикультурализм является признанием того, что процессы в области культуры протекают по другой логике, другим законам, чем процессы в области экономики или социологии. Речь идет о том, как возможно совместное поликультурное общежитие. Когда-то Европа решала вопрос о том, как возможно совместное общежитие в рамках одного государства людей, которые по-разному понимают свою религию и ходят в разные церкви. И решила его. Решила, в основном, путем разделения сфер; разделения государств с учётом конфессиональных аспектов, а внутри самих государств — отделением гражданско-политической жизни от религиозно-конфессиональной.

Сейчас перед государствами встает новая проблема — как возможно совместное общежитие людей, исповедующих разные религии и говорящих на разных языках. В этом смысле мультикультурализм — порождение эпохи глобализации. Только в эпоху глобализации возникает такая необходимость быть вместе, в едином коммуникативном пространстве разным национально-культурным и религиозно-культурным общностям. Конечно, при очень широком и нестрогом понимании мультикультурализма его можно найти на всех этапах истории, имея в виду, что межкультурные контакты взаимодействия были всегда. Ведь даже, как гласит предание, один из семи греческих мудрецов был скифом, но это были все-таки отдельные и эпизодические факты. Нормой была культурная изолированность. Нормой было не то, что скиф оказался среди греческих мудрецов, а то, что его за это на родине казнили. Мультикультурализм как новая форма общежития, как норма, как повседневность — это порождение и вызов эпохи глобализации.

Луков В. В этом смысле это, скорее, общая вывеска для самых разных процессов.

Гусейнов А. Чтобы вычленить мультикультурализм в его современном, специфичном именно для нашего времени содержании, надо, на мой взгляд, как минимум различать ситуации, когда:

а) в инокультурной (иноязычной) среде оказываются отдельные индивиды (типичный случай — студенты, обучающиеся за рубежом);

б) в инокультурной (иноязычной) среде оказываются отдельные культурные анклав (типичный случай — социологически и социально значимые группы иностранных рабочих в странах Запада);

в) сама деятельность, функционирование того или иного института могут протекать только как совместное дело людей, представляющих разные культуры (типичные случаи — международные организации типа ООН, международные аэропорты, туристические центры, экспедиции, транснациональные компании и т.д.).

Из перечисленных ситуаций только третья является ситуацией мультикультурализма в чистом виде. Что касается первой ситуации, то она не создает серьезных проблем и разрешается через ассимиляцию, возможные коллизии на пути к которой снимаются через обязательные для всех нормы общественного приличия и взаимоуважительности. Вторая ситуация является исключительно противоречивой и чреватой глубокими конфликтами. Её

нельзя назвать мультикультурной. Она такова по случаю, а не в силу логики развития самой культуры. Именно эта ситуация имеется в виду, когда речь идет о крахе политики мультикультурализма.

Может ли европейская культура нивелировать незападные культуры?

Гуревич П. Мы постоянно подчеркиваем, что различия позволяют нам добраться до подлинного смысла, до сокровенной сути той или иной культуры. Однако до сих пор не проанализирован феномен так называемой иллюзорной идентичности. Между тем нам все чаще приходится иметь дело именно с этой реальностью. В 2005 году отечественный философ К.С.Шаров провел интересное исследование, в котором рассмотрел основные закономерности интеграции музыки и национализма. Выводы его казались абсолютно парадоксальными. Он показал, что многие народности, даже древние, такие, как, например, евреи, персы, арабы, македоняне, римляне, китайцы и некоторые другие, формировались под действием этноцентризма — преднационального национализма, а не существовали вечно. Очень часто националисты-этноцентристы использовали для своих целей искусственные приемы формирования, «воображения» этнических групп.

Луков В. Выяснилось, что в истории искусства, к примеру, важна не только та интерпретация произведения, которую имел в виду автор, его родственники или его современники. Гораздо значимее оценка последующих поколений. Ведь они могут снабдить сочинение каким угодно смыслом. Нередко это вступает в противоречие с авторским убеждением и его творческим намерением. С.К.Шаров показывает, что одним из стойких механизмов создания национальных сообществ является музыка. Отметим: не экономика, не история, не культура, а именно музыка, причем чаще всего в ситуации ее модернизации.

Гуревич П. Оказывается, музыка является одновременно непосредственным орудием национализма, средством изобретения несуществующих национальных черт и инструментом генезиса самих национальностей. Что касается отдельных особенностей нации, то это, видимо, вполне реально и очевидно. Но ведь речь идет даже о возникновении национальностей. В ситуации, когда род или племя превращались в народности, такую цементирующую роль играл миф. Музыка же помогала становлению государства, в том числе и квазиэтнического. При формировании нации, ее конструировании ценность музыки выявлялась весьма убедительно. Более того, когда той или иной нации угрожала опасность расшатывания или распада, музыка опять-таки выполняла серьезную защитную роль.

Луков В. Да, для активизации этнического воображения, понятное дело, используется не только музыка. Ф.Шлегель, к примеру, указывал на роль александрийской поэзии в консолидации эллинского духа. Он же подчеркивал, что при всем своеобразии и различии отдельных наций европейская система народов обнаруживает во многих следах, сохранившихся от прежних эпох, одинаковое и общее происхождение своей культуры благодаря явно сходному духу языков, законов, обычаев и установлений. Характеризуя становление национального государства в Германии, В. Виндельбанд ссылается на общность нравственного чувства. Он пишет: «Эта идея национальности

была обоснована и прочувствована нравственно так глубоко, что не имела ни малейшего отношения к потребностям национального эгоизма, к удовлетворению желания власти и честолюбия, а, наоборот, основывалась существенным образом на этическом чувстве долга и гуманности и оставалась заключенной в ней».

Гуревич П. Возможно, немецкий философ склонен к излишней идеализации при анализе культурной идентификации? Исследователи показывают, что в роли основного механизма, который позволяет ощущать некое воображаемое единство, нередко оказывается не только знак или символ, но даже симулякр. Тот же Жан Бодрийяр уделяет значительное внимание разграничению понятий «знака», «символа» и «симулякра».

Луков В. Признаком, который позволяет дифференцировать данные слова, оказывается, мне кажется, отношение к предметности. Знак всегда предметен и отсылает к предметности. Символ предметен, но отсылает не к предметности. Симулякр вообще разрывает связь знака и предметности.

Гуревич П. Это означает, что консолидация нации нередко возникает на основе симулякра, который не имеет никакой связи ни с исторической реальностью, ни с подлинной этнической (национальной) культурой. Но, тем не менее, получает статус «традиции». Хорошо известна, например, история с оперой французского композитора Д.Обера «Немой из Португи». (Об этой истории писал Р.Вагнер.) Когда Обер создавал свою оперу в 1828 году, он и помыслить не мог, что ее публичная постановка в Брюсселе через два года спровоцирует массовый взрыв страстей. В результате началась революция фламандцев и валлонцев против нидерландского короля Вильгельма I. Такое обнаружение антиголландского национализма привело к образованию независимого государства, а также к формированию объединенной бельгийской нации.

Можно привести и другие примеры из работ К.С.Шарова. Подобным образом Джузеппе Верди сочинил «Аттилу» и «Набукко» как символы свободы, желанной для итальянского народа. Но он не мог предвидеть, что его произведения станут фундаментом для итальянского национализма. Музыка семьи Штраусов, полностью лишенная какого бы то ни было националистического подтекста, интерпретировалась итальянскими и венгерскими националистическими лидерами, такими, как Франческо Криспи, премьер-министром Италии, или Дьюлой Андраши, премьер-министром Венгрии, в качестве исключительно националистической. Это диктовалось предельным прагматизмом — внутри националистического государства обнаруживалась потребность в сплотке.

Луков В. Самым ярким примером может быть творчество самого Вагнера: в нем, несомненно, присутствует определенный националистический аспект, имевший целью создать сплоченную немецкую нацию, но идеологи нацизма проинтерпретировали его творчество в духе исключительного радикализма, антисемитизма, шовинизма, что вызывало у самого Вагнера стойкое неприятие. Даже сегодня многие североамериканские племена прекращают вражду и достигают состояния временного мира с помощью ритмов шаманов.

Гуревич П. Итак, причины неустойчивости социокультурных картин мира кроются в неспособности людей идентифицировать себя со своей культурой, в

неумении включиться в выработанную человечеством систему ценностей, элементарным отсутствием навыков и знаний относительно их действий в социуме, необходимых для удовлетворения новых потребностей, желаний, стремлений.

Луков В. Боже правый, в какие же это фантастические сроки европейский проект, глобализируя мир, смел вековые традиции, заветы мировых религий, непоколебимые святыни. Мир поражен цепочкой социальных потрясений на Ближнем Востоке. В Индии ценность данной земной жизни неотвратимо отступает перед соблазном последующих реинкарнаций. Человечество поспешно расписалось под фразой Хлестакова: «Для того и живем, чтобы срывать цветы удовольствия».

Гусейнов А. Давайте вчитаемся в наделавшие столько шума слова Ангелы Меркель (цитирую из газетной публикации): «В начале 1980-х наша страна пригласила иностранных рабочих, и сейчас они здесь живут. Некоторое время мы сами себя обманывали и говорили: «Они у нас не останутся и когда-нибудь уедут», — но этого не произошло. Конечно же, наш подход состоял в мультикультурализме, в том, что мы будем жить рядом и ценить друг друга — но он провалился, совершенно провалился... Мы бы не хотели видеть тех, кто не говорит на немецком, поскольку в этом случае мигранты не смогут стать полноценными участниками рынка труда».

Слова эти, конечно, не ангельские, но в своём простодушии очень ценные. Госпожа Меркель сказала, что Германия пригласила иностранных рабочих, которые не могли (из-за нехватки рабочих рук) или не хотели (по причине низкой оплачиваемости или непрестижности) выполнять немцы. Им изначально предназначалась второсортная роль в обществе. Предполагалось, что они со временем уедут, а если нет, то возможные в связи с их пребыванием коллизии могут быть сняты в рамках норм общественного приличия и взаимоуважительности межличностных отношений. В действительности же оказалось иначе: мигранты не уехали, они не хотят становиться немцами, а хотят оставаться самими собой и, самое главное, они не желают довольствоваться своим второсортным статусом. Немцы не готовы их принять в таком качестве, ибо это противоречит законам рынка труда. В данном случае провалилась не политика мультикультурализма, а попытка средствами культуры решить (снять, прикрыть) социально-экономические проблемы.

Сама ситуация культурного плюрализма в развитых странах, связанная с мигрантами — не следствие или форма развития процессов в сфере культуры, она сложилась в результате социально-экономического развития в мире. Строго говоря, она, по сути дела, типологически очень похожа на то, что происходило в своё время в США в связи с массовым завозом рабской рабочей силы.

Луков В. Рабство, феодальная сословность — цивилизованные приметы нынешнего европейского уклада жизни.

Гусейнов А. Духовная культура не является дополнением к экономическим и социальным процессам. Она представляет собой самостоятельный и самоценный аспект человеческого существования. На мой взгляд, политика мультикультурализма была объявлена провалившейся в тот самый момент, когда она только могла начаться. Это лишь означает, что западноевропейское

общество не готово к мультикультурализму, что сама поликультурная ситуация, связанная с мигрантами, возникла внутри этих обществ вопреки их витальным стремлениям подобно тому, как возникает раковая опухоль в теле.

Мигрантов упрекают в том, что они пытаются навязать европейцам свои культурные представления: ходят в платках, тюрбанах, строят минареты, танцуют лезгинку на улицах и т.п. В действительности, мигрантов можно упрекнуть в том, что им недостает сознания своей самобытности, что они слишком европеизировались. Ведь мигранты приезжают в развитые страны не только за куском хлеба и жизненным комфортом. Их тянут туда также демократические ценности, идеи прав человека, диалога культур. И когда они принимают эти ценности и идеи всерьёз, в качестве норм жизни, когда они начинают ставить себя на одну доску с «титульными» гражданами, начинают вести себя как равнодостоинные им, тогда-то все проблемы и начинаются. Тогда-то им говорят, что они лезут в чужой монастырь со своим уставом.

Легко понять удивление, недоумение демократически, либерально мыслящих мигрантов, столкнувшихся с тем, что европейцы, которые так много говорят о многообразии и диалоге культур, об отношении к другому именно как к другому, о толерантности, что именно эти же европейцы оказываются нетерпимы к их культурным отличиям, а на самом деле в большей степени готовы из-за этих отличий изгнать их, чем понять, признать, сотрудничать. Мигранты в самом деле могут не понимать, почему взор европейцев останавливается на отличиях, но не видит скрывающегося за ними идейного человеческого родства. Суть дела в значительной степени заключается в том, что европейцы не доросли до самих себя, в мыслях, идеях они переросли свою повседневность. В советское время был такой анекдот из серии грузинских: Маркс сказал: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», но он же не говорил, чтобы они все соединялись в Тбилиси. Так и сегодняшние европейцы. Они за мультикультурализм в мире как идею, но не за мультикультурализм сегодня и у себя дома. И эту позицию в целом можно понять. Мультикультурализм должен складываться, а не быть навязанным или вброшенным рыночной стихией, политическими катаклизмами и т.п.

Почему национальные проблемы приобретают в России особую остроту?

Луков В. Среди российских исследователей интерес к феномену мультикультурализма был стимулирован событиями 90-х годов. Я говорю о всплеске этнического самосознания, который заметно поколебал монолит советской идентичности. Мультикультурализм — это не только момент фиксации и признания в обществе/государстве наличия культурных различий, но и «концептуальная позиция в сфере политической философии и этики». Она находит свое выражение в правовых нормах, общественных институтах, повседневной жизни людей. В России, по мнению отечественного этнополитолога В.А.Тишкова, мультикультурализм очень напоминает австралийский, где разделение на этнокультурные группы прослеживается достаточно четко, и большее значение отводится межэтническим отношениям в рамках конкрет-

ного государства, а не противостоянию общей идентичности с идентичностями меньшинств, как это происходит в США.

Гуревич П. Принятие мультикультурной интеграционной модели государством означает, что оно открыто для иноэтничных мигрантов и несет ответственность за создание условий для их интеграции. Однако в России, в силу полиэтничности собственного населения, правительство вынуждено думать не только о мигрантах, но и о тех народах, которые давно проживают на территории страны. Перед Россией, считают эксперты, стоят те же задачи, что и перед США в 1960-е годы, Австралией — в 1970-е, Канадой — в 1970–1980-е, а именно: интеграция этнически и культурно отличающихся народов, формирование массовых представлений о российской идентичности, консолидация этнически разнообразного населения вокруг общих ценностей и целей. На то, что эти задачи актуальны для современной России, указывает стабильный рост этнофобий, направленных, в первую очередь, против представителей народов Кавказа, многие из которых являются гражданами страны.

Гусейнов А. Мультикультурализм в России и для России — это вопрос её способности стать современной и в этом качестве остаться исторически значимой величиной в мире. Речь идёт вовсе не о том, чтобы заимствовать чей-то успешный в этом отношении опыт, если таковой вообще существует. Во всяком случае, в Западной Европе мы его для себя не найдём. Задача, как я её вижу, является более ответственной — выработать свою модель мультикультурализма. Похоже, что наше общество ещё не осознало этот вызов XXI века. Более того, существуют признаки, что мы идём в прямо противоположном направлении.

Луков В. Какие признаки?

Гусейнов А. Укажу только на некоторые из них. Демократическая Россия идёт по сугубо европейскому пути формирования национального государства. Это, по-видимому, и неизбежно, имея в виду объективные тенденции, и хорошо. Плохо то, что мы при этом повторяем Западную Европу, подражаем ей. Однако одно дело национальное государство, которое преодолевает феодально-сословную организацию общества, выходит из его полуобразованного состояния, формируясь одновременно со становлением единой национальной экономики, вынуждено закрепиться в мире, где решающим аргументом является сила. Логика его становления состояла в том, что по всем линиям многообразия трансформировалось в единство. И совсем другое дело — сегодняшняя Россия с её многовековой историей самостоятельного государства, столетием постфеодального развития, с образованнейшим народом, да к тому же в глобализирующемся мире, где единство реализует себя в многообразии и через многообразие.

Луков В. Вы говорили о ценности российского опыта мультикультурализма.

Гусейнов А. Когда мы говорим об исторических примерах, которые воплощают опыт мультикультурализма или могут быть сопоставимы с ним, рассматриваются в качестве его прообразов, более уместно обратиться к примеру российской государственности. Огромные российские пространства являются исключительно богатыми, разнообразными в культурном, религиозном, этническом отношении. Российское государство сохранило это разнообразие.

В рамках советской идеологии царскую Россию именовали тюрьмой народов. Известный литератор, философ и историк В.В. Кожин на это заметил как-то, что он согласен принять такую формулу, если её дополнить утверждением, что Западная Европа явилась кладбищем народов.

Луков В. На кладбище каждая могильная плита имеет право на своеобразие.

Гусейнов А. С точки зрения перспектив мультикультурализма огромный интерес представляет советский опыт решения национального вопроса, который не был, конечно, лишен многих дефектов и трагических страниц, но, тем не менее, в целом, являл собой величайшее историческое достижение. Например, очень высокой была советская культура публичного обсуждения национальных проблем. Однако акцентированно нигилистическое отношение к советской эпохе мешает полнее использовать накопленный в те годы ценный опыт межнациональных отношений и конституционной организации общественной жизни. Это историческое ослепление доходит до такой степени, что пытаются даже поставить под сомнение федеративный статус государства.

Наконец, ещё один и самый показательный индикатор неадекватного, извращенного ответа на современные вызовы — это нарастающая ксенофобия. Ксенофобия без всякого преувеличения является раковой опухолью нашего общественного организма. Она, на мой взгляд, ещё более опасна, чем попытки всеобщей конфессионализации населения. Ксенофобия имеет много разных причин и оснований: невежество, темные инстинкты, сознательная манипуляция, политический авантюризм, диверсии недругов России и т.д. и т.п. Но ни одна из них, ни все вместе не могут быть её оправданием. Ксенофобия — не то, что надо понимать, изучать. Её надо искоренять. И изучать только под углом зрения её искоренения и в той степени, в какой это необходимо для её искоренения. Надо исходить из того, что ксенофобия является пережитком, современным рецидивом каннибализма. Пока такого понимания, к сожалению, нет ни во властных кругах, ни в интеллектуальных. Удивляет, что даже передовые, лучшие умы России не видят масштаба бедствия.

Гуревич П. В ходе обсуждения возникли, мне кажется, некоторые интересные идеи. Салам Керимович убедительно показал, что российский и советский опыт совместного бытия народов обладает несомненной ценностью. Нет нужды копировать чужую практику в стране особых традиций, особой политической культуры. В современной философии выявился обостренный интерес к культуре как фактору социального развития. Исследователи все чаще приходят к убеждению, что именно духовные черты, социокультурные признаки конкретного общества или даже целого региона, например, Европы, накладывают отпечаток на социально-историческую динамику. Вот почему многие теоретики связывают судьбы мира с философским постижением духа культуры того или иного народа.

Европейские политики, как и представители нашей власти, все-таки считают, что все социальные проблемы решаются в рамках социально-экономического развития. Однако логика культуры иная, и мы старались это показать. Народы мира, которые делают вид, будто ведут западный образ жизни, никогда до конца его не принимают и втайне презирают его. Они остаются эксцентричными по отношению к этой системе ценностей. Но при этом такие

народы оказываются более фанатичными поклонниками Запада. Когда они ведут переговоры с Европой, то вступают с ней в сделку, продолжая считать собственные ритуалы основополагающими. Может быть, однажды они исчезнут, как и алакалуфы, так и не приняв белых всерьез. Возможно, когда-нибудь растворятся и белые, так и не поняв, что их белизна — результат шокирующего сближения и смешения всех рас и всех культур. Ведь белый цвет представляет амальгаму всех цветов. Сравнение различных этносов возможно, если прибегнуть к структурной шкале различий. Ведь только для западной культуры все прочие несут в себе различие.

Что же касается других культур, то белые для них не являют никаких различий. Они просто-напросто не существуют. Они — призраки из другого мира. Многие этносы не уважают западную культуру и не испытывают к ней ничего, кроме снисхождения. Если европейцы завоевали себе право поработать и эксплуатировать других, то те, в свою очередь, позволяют себе мистифицировать людей Запада. По справедливому замечанию Бодрийяра, ни одна культура не может требовать абсолютной универсализации или предельного культа различий.

Сегодня на философском рынке масса кошмарных сюжетов. Говорят о том, что русские разбредутся по всему миру, а Европа станет мусульманской. В этих условиях нужна серьезная теоретическая проработка реальных проблем России. После выступления А. Меркель наш президент сказал, что крах мультикультурализма не относится к нашей стране. Хотелось бы, что власть располагала не декларациями, а продуманными решениями острых социальных проблем, к числу которых, несомненно, относится этническая политика.

Может ли культурное воздействие одной страны на другую внести ощутимые перемены в исторический процесс? Каковы последствия духовной экспансии «активной» цивилизации для менее «динамичного» региона? Стираются ли в процессе социальной динамики культурно-цивилизационные признаки народов и эпох или, напротив, они обнаруживают стойкость, внутреннюю непроницаемость под напором чужеродных влияний?

Обсуждение этих вопросов в Европе имеет давние традиции. Но сегодня они обрели особую актуальность. В обосновании тех или иных культурных программ, естественно, прослеживаются специфические, нередко противостоящие друг другу теории культуры и культурного процесса.

ПУБЛИКАЦИИ

Геннадий БОЧАРОВ

НЕБО. ПОГОДА. БЕЗОПАСНОСТЬ

Число авиационных событий указывает на то, что проблема эта давно системная. Только за последние годы в России и странах СНГ произошло 78 авиационных происшествий и тяжелых катастроф. Каждая из них, так или иначе, связана с недооценкой летным и диспетчерским составом гражданской авиации метеоусловий, пренебрежением мировым и недавним отечественным опытом, полетной практикой лучших российских авиаторов.

Как член Правления партнерства «Безопасность полетов» я неоднократно выступал в печати с анализом наиболее существенных составляющих авиации. Затронул недавно и одну из наиболее чувствительных тем — ту, которая десятилетиями находилась в тени, — авиационной метеорологии. Заметки на этот счет, опубликованные в «Российской газете», вызвали самый живой отклик не только профессиональных авиаторов, но и обычных читателей. Это и сподвигло меня на данную публикацию в журнале.

В основу материала положены суждения генерального директора Федерального государственного учреждения «Авиаметтелеком», главы экспертной группы в Комиссии по авиационной метеорологии Всемирной метеорологической организации (ВМО) Марины Петровой.

А начну с конкретного примера.

Ан-24 заходил на посадку в аэропорту Игарки. Получив очередное подтверждение аэродромного метеоролога о сложных погодных условиях, авиадиспетчер передал информацию на борт самолета. Условия были значительно хуже «метеорологического минимума». Подобная норма устанавливается для каждого типа самолета, экипажа и аэродрома.

До «высоты принятия решения» — уходит на второй круг или продолжать снижение — у командира Ан оставались считанные минуты. Ни один из членов экипажа при этом не имел визуального контакта с огнями приближения и огнями взлетно-посадочной полосы. Постоянная информация об ухудшающейся видимости не меняла характера полета. Было очевидно: командир экипажа, имеющий право на принятие окончательного решения, уже принял его. Самолет пересек черту установленного минимума высоты. И вскоре потерял даже теоретическую возможность ухода на второй круг. В течение последних секунд, сломав во мгле верхушки нескольких деревьев, Ан с оглушительным грохотом рухнул на землю.

Смоленская трагедия Ту-154 с президентом Польши на борту только по масштабам и планетарному политическому резонансу отличалась от трагедии в маленькой Игарке. А суть та же: полное игнорирование «метеорологического фактора». «Метеоминимум» — это всегда последнее предупреждение, посылаемое с земли. А информация «хуже минимума» — последний тест на здравомыслие и ответственность тех, кто находится за штурвалом.

Основной задачей ФГУ «Авиаметтелеком», возглавляемого Мариной Викторовной Петровой, является создание и поддержание устойчивой системы авиаметеорологического обеспечения гражданской и экспериментальной авиации. Эту работу выполняют три тысячи специалистов центрального аппарата, пятнадцать территориальных агентств и одиннадцать филиалов Росгидромета. Масштабы впечатляющи: около 300 000 прогнозов по аэродромам за год; обслуживание более 410 000 самолето-вылетов; 1 900 000 сводок о фактическом состоянии погоды.

Авиационный прогноз выдается через каждый час. А при сложных ситуациях — каждые пятнадцать минут. Это касается всех стран мира. Авиационные метеорологи должны спрогнозировать вероятность опасных явлений задолго до их возникновения. И не только в районе аэродрома. На пути самолета — тоже. Должны определить характер облачности, скорость и направление ветра на разных высотах. Атмосферное давление. Определить вертикальную и горизонтальную видимость. Интенсивность вероятных осадков. Координаты грозовых фронтов. Низкую кромку облачности. И так далее. В атмосфере земли немало еще такого, что пока не поддается никакому прогнозированию. Например, опаснейший для самолета боковой сдвиг ветра. Один из недавних трагических примеров: катастрофа пассажирского «Боинга-737» под Бишкеком. Другой пример: сверхгигантское конвективное возмущение. По мнению большинства экспертов, именно это явление погубило сравнительно недавно А-320 «Эр Франс» над Атлантическим океаном. Самолет следовал из Бразилии в Европу.

В сущности, метеорология — информационная отрасль. Ее инструмент, информационный носитель — цифра. «Продукция» «Авиаметтелекома» адресуется пользователям — руководителям полетов, авиадиспетчерам, экипажам воздушных судов — в виде цифровых или количественных критериев. В этом направлении осуществляется технологическая модернизация отрасли. Деятельность метеорологов не должна отставать от стремительно меняющегося авиационного мира.

Сегодня появляются целые пласты новейших видов и способов прогнозирования. Внедряются новые дистанционные средства измерения, наблюдения, изучения тех или иных атмосферных явлений. Новые технологии, конечно, появляются быстрее, чем их внедрение. Не все готовы к работе в новых условиях, по новым стандартам, особенно в отдаленных районах страны. Но жизнь заставит.

Еще один конкретный пример.

До самарского аэропорта Курумоч оставалось чуть больше 20 км. «Земля» сообщила экипажу «Ту-134А», что погода в районе аэропорта ухудшается. Вскоре диспетчер передал информацию метеоролога: дальность видимости на полосе 800 метров. Это было еще терпимо: 800 метров вписывались в метеоминимум.

При пролете ближнего привода самолет находился строго на курсе и на глиссаде. Наблюдавший за фактической погодой синоптик о ее дальнейшем ухудшении не сообщил. Редчайший сбой в службе синоптиков. А диспетчер и руководитель полетов не запросили. Экипаж Ту продолжал ориентироваться на прежние данные: видимость 800 метров. Самолет продолжал снижение. При этом допустил существенное увеличение вертикальной скорости.

Шасси было выпущено, механизация крыла приведена в посадочное положение. При пролете ВПРМ видимость еще больше ухудшилась. Установить визуальный контакт с наземными световыми ориентирами не удавалось. Не получив никакой дополнительной метеорологической информации от авиадиспетчера, командир экипажа — чрезвычайно редкий, опять же, разумный случай — принял решение срочно уходить на второй круг. Он вывел РУДы двигателей на взлетный режим и дал команду экипажу: «Уходим!»

Поздно. В следующую секунду Ту столкнулся с землей и раскололся на части.

Трагедия явила собой пример поразительной разбалансированности всей аэродромной системы, нарушения мыслимых и немыслимых правил. Место катастрофы обнаружило полнейшее несоответствие информации авиадиспетчера, которую он с недопустимыми интервалами во времени передавал на борт. Ту рухнул на удалении 305 метров от торца полосы. И правее от ее оси на 100 метров. Дальность видимости на ВПП оказалась не 800, а... 200 метров. Незадолго до катастрофы о сложной синоптической ситуации руководитель полетов и диспетчерский состав были заранее оповещены дежурным синоптиком. Это накладывало на них обязанность повысить требовательность к метеорологической информации, вообще к метеообстановке на аэродроме. В реальности обстояло наоборот: диспетчер даже не поинтересовался у техника-метеоролога (наблюдателя) данными о высоте нижней границы облачности. Передавать экипажу было, в сущности, нечего.

Выводы из этого ЧП были сделаны чрезвычайно суровые. Потребовались даже нормативные новшества. Но выводы делаются всегда. Не всегда им следуют.

Над нашей планетой летает огромное количество спутников. Геостационарных, полярно-орбитальных и других. Каждый выполняет свое назначение. Есть и специальные метеорологические спутники. Их наличие имеет огромное значение. Особенно сейчас, когда взрывное развитие получили кросс-полярные трассы, сверхдальние полеты. Мир, конечно, уже давно опутан метеорологическими станциями, пунктами, точками. Но все равно — мало.

Особую проблему представляют огромные, малонаселенные, а то и вовсе безлюдные, территории. Никто не будет там создавать наземные станции. Но самолеты ведь над ними уже летают! И каждый из них требует обслуживания по всей протяженности трассы. Вот почему необходимо и дальше развивать систему спутниковых наблюдений. Это и есть компенсация отсутствия или недостатка наземных станций в «пустых» регионах.

Дистанционное наблюдение резко повышает результативность работы, ее эффективность. Есть режим визуальный. Есть инфракрасный. Это позволяет

делать комплексные карты. Позволяет производить вертикальный и горизонтальный разрезы облачности, делать наложение и уже в сочетании с принятыми видами информации (плюс данные гидродинамического моделирования), получать базу, из которой вытягиваются новые и новые виды информации. На тех же спутниковых данных совместно с НИЦ «Планета» производятся эксперименты с новым «продуктом» — информацией, которая указывает наличие опасных воздушных зон, куда нежелательно летать. Информация об этих местах сообщается диспетчерам московского центра УВД. В будущем она будет направляться и в другие центры страны. В ближайшее время появятся укрупненные центры в Хабаровске, Иркутске, Новосибирске, Самаре и других городах... Идеал — создание репрезентативной сети...

И, наконец, третий пример.

Ту-204-100 совершал ночную посадку в аэропорту Домодедово. Информационная цепочка аэродромных служб работала слаженно. Но крайне напряженно. Причиной напряженности была метеообстановка. Вскоре обмен данными между техником-метеорологом (наблюдателем), диспетчером и руководителем полетов свел мнения к единому: посадка Ту крайне опасна. Обстановка на глазах ухудшалась. Метеоролог дал заключение: погода «ниже метеорологического минимума». Заключение было четким, как приговор.

Диспетчер передал информацию на борт. Экипаж информацию принял. Но проигнорировал. Самолет продолжал снижение. Метеоролог забил настоящую тревогу. Диспетчер вновь и вновь связывался с командиром Ту: видимость недопустимо низкая.

Но у командира экипажа было свое мнение. Как и свое право на решение — повторим это еще раз! — идти во мгле в ручном полете на крайний риск или уходить вверх, на второй круг. Ни одного визуального контакта при этом со световыми ориентирами на земле у экипажа не было. А командир был уверен в себе. Знал: полоса никуда не денется. Она всегда на месте. А метеоролог — паникер.

Безрассудное снижение продолжалось. В какой-то момент контроль над полетом был утерян, и многотонная ревущая машина стала рубить верхушки деревьев. Еще несколько секунд, и разваливающийся на части Ту-204-100 столкнулся в землей — удача редко венчает маниакальную самоуверенность. Зато гибель — почти всегда.

Еще недавно никто не думал, что пепел Северной Европы достигнет полярного Урала. Или прибрежной части Заполярья. Бытовало мнение, что подобная опасность российской авиации не угрожает. Но исландское извержение достигло и нас. Когда это произошло, были обнаружены следы пепла по «моделям переноса». То есть по расчетным данным. А вскоре экипажи российских самолетов стали отмечать следы вулканической деятельности в полетах. Обнаружили свечение, несвойственное обычному виду атмосферы.

Россия запросила карты службы слежения за вулканами из ИКАО. Получили. Удивительные вещи. Потенциально опасный район, авиация которого может пострадать от пепла, закреплен, например, за Тулузой. Другой — за Лондоном. Третий — за Токио. А вот этот — за Анкориджем, Аляской. Ну, а гигантская заполярная территория Россия за кем? Ни за кем. Как же можно

прогнозировать? Как в критических обстоятельствах можно обезопасить полеты по этим маршрутам?

Проблема решаема, но нет полномочий, выдаваемых ИКАО.

Петрова организовала активные консультации в самых разных научных центрах, в НИИ. Ее эксперты провели ряд встреч с крупными учеными, проанализировали мировой опыт, и вскоре аргументированный документ был в достаточной мере готов. В достаточной, чтобы заявить о практических шагах по его реализации. С результатами этой работы были ознакомлены как эксперты ИКАО, так и Комиссия по авиационной метеорологии Всемирной метеорологической организации (КАМ ВМО). Реакция на представленные документы, а точнее — русский проект, оказалась исключительно положительной. Было высказано даже мнение: «Это — лучший проект. Его следует как можно быстрее реализовать».

Проект предполагает обеспечение наблюдением всего Заполярья, а также создание в Москве Консультационного центра. И многое другое. Росавиация — «за».

Параллельно с этой, по сути, новой проблемой все громче заявляет о себе проблема участившихся аномальных атмосферных явлений, ураганов, штормовых ветров по трассам. Эти опаснейшие для самолетов явления требуют тесной координации органов метеорологического наблюдения. Сейчас готовятся документы для Росавиации. Их суть: создание, как минимум, четырех консультативных центров в стране. Их задача: координация выпусков штормовых предупреждений по трассам полетов.

Марина Викторовна Петрова приводит многоговорящий факт: в мире почти нет примеров уже действующих систем, которые сейчас разрабатываются в России. Попытки — есть. Например, грамотно и эффективно работает Гонконг. Его центр обслуживает воздушное пространство сопредельных государств: Вьетнама, Камбоджи, Ньянмы. Россия могла бы сделать это не только для себя — что при её территории совершенно необходимо, но и на основе межгосударственных соглашений в пределах СНГ.

Павел ХОЛОДЕН

ИНФОРМАЦИОННАЯ «ГЛОБАЛЬНОСТЬ» СТУЧИТСЯ В ДВЕРЬ

Обычный день современного человека начинается с получения информации: он включает радио или телевизор, открывает газету, а в последнее время он все чаще заглядывает в Интернет, чтобы получить наиболее объективную и всестороннюю картину жизни, причем в любом аспекте — политическом, экономическом, культурном и т.д. и т.п. Многие и не заметили, как буквально за последнее десятилетие мир глобализовался, и речь идет вовсе не о политической глобализации, о которой так много говорят и пишут, а о глобализации именно информационной, которая дает каждому человеку возможность чувствовать свою сопричастность ко всему, что творится в этом «лучшем из миров».

Вот уже десять лет наш Институт издает журнал академического направления, рассчитанный на подготовленного читателя, специализирующего на глубоком изучении мировых политических, экономических и общественных процессов. У журнала давно сложился свой круг читателей, заинтересованных в получении разносторонних, в том числе противоположных точек зрения по различным аспектам политической жизни. На первый взгляд — довольно «скучный» журнал с точки зрения неподготовленного читателя.

Но недавно я решил посмотреть, как часто на сайт нашего журнала заходят посетители — и, честно говоря, был удивлен. Оказалось, что только за полтора месяца на сайт обратилось почти 7 тысяч человек, которые почерпнули нужную им информацию из практически всех выпусков нашего журнала за десять лет. Но особенно поразила география посещений: оказалось, что интерес к журналу проявляют не только россияне, но и граждане еще 59 стран. И среди них жители таких стран, как Белоруссия, Азербайджан или США, читатели из Ирана, Шри-Ланки, Израиля, Турции, Грузии, Германии и Армении. Особенно порадовал интерес к сайту со стороны граждан Бразилии, Малайзии, ОАЭ, Аргентины и многих других государств.

Что уж говорить о России: журнал читают практически везде — от Москвы до Магадана, от Калининграда до Владивостока, от Петербурга до самых южных и самых северных городов нашей Родины. Пытаясь осмыслить эту информацию, невольно приходишь к выводу, что мир за последнее десятилетие радикально изменился, что даже в маленьких городах и странах возник и укрепился спрос на независимую информацию, что людям интересен весь

спектр мнений по тому или иному вопросу, на основе которых они могли бы прийти к собственным оценкам и выводам. Короче говоря, мир буквально с головой окунулся в эту информационную глобальность, с помощью компьютеров, спутниковых систем, сетей передачи данных мир постепенно превращается в гигантскую единую информационную систему.

Ведь еще двадцать лет назад Интернет почти всюду был экзотикой. Сегодня почти 30% обитателей планеты, больше 2 млрд человек, имеют к нему доступ. Семь лет назад о социальных сетях мало кто знал. Сейчас только у Facebook 600 млн пользователей — почти десятая доля жителей Земли. Богатые страны интернетизированы, можно сказать, поголовно, но и не самые богатые быстро наверстывают отставание. Уже сейчас первое место в мире по числу интернет-пользователей занимает Китай (около 400 млн, или 30% населения), четвертое — Бразилия (40% населения), пятое — Индия (6–7% населения).

В России Интернет сейчас доступен каждому третьему (а в столицах уже почти двум третям), причем 32 млн человек (больше 20% жителей страны) пользуются им ежедневно — это втрое больше, чем каких-то два года назад. Последствия этого переворота еще не так ясны, но сам-то переворот уже произошел.

Естественно, эксперты всего мира принялись изучать новую реальность. Мнения, как всегда, разделились. Одни высказывают серьезную озабоченность этим процессом. Они искренне считают, что «процесс глобализации необоснованно понимается многими исследователями как естественный и закономерный фактор развития общества». Они утверждают, что «по существу — это идеология и практика мировой финансовой элиты; главным вопросом глобализации является вопрос о власти. Ни о каком сохранении самостоятельности, самобытности, права на самоопределение речи не идет».

Другие наблюдатели широко приветствуют новую реальность и связывают с ней надежды на перемены к лучшему. По их оценкам, основные побудительные мотивы к расширению мировой информационной глобализации лежат в повышении эффективности в самых разных областях — от продовольственной безопасности до более действенных логистических цепочек.

Западные эксперты отмечают, что повсеместное распространение вычислительных технологий вызвано, в том числе, широким распространением маркирования и выстраиванием сетей обыденных предметов, таких, как упаковки продуктов питания, мебель, комнатные датчики и бумажные документы. Эти предметы будут обнаруживаться, идентифицироваться, отслеживаться, и ими можно будет дистанционно управлять с помощью высокоэффективных технологий, включая технологии радиочастотной идентификации, приборов обнаружения, крохотных встроенных серверов и энергокомбайнов (коллекторов), связанных между собой посредством Интернета следующего поколения с использованием обильной, дешевой и мощной вычислительной техники.

Эти технологии способны резко увеличить эффективность в разных областях и привести к интеграции замкнутых обществ в информационный век. Они также позволят следить практически за всеми объектами в целях обеспечения безопасности. Логистические цепочки упорядочат многие процессы и

дадут значительную экономию, а также повысят эффективность, которая снизит зависимость от человеческого фактора. То есть они как бы оставляют за рамками политическую составляющую процесса.

Истина, как нам представляется, как всегда, отнюдь не посередине, она где-то там, высоко над схваткой, и поворачивается к людям разными своими сторонами. Легче всего это проследить по текущим событиям на Ближнем Востоке. Ясно, что этот регион недооценивали, считая, что все там будет идти по установившемуся и застывшему порядку. Оказалось, что это вовсе не так: появилось новое поколение — 60% населения стран региона моложе 25 лет, и они очень восприимчивы ко всему новому, в данном случае — к получению информации через Интернет.

С другой стороны, также ясно, что те страны, которые стоят у руля информационных процессов, а именно США и Западная Европа, использовали эту ситуацию что называется «по полной», чтобы развернуть объективные процессы в этих странах в выгодном им направлении.

Некоторые эксперты также полагают, что арабские протесты 2011 года стали предвестником всемирной коммуникационной революции. Пока нельзя утверждать, что именно Интернет — та среда, где организуется политическое действие, но отношения между народом и властью он изменил бесповоротно.

Каждый четвертый египтянин или тунисец — пользователь Интернета.

Каждый шестнадцатый — пользователь Facebook. Считается, что демонстранты, которые свергли засидевшихся правителей в этих странах, мобилизовались, сплотились и приступили к планомерным действиям именно с помощью социальных сетей.

Сами свергнутые диктаторы рассуждали, видимо, похожим образом, судя по сериям отключений Интернета и мобильной связи в том же Египте. Впрочем, похожие попытки интернет-мобилизаций в Сирии, Ливии или Иране возымели пока гораздо меньший эффект. Если режим сидит прочно или просто достаточно жесток и беспощаден, то волшебное действие Facebook резко ослабевает, как бы красочно промоутеры этой сети ни расписывали ее всемогущество.

В то же время иранские спецслужбы обвинили США в ведении кибер-войны против этого государства. По данным органов безопасности Ирана, «шпионские» сайты были замаскированы под интернет-ресурсы, ведущие правозащитную деятельность. На самом деле они подстрекали население к антиправительственным выступлениям и распространяли лживые новости и репортажи во время выборов президента страны. Кроме того, данные сайты обвиняются в распространении 70 млн копий созданной в США некоей программы, которая позволяет пользователям обходить интернет-фильтры и способствовать распространению тенденциозной информации.

В России ситуация также изменилась — генератором новостей все чаще становится Интернет. Одна из лучших тому иллюстраций — история автомобильных аварий последних лет. Нельзя сказать, что их количество резко выросло за последние годы. Но вот что резко выросло благодаря Интернету — это ставшее достоянием общественности количество свидетельств очевидцев; в результате недоверие к милиции превысило критическую черту.

Плотность информации в сети достигла такой степени, что изменилось самое главное: Интернет стал источником и организатором новостей. Причем не благодаря профессионалам, а благодаря очевидцам. Источником новостей в Интернете является не профессиональный журналист, а свидетель, жертва или автор расследования.

Некоторые наблюдатели даже полагают, что сегодня уже не нужны ни оппозиционные партии, ни подпольные ячейки, ни прямая поддержка из-за рубежа. Достаточно реального протестного потенциала, компьютера с доступом в сеть и мобильного. Причем ноутбук стал орудием не только пролетариата, прежде предпочитавшего булжники, но и более широких масс интеллигенции, среднего класса и даже сельчан. Интернет создал всем им условия для реализации прямой демократии и свободного распространения любой информации без какой-либо цензуры.

Сначала в киберпространстве, а потом и в геополитической реальности появилась сила, которая в прямом и переносном смысле не знает границ. Чем, собственно говоря, и объясняется распространение протестной энергии по принципу домино.

Например, в Египте в конце прошлого года по электронной почте распространялась двадцатishестистраничная инструкция, в которой была подробно описана тактика госпереворота. Что-то наподобие «декабрьских тезисов», к которым прилагались спутниковые фотографии и схемы дорог, описания стратегических объектов, подлежащих первоочередному штурму, а также практические наставления по захвату ключевых объектов.

Эти примеры опять-таки говорят об опасностях, кроющихся в развитии массовых коммуникаций. Но, с другой стороны, гораздо более активно стал работать фактор общественного контроля через Интернет. Блогосфера стала фактически приближаться к выполнению роли «четвертой власти». На основании сообщений и скандалов в сети власти стали принимать свои решения. Многие события и факты оказывается просто невозможным «обойти» вниманием, так как любой скандальный эпизод мгновенно становится предметом пристального разбирательства. Причем в Интернете огромна скорость распространения информации. Достаточно вспомнить лишь недавний эпизод, когда из-за скандалов с подделкой фотографий и показательных видео тушения пожаров было принято решение об обновлении руководства «Молодой гвардии».

Как отмечают политические комментаторы, в России сегодня, по сути, есть две реальные и массовые партии: «партия телевизора» и «партия Интернета». Первая в большинстве своем всегда голосует за власть. Вторая в массе своей, пусть и с разных, порой диаметрально противоположных позиций, относится к власти критически. И партия Интернета быстро растет. За 5 лет — с осени 2005 года по осень 2010 года — месячная аудитория Интернета, по данным фонда «Общественное мнение», выросла на 165% — до 46,5 млн человек, что составляет практически 40% взрослого населения страны. Число активных пользователей Интернета, заходящих в сеть хотя бы раз в сутки, увеличивается еще быстрее: за пять лет рост составил почти 370%.

Получается, что власти во всех странах мира за последние годы не стали ближе к народу, зато народ стал гораздо ближе к властям. Они теперь у него

на виду как никогда. Легкость пользования возможностями Интернета, помноженная на простоту изготовления и распространения аудио- и визуальных материалов, позволяют сегодня любому человеку узнать, увидеть и услышать о начальстве то, о чем он раньше побаивался даже спросить.

Подводя итог, можно резюмировать, что пока не доказано, станет ли мировой и отечественный Интернет той средой, в которой оформляется и организуется политическое действие. Анализ состоявшихся и провалившихся арабских революций свидетельствует, что их механизмы совсем не очевидны. Но абсолютно новую атмосферу в отношения правителей и подданных Интернет уже внес.

К информационной глобализации нельзя относиться как с позиций однозначной поддержки, так и тотального отрицания. Это многофакторный процесс. К нему, очень может быть, лучше вообще никак не относиться — это просто данность, и любые попытки повлиять на нее традиционными, главным образом запретительными, мерами приведет, как это не раз бывало в прошлом в отношении тех или технологических прорывов, лишь к негативным последствиям для инициаторов, но отнюдь не для процесса развития информационной глобализации.

Этот процесс хорош уже тем, что при сегодняшнем развитии технических средств свой вклад в него может внести буквально каждый. И очень важно, чтобы это поняли и активно включились в процесс, как это говаривали раньше, «все люди доброй воли». Ведь нам по-прежнему, как в старые добрые времена, «не дано предугадать, как наше слово отзовется». Остается только призвать всех пользователей Интернета и других средств массовой коммуникации действовать по завету классика русской литературы и «чувства добрые лирой пробуждать». Результат в эпоху информационной глобальности может оказаться потрясающим. А иначе плохо будет всем, но сами по себе современные средства массовой коммуникации будут здесь ни при чем.

Елена КОМЛЕВА

ЧЕРНОБЫЛЬСКО-ХИРОСИМО-ФУКУСИМСКИЙ ФЕНОМЕН, или ДУМАТЬ НАДО

Плодотворно при антропосоциальном анализе ядерной сферы отталкиваться от опыта Японии. Это довольно «накатанный» многочисленными исследователями путь (в основном, применительно к ядерным ударам 1945г.). А также — от опыта России и Японии. От потенциала связки в таком контексте не только конкретных исторических событий, но и духовно-гуманитарного наследия двух стран. Работы других авторов касательно такого тандема мне неизвестны, а самой вряд ли удалось сделать нечто большее, чем, надеюсь, обозначить контур «тропинки». В том числе и рассматривая Россию и Японию как основных «поставщиков» исходных трагических фактов для философского и общегуманитарного осмысления ядерного феномена. Как страны, вместившие ЧерноХироФукуБыль.

Милитаристская Япония, наравне с Германией, первой пыталась иметь собственное ядерное оружие. Получилось по-другому. Неизбежность «социального эксперимента» с народившимся и первоначально предназначавшимся для употребления против Германии ядерным оружием, его первое тщательно подготовленное и назидательное «явление народу» планеты реализовались в Японии. Вызовами Азии опять объясняют «второй ядерный век». Япония в связи с Хиросимой и Нагасаки, испытаниями в Тихом океане, близостью оружия Китая, России, США (постоянное базирование атомных авианосцев и АПЛ) и Северной Кореи, дефицитом ресурсов и опасностью природных катастроф, но и с развитием АЭС, ИТЕР (международный термоядерный реактор) и научных ядерных программ, особенно чувствительна к ядерной энергии. Япония — первая страна, которая более шестидесяти лет назад жизнями людей заплатила высокую цену ядерному джину. Двадцать пять лет назад ядерное жертвоприношение повторилось в Чернобыле. Совсем недавно — в Фукусиме. Отмечают изменение менталитета японцев с послевоенных годов прошлого века. При целенаправленной политике государства, в том числе в сфере образования. Когда нация отказалась от милитаристских и колониальных устремлений в пользу научно-технического и экономического прогресса.

Буддизм — изначально самая терпимая и миролюбивая религиозная идеология. Напомню его постулаты: «Избегай зла, культивируй добро, очищай ум»... и «Спасай всех существ», «Сосредоточенная осведомленность». Буддизм наиболее последователен в отрицании ядерного оружия на базе принципа ненасилия. Большинство жертв

ядерного оружия были японскими буддистами. Поэтому для буддизма данная тема — не просто теоретическая. Как и для японских католиков, чьи предшественники составили значительную долю жертв Нагасаки.

Несомненно, что японская культурная традиция имеет свои собственные подходы к ядерной тематике. Примеры: первым физиком, получившим Нобелевскую премию за исследование ядерных сил, был Н. Yukawa, а идея планетарной модели атома совместно с Э. Резерфордом принадлежит Х. Нагаоке. И еще в 1946 году I. Mansaku предлагал гуманитарное осмысление ядерной ситуации, а не полное отчуждение от нее в пользу военных и политиков. Н. Yukawa, продемонстрировав высокие человеческие качества, подписал знаменитый манифест Рассела-Эйнштейна и явился одним из основателей Пагуошского движения ученых за мир. Более пятидесяти лет в стране действует The Japan Atomic Industrial Forum. Главный редактор журнала *Atoms Japan* (2001, 45, №12) считает, что основная задача человечества в XXI веке — разрешение противоречий и налаживание связей между различными культурами и цивилизациями мира. Автор пытается найти место ядерной энергетики в решении этой задачи, рассматривая ее вклад в устойчивое развитие общества. И интересное совпадение: глава Японской православной церкви владыка Даниил является автором книги о св. Серафиме Саровском (рядом с местом давнего обитания которого создавалось и создается российское ядерное оружие), весьма почитаемом в среде православных Японии.

Профессор физики Т. Кавабе в рамках ассоциации *ArTech* (*Bio High Tech Center, Art Center, Plasma High Tech Center*) сочетает многогранную деятельность: физика и биология в науке, образование, коммуникация и продвижение в жизнь искусства и творчества. Ему же принадлежит мысль об аналогии и взаимозависимости между проектом ITER и процессами синтеза нового человечества, хотя бы потому, что ни одной стране отдельно решение такой проблемы не под силу.

В *The Hiroshima Peace Institute*, университетах, мемориальном комплексе и других учреждениях Хиросимы международные и междисциплинарные исследования направлены на интегрирование опыта Хиросимы и Нагасаки в стратегии глобального мира. О таком общечеловеческом потенциале Японии писали многие. В частности, еще R. J. Lifton вскоре после Второй мировой войны. Многие ядерные образы генерированы именно на основе японских событий. Возможно, так распорядилась история, чтобы Япония в будущем имела право активно и в качестве лидера осмысливать социальные последствия применения ядерной энергии и побуждать к этому другие страны, другие народы разного вероисповедания. После Фукусимы значимость этой японской миссии, несомненно, усилится.

Согласно буддистскому календарю, середина августа — время, когда души мертвых совершают свое ежегодное возвращение. Оно совпадает с поминальными церемониями, посвященными Хиросиме и Нагасаки. В августе во всех парках Хиросимы обычно круглые сутки слышен громкий треск цикад, напоминающий звуковой сигнал счетчика радиоактивности. Выжившее в эпицентре после ядерного взрыва в Хиросиме, широко почитаемое на Востоке, неуязвимое дерево гинкго стало символом жизнестойкости и надежды на будущее,

олицетворяя вызов атомной бомбе со стороны жизни. На сайте Нагасаки размещены фотографии различных деревьев вблизи эпицентра ядерного взрыва, которые также пережили взрыв и символизируют ныне возрождение надежды страдавших и страдающих людей. Символизм этих растений широко используют и физически (через распространение семян), укореняют по миру различные молодежные движения Японии, протестующие против ядерного оружия с позиций просвещения. Во всем мире известна и традиция антиядерного протеста с помощью передачи людьми друг другу бумажных журавликов и приумножения их числа.

Пожалуй, лишь Россия имеет примеры в какой-то мере аналогичного японскому сопряжения. Когда огромные территории страны подверглись воздействию радиоактивного загрязнения из-за ядерных испытаний на Новой Земле и в Семипалатинске, вследствие аварий на ПО «Маяк» и в Чернобыле. Известный журналист В.С.Губарев, в разных жанрах освещавший трагедию Чернобыля, стал почетным гражданином Хиросимы. Когда вторые в мировой истории ядерные военно-социальные испытания были осуществлены на Тоцком полигоне, но уже на собственных военнослужащих. Когда в Сарове совмещены религиозная святыня и национальный ядерный центр. Говорят о церковно-государственном, ядерно-духовном «сплаве» здесь. Когда сравнительно, но еще до Фукусимы, изучены процессы формирования общественного мнения в России и Японии относительно развития ядерной энергетики (А.Н.Дронишинец). Когда на Северо-Западе России Русская православная церковь все больше берет военных под свое духовное покровительство. В частности — базы атомных подводных лодок. Особенно после гибели АПЛ «Курск». В ноябре 2005 года Мурманск стал местом проведения конференции «Церковь и вооруженные силы». Ждет окормления Церкви и все расширяющееся международное сотрудничество здесь в сфере радиационной экологии. В частности, усилия по изоляции от человека ненужных вообще или длительно в течение десятков и сотен тысяч лет ядерных материалов. Со временем, например, подземное хранилище ядерных материалов в Печенге может стать проектом не дешевле Штокмана, Yucca Mountain или ITER. И объектом попечительства разных культурных, научных и религиозных традиций соседствующих с Мурманской областью стран — Швеции, Финляндии и Норвегии.

В практическом плане ядерные связи двух стран достаточно развиты. Назову лишь несколько примеров. Япония помогала утилизировать АПЛ Тихоокеанского флота РФ. Она получила право работать по урановым рудам в Якутии. Россия и Япония соучаствуют в проекте по термоядерному реактору. Теперь страны по высшему уровню ядерных катастроф объединены Чернобылем и Фукусимой. В какой-то мере символом прошлого века являются особые социальные слои — чернобыльцы в СССР, hibakusha в Японии. Возможно, отныне доминирующим образом станут «атомные камикадзе/самураи». После Фукусимы Россия предложила Японии оборудование для очистки радиоактивной воды, дозиметры и средства индивидуальной защиты людей.

И жаль, что неполно, видимо, японские специалисты загода, во время благополучия на своих АЭС, учли российскую практику по поводу сейсмических ограничений при выборе площадок для станций. Неполно вжились в логику и опыт ошибок и достижений первых, самых трудных, недель работы черно-

быльских ликвидаторов. Логику и опыт, которые неоднократно описаны. Если бы чернобыльский трагический опыт был усвоен сполна, вряд ли бы, в частности, на Фукусиме так долго и настойчиво заливали водой разрушенные реакторные здания, что было неэффективно в смысле их охлаждения, но привело к значительному радиоактивному загрязнению прилегающих акватории и территории. Лишь более чем через месяц со дня катастрофы руководителями работ было объявлено о необходимости разработки (еще только разработки!?) альтернативных охлаждению водой новых мер. При грозном призраке эскалации беды из-за дополнительных воздействий на «распотрошенные» активные зоны характерных для региона ливней и ураганов, повторных землетрясений и цунами.

Кроме того, хотя Фукусима с первых дней стала не только трагедией Японии, но и общечеловеческой заботой, по всему миру многие специалисты-ядерщики, метеорологи, медики и экологи, включая российских, были обеспокоены недостаточными объемами профессиональных данных о ситуации, предоставляемых японской стороной.

Несколько штрихов к характеристике того, насколько открыты гуманитарным исследованиям японские ядерщики. Показательно: на конференции с названием «Ядерные энергетические системы для будущих поколений и глобальной устойчивости GLOBAL 2005», проходившей в Японии при значительной доле японских участников, за узкие рамки специфических проблем вышел лишь мой доклад «Ядерная энергия: социально-гуманитарные аспекты». Это одно из отражений того факта, что в мировом ядерном энергетическом сообществе, как и в японском, разрабатывается идеология устойчивого энергетического развития на будущее. Но преимущественно отраслевая идеология развития естественных наук, техники и технологии.

Для налаживания интерактивных форм исследований и формирования сети партнеров мною (тогда в качестве сотрудника одного из институтов Университета объединенных наций, The United Nations University, UNU) была опубликована в Интернете и разослана более чем по 90 адресам в Японии анкета с вопросами о роли и формах осмысления феномена ядерной энергии. Некая попытка «философской социологии». Реакция на анкету, надо сказать, была незначительной. Одна мурманская журналистка, отказавшись отвечать на вопросы, честно объяснила: «Тут же надо думать!»

Из Японии поступило всего два отклика. Один из них очень примечателен. Высокого уровня сотрудник Nuclear Technology and Education Center of Japan Atomic Energy Research Institute писал, что долго сомневался, правильно ли будет, если он примет участие в анкетировании. Он мотивировал свое желание ответить, прежде всего, уважением к бренду, который я представляла, и тем обстоятельством, что в силу своих профессиональных интересов имел потребность и опыт контактов с UNU. И оценивает пользу этих контактов весьма положительно. Кроме того, задумавшись над вопросами анкеты, в частности — по поводу антропных и социальных аспектов ядерной энергии, он пришел к неожиданной для себя мысли. По его словам, удивительно, но почти не известно комплексного классифицированного предметного обсуждения по отношению к ядерной энергии, за исключением вопросов, связанных с ядерной бомбой.

Ранее мною в рамках аналогичного опроса было установлено, что ядерное сообщество Финляндии, Швеции и Норвегии в целом достаточно позитивно относится к генерируемым извне интересам к нему. В частности, на мою, как рядового сотрудника одного из северных университетов Финляндии, просьбу помочь при внешнем анализе особенностей их информационной деятельности откликнулись 100% респондентов — крупных ядерных фирм. Российские ядерщики по факту так же слабо открыты независимым гуманитарным исследованиям, как и, скорей всего, их японские коллеги.

Формирование модели отношения к ядерной энергии на примере Японии было до Фукусимы плодотворно и в связи с высоким валовым продуктом производства этой страны при относительно малом потреблении природных ресурсов и при эталонном отношении к экологической безопасности технологий. В определенной мере Япония при высоком уровне жизни, который невозможен без высокого энергопотребления, подсказывала позитивные пути решения нынешних глобальных проблем, грозящих планетарным кризисом.

Пример Японии был особенно важен, поскольку в Азии, да и в Европе (этнические, с исламской подоплекой по мотивации террористические акты в Великобритании и бесчинства во Франции — «мягкий вариант 11 сентября»), налицо и совсем другие процессы, которые могут «замкнуться» на интерес к ядерной энергии, но не так миролюбиво. Закономерно, что европейские «варианты» 2005 года в евроазиатской России многочисленные аналитики активно проецировали на возможное будущее страны. Например, программа «Тем временем» (телеканал «Культура», 14.11.05) задалась вопросом: «Как сочетать или переплавлять разные культуры и уровень жизни в XXI веке при начавшемся новом переселении народов?» «Исход народов» из Северной Африки в 2011 году вновь показал актуальность проблемы нарастания межэтнической напряженности.

Если нефти нет или она в перспективе кончится на всем белом свете? Что делать? Ответ был у Японии. Почему Япония, имея мало ресурсов, живет хорошо? Потому, что 65 лет назад переключила сознание на мирную жизнь. И потому, что 55 лет назад начала развивать гражданскую ядерную энергетику. Один из путей, если оставить непродуктивные споры, создания энергетической базы — ядерная энергетика. Вполне возможно, что главный. Если не единственный реально. Многие страны Азии сейчас объединены в мирное ядерное сообщество (FNCA).

Россия и Япония внесли большой вклад в идею и проект реактора ITER. Последуем совету мудрецов — посмотрим на небо. ITER сродни небесному явлению. И люди тоже «от неба». С точки зрения науки (ожившая звездная пыль). И с точки зрения религии.

Создать термоядерный реактор — зажечь солнце на Земле. ITER по латыни означает путь. Все это ассоциируется с понятиями «солнце», «путь», «небесный путь солнца». Солнце — главный символ, объединяющий человечество. Но солнцу угодно всходить на востоке. И Страна восходящего солнца в контексте своих культурно-исторических корней имеет немало предпосылок, чтобы не оставить ITER и другие ядерные объекты без контроля душой, чтобы делать дело разумно, но и гуманно. В высшем смысле делать по-человечески. А может быть, чтобы первое рукотворное мирное солнце уже непосред-

ственно для нужд людей зажглось на японской земле. Памятуя и то обстоятельство, что Япония уступила Франции в споре за право быть страной размещения опытной термоядерной установки.

Промышленный ITER в Японии или России мотивировал бы дополнительно на богатой культурной базе и противоречивом, разнородном ядерном опыте усиление столь необходимой для ядерного мира в целом многоплановой, зачастую нелицеприятной и в ракурсе сомнений и беспокойства, духовно-гуманитарной дискуссии как предтечи выверенных и эффективных действий. Франция, несомненно, — достойный претендент на важные ядерные новинки и страна великой культуры. Но ядерный опыт Франции, к счастью для нее и неадекватно для мировой истории, в целом исключительно успешен. В этой стране ядерная эра не приводила к катаклизмам национального и международного уровня. В военной сфере Франция была в качестве догоняющей, когда «правила игры» уже устоялись. И этот этап не сопровождался трагически столь ярко выраженными примерами тяжелого морально-нравственного выбора, как было в истории других стран. Все вместе, в сочетании с классической национальной чертой облегченного отношения к жизни, может способствовать автоматически крену «термоядерного курса» в сторону упрощения и меркантилизации проблемы.

Что такое, например, Юго-Восточная Азия? Это перенаселенность тропических и субтропических стран с плодovitым по части рождаемости населением. Это дефицит средств жизнеобеспечения. Не такой страшный, как в Африке — упаси Бог. Но все же в массовом проявлении — это серьезная «бомба замедленного действия». В силу пока своей относительной научно-технической отсталости регион не имеет потуг к ядерному оружию. Но на его флангах по периметру расположены тоже беспокойные страны с ядерным оружием или ядерными амбициями — Индия, Пакистан, Иран (президент которого напомнил слова религиозного идеолога о том, что Израиль должен быть уничтожен), Северная Корея, Китай. Недалеко и Россия. С юга — Австралия (лидер в сфере добычи урана) и Океания с базами АПЛ и полигонами испытаний ядерного оружия США, Англии и Франции.

Да и Япония может теоретически изменить свое «мнение» в сторону имперских замашек. Или «просто» ядерных, что не является более фантазиями — после северокорейских ядерных испытаний. Недаром ее соседи (Китай, Южная Корея) так болезненно реагируют всякий раз на, казалось бы, давно прошедшее, если оно затрагивается нынешними политиками. Вспомним протесты — и официальные, и со стороны простых людей — после посещения премьером Японии храма, где похоронены военные преступники. «Остальная Азия» генетически помнит зверства японцев времен хотя бы последней мировой. Как и еврейский мир — зверства нацистов. Не случайно идеология ядерного оружия, как оружия «последней надежды», родилась в Азии — в Израиле и Индостане. Где гарантия, что она не найдет последователей в Юго-Восточной Азии с ее колоритным и кровавым недавним прошлым и настоящим?

Со всех ракурсов устойчивого развития, таким образом, для Азии и Японии, если смотреть социально-обобщенно, комплексно и, хотя бы, на несколько шагов вперед, никак не безразличны старые и новые ядерные темы.

В Японии нашло благодатную почву Достоевсковедение. Эта страна располагает одной из лучших зарубежных научных школ, изучающих наследие Ф.М. Достоевского. Мир перешагнул эпохальную грань 60-летия ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. По буддистским поверьям шестидесятый день рождения несет особый смысл. После него жизнь, и без того бесценная, приобретает значение великого дара. Который необходимо понять и бережно хранить. Эти установки имеют значение и применительно к человечеству, заново рожденному и выжившему после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Может быть, России и Японии суждено совместно «выковать» хотя бы контуры морально-нравственных и политических ориентиров ядерной жизни, сверяясь, в том числе, и по Достоевскому? Создатели фильма «В Японию на поиски... России» (координатор К.Юка, студия Дальневосточного университета при поддержке МИД Японии) уверены, что Япония и Россия могут помочь друг другу в познании самих себя и мира. И, вероятно, не случайно, а со смыслом, В.В.Путин объявил в 2005 году о грядущей коренной трансформации ядерной отрасли России, возвращаясь из насыщенной поездки по Азии, завершившейся в Японии. Он же шутливо «поправил» общественное мнение (ответы на вопросы телезрителей 25.10.06), что Страной восходящего солнца нужно было бы называть и Россию.

Многое из отмеченного выше относительно положительного ядерного опыта Японии было практически абсолютно справедливым до Фукусимы. Фукусима, как Хиросима и Чернобыль, вновь обозначила в истории человечества серьезную грань, вновь поделила события и их оценки на «до» и «после». Какой будет новая роль России и Японии в антропосоциоядерном пространстве? Трудно сказать. Для новых весомых оценок, особенно — философских, нужно немало времени.

Как уже отмечалось и, в определенной степени, в противовес японским обстоятельствам, полезно осмысление феномена ядерной энергии международными усилиями в поле образа SAPO. И не только теоретическое. После Фукусимы обостряются споры вокруг ядерных отходов, возможен возврат интереса к небольшим подземным АЭС. Напомним, что в Японии в 2011 году внешних воздействий с катастрофическими последствиями не выдержали не только реакторы, но и хранилища отработавшего ядерного топлива. Необходимо учитывать явное стремление западных стран повысить контроль над углеводородами Ближнего Востока и Африки. Как и «постфукусимское цунами», решений о закрытии АЭС (например, в Германии), логическим продолжением которых следует считать меры по демонтажу станций с наработкой больших объемов дополнительных отходов. Такое осмысление может способствовать формированию составной усиливающей части региональных и общероссийских программ создания технологической платформы «Инфраструктура Арктики». В условиях, когда независимые оценки (участники телепередачи «В фокусе» на канале РБК от 9.03.11 и 23.03.11) показывают отсутствие стабильной и позитивной тенденции относительно развития нефтегазового бизнеса в Арктике.

Россия давно и активно стремится позитивно соответствовать новым возможностям в рамках концепции международных долговременных хранилищ подземного типа на своей территории. Хранилищ третьего (высшего) уровня,

дополняющих систему хранилищ федеральных и региональных. Вариантами площадок размещения международных хранилищ, наиболее официально «продвинутыми», без нового комплексного анализа и дополнительных обоснований традиционно для ядерной отрасли «состыкованными» с объектами наследия «холодной войны», являются пока площадки вблизи Красноярска, Челябинска и границы с Китаем и Монголией (Краснокаменск). При этом преобладает выбор площадок в зонах палеовулканов (как и в случае Yucca Mountain). А применительно к Краснокаменску, интерес проявлен к эксплуатируемому и крупнейшему в России рудному полю на уран.

Хотя доминирующие площадки уже «назначены», даже лояльный к ним анализ (ИГЕМ РАН) геологической ситуации на базе чрезвычайно слабой разведки закончился признанием, что Россия находится на начальной стадии программ реализации такой концепции и принимать решения о пригодности площадок преждевременно. В Казахстане и Украине планируют подобные объекты на территории, соответственно, Семипалатинского полигона и Чернобыльской зоны.

На Северо-Западе России проектировщики Росатома (Минатома) последовательно предлагали в качестве изолирующей геологической среды многолетнемерзлые известняки полигона Новой Земли и залежи солей Республики Коми. Кстати, в Ухте работает известный в радиоэкологии геолог В.А.Копейкин, имеющий серьезные наработки применительно к геохимическим барьерам защиты от распространения радионуклидов, возглавлявший несколько самых тяжелых лет Рабочую группу Мингео СССР в Чернобыле. Возможно, и это обстоятельство в череде других обусловило «дрейф» интереса Росатома от Новой Земли к геологическим структурам Коми. Альтернативой официальным площадкам Росатома является Печенга.

Одним из авторов работ, способствовавших отмене на довольно высоких стадиях реализации некачественных с научной точки зрения, но бывших доминантными проектов подземных ядерных хранилищ Yucca Mountain и Новой Земли, является новосибирский геолог и спелеолог с украинскими «корнями» Ю.В.Дублянский (Juri Dublyansky, www.uibk.ac.at). Уникальная ситуация: его общая эрудиция и знания в сфере инженерной геологии и гидрогеологии, низкотемпературных гидротермальных процессов, изотопных исследований дважды значимо повлияли на формирование решений ведущих ядерных стран относительно места размещения природно-техногенных, с элементами самоорганизации объектов, которые должны безопасно функционировать по нормативам не менее десяти тысяч лет. А косвенно возможно ожидать отложенное влияние этих факторов и событий на общечеловеческое будущее ядерной проблематики. Он, кроме того, нелюбезно охарактеризовал стиль собственных геологических обоснований таких объектов российскими и американскими ядерными ведомствами и финансирования ими независимых оценок.

Нет пока, к сожалению, подобных Ю.В.Дублянскому по объективности, профессионализму и опыту работы с иностранными партнерами людей, которые проявили бы интерес к организации и выполнению на международной основе анализа жизнеспособности замещающей вакуум после закрытия упомянутых проектов гипотезы SAMPO. Хотя бы ее естественнонаучной составляющей.

Вулканологи обосновывают наличие в глубинах Печенги позитивных для изоляции ядерных материалов процессов современного минералообразования. На «ядерный» потенциал этой структуры обращали внимание сотрудник ВНИПИЭТ В.А.Перовский, мурманские геологи-производственники (Н.И.Бичук, В.Г.Зайцев, Г.И.Мелихова и др.), специалисты Петербургского университета А.С.Сергеев и Р.В.Богданов. А также — руководители Геологического института Кольского НЦ РАН (Ф.П.Митрофанов), Кольской сверхглубокой скважины (Д.М.Губерман) и Ярославской экспедиции сверхглубокого бурения «Недра» (Л.А.Певзнер). Равно как и шведского оператора по обращению с ядерными отходами SKB, МНТЦ и The UNESCO International Geological Correlation Programme.

Не добрые ли это знаки, учитывая, что по преданиям в свое время в «пещерах» «утеса из меди» Печенги было создано Сампо «Калевалы»? И не подсказка ли это к объединению на этой площадке усилий, и не только геологов? При «перезагрузке» на Печенгу финансирования от Yussa Mountain, Новой Земли и других подобных проектов, не имеющих социокультурных оснований и не выдерживающих испытания временем. Чтобы надежно экранировать источник электроэнергии (в случае подземной АЭС) или (в случае хранилища) искусственные, комплексно насыщенные газами гидротермы, неизбежно возникающие в породах, в которых надолго размещены высокоэнергетичные материалы.

Любопытно еще одно «родство» — геополитическая симметричность по контуру размежевания России с соседями. Площадка «Печенга» расположена у северо-западной, площадка «Краснокаменск» — у юго-восточной границ РФ. С одной стороны, соответственно, потребности, как минимум, Европы, а с другой — Японии, Южной Кореи и Китая. Кроме того, не получилось порознь у США, СССР и Японии обойтись без национальных ядерных катастроф. Велик риск террористического инициирования таких катастроф для ряда стран Западной Европы, учитывая их воинственную политику в богатых нефтью регионах. Видимо, свершившиеся и потенциальные «неприятности» — еще один довод для объединения усилий и повышения эффективности надзора, что, например, имеет наибольшие предпосылки реализации при создании международных ядерных хранилищ на стыке стран в труднодоступной для несанкционированных посещений местности. Присоединиться к идее создания таких хранилищ было бы полезно, например, Беларуси, Литве, Украине и Казахстану.

В начале сентября 2005 года в Мурманск из очередного туристического рейса к Северному полюсу вернулся атомный ледокол «Ямал». Но на этот раз пассажиры на его борту были необычные. Благодатные творческие условия полюса — «центра времени» и безмолвных просторов уединенной Арктики «эксплуатировали» любители философии. Обсуждая в режиме лекций, семинаров и бесед суть фундаментальных категорий «время», «вечность» и других. На борту были лишь граждане разных регионов России. Рейс осуществлен за счет мецената, пожелавшего остаться неизвестным. Отсутствие спиртных напитков, табачных изделий и увеселительных мероприятий в работе и быту пассажиров, столь характерных для обычных туристов, изменение по просьбе гостей стандартного графика движения, дабы медитация была наибо-

лее успешной, темы бесед между хозяевами и гостями окончательно шокировали экипаж ледокола.

Вот и интересующихся проблемами ядерной энергии философов кто-нибудь бесплатно свозил бы на полюс! На ледоколе или АПЛ! Порамышлять о «насутом хлебе» общества на макушке планеты. Там, где необходимость в нем проявляется особенно остро. Нынче в район полюса люди добираются преимущественно с помощью ядерной энергии, а не физической силы, собственной или собак. Среди льдин и белых медведей, видимо, должен сформироваться новый импульс для интенсификации понимания ядерных проблем. Кроме того, возможно, все вместе было бы с помощью «философско-атомного камня» или «философского ледокола (АПЛ)» одновременно поддержкой и расширением осуществленной недавно попытки в России зародить символизм и познавательные функции «философского парохода» и «философского поезда». Попытки, когда философы «идут в народ», с неожиданного ракурса вглядываются в теоретические вопросы. А также укреплением статуса атомоходов как культурно-исторического достояния России. Пока официально таким статусом обладает лишь атомоход «Ленин», которому в 2009 году исполнилось 50 лет. Приравняем полюс в философском и культурно-эстетическом смысле к Фудзияме, восхождение на которую есть элемент духовной культуры. Эта культовая «яма» хотя и находится в теплой Японии, около 10 месяцев в году прикрыта чарующим и бодрящим снегом.

Начав с должности руководителя информационно-аналитической службы «Цнииатоминформ», представитель династии философов-методологов, политолог и культуролог, педагог и психолог П.Г.Щедровицкий стал заместителем генерального директора Росатома, отвечающим за стратегию развития и научно-техническую политику отрасли. В контексте сопряжения ядерной и гуманитарной сфер примечательны также фамилии Ойзерман и Кантор. Философ, филолог и писатель В.К.Кантор и один из лидеров Международного Люксембургского форума по предотвращению ядерной катастрофы В.В.Кантор. Философ, академик РАН Т.И.Ойзерман и один из первых российских исследователей философско-ядерной тематики М.Т.Ойзерман. Восхождение группы философов на полюс, думаю, укрепило бы и эту тенденцию повышения качества ядерно-гуманитарного симбиоза.

Благодарю за поддержку исследований профессорov Brigitte Falkenburg, Nina Witoszek и Darryl Macer

Моншир ДОЛЖИН (Монголия)

«ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО» И ЧЕЛОВЕК*

Один из отцов американской конституции Т.Джефферсон, подчеркивая важность идеи естественных прав человека как основания Конституции США, писал, что «массы человеческие не рождаются с седлом на спинах, как не рождаются немногие избранные в сапогах со шпорами, чтобы законно ездить на них верхом милостию Божией» (цит. по: *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее. М., 2004. С. 22).

В массовом сознании идея прав человека не укоренена. Проблема соотношения прав народов и человека возникла не сегодня. Но ее дальнейшее развитие зависит от того, насколько успешно внедряются в правосознание идеи, связанные с философским постижением человека. Сегодня нельзя оставаться в рамках только юридического сознания, не менее значимо соотношение юриспруденции с философской антропологией.

Формирующееся на протяжении многих столетий правосознание, разумеется, догадывалось о том, что человек нередко становится жертвой страстей, что его натура противоречива. Однако рассогласованность человеческого поведения обычно скреплялась, по мысли философов и юристов, разумом. Да, у человека есть страсти, он заложник собственной воли. Но сознание способно обеспечить человеку верный критерий для того, чтобы привести в действие потенциал разумности человека.

Известный английский философ Бертран Рассел писал в свое время, что всю жизнь искал аргументы в пользу известного утверждения: человек есть существо разумное. Однако он пришел к выводу, что мир все больше погружается в состояние всеобщего безумия. «На моих глазах, — писал он, — великие нации, которые прежде вели цивилизацию вперед, ныне сбились с пути, ведомые теми, кто проповедует напыщенную бессмыслицу. Я был свидетелем бессердечной жестокости неоправданных гонений, религиозных и прочих предрассудков. И несчастья эти все усиливаются и дошли до таких масштабов, что человечество уже достигло состояния, когда восхваление разумности, рациональности человеческой деятельности звучит всего-навсего как какой-то пережиток, чудом сохранившийся от прежних веков... И я нашел, как до меня это сделал Эразм Роттердамский, что глупость является извечным признаком человечества и что, несмотря на это, человеческая раса удивительно живуча.

* Материал представлен редакцией журнала «Философия и культура».

С другой стороны, глупость, свойственную нашим временам, легче пережить, если ее рассматривать на фоне глупостей прежних времен» (*Рассел Б. Очерки об интеллектуальном убожестве // НГ — наука, 1998, № 2*).

Однако речь здесь идет вовсе не о тупости людей. Известно, что многие преступники поражают юристов «изошренностью» своих криминальных выдумок. Во время сухого закона в США была секта, которая проповедовала введение закона о разрешении виски при запрещении вин. Под этим прикрытием они открыто распространяли и употребляли крепкий ликер, и ряды их секты неуклонно и быстро росли.

По своей природе человек является существом принципиально нецелостным, рассогласованным, эксцентричным. Методы исследования «человеческого» не предоставляют в наше распоряжение никакого единого образа человека как такового. Вместо этого мы имеем ряд образов, каждый из которых наделен собственной неповторимой убедительностью. Эмпирическое исследование, понимание возможностей и философское озарение, по словам К.Ясперса, кардинально различаются по смыслу. Исследуя человека, нельзя относиться к нему так, как если бы он был объектом, всецело познаваемым в рамках одного только измерения и во всей совокупности своих причинно-следственных связей.

Возникает вопрос: не сможет ли в принципе наступить момент, когда все многообразие нашего знания о человеке будет сведено в обширное, всеобъемлющее единство? Неустанно анализируя человека, умозрительно «расчленивая» его на составные части, отдельные факторы и т.д., мы вполне можем спросить себя, почему изучаемые нами компоненты «человеческого» таковы, и именно таковы, почему их не больше и не меньше.

Говоря о человеке, юристы прибегают к самым метафорическим образам. Так, человеческое сознание представляют как сцену, на которой что-то появляется и исчезает, разыгрываются разнообразные события. Однако человек нередко действует безотчетно и безмотивно. Вспомним, как совершается убийство в повести А.Камю «Посторонний». Полуденный зной, притупление чувств, состояние предельной апатии и на этом фоне вспышка агрессии, приведшая к убийству араба.

Мы могли бы утверждать, что в каждый данный момент времени человек существует как нечто целостное. Он во плоти движется в мире как отдельное существо, он есть вещь, тело в пространстве. Но такой подход — самый поверхностный из всех возможных. Относиться к человеку всего лишь как к физической целостности — значит отрицать человека как такового.

Человек как целое отнюдь не подобен континенту в географическом смысле, ибо он не дан нам как «готовый» объект исследования. В отличие от любого другого объекта во Вселенной, человек по природе своей свободен. Мы можем систематизировать методы изучения «человеческого», но нам не дано создать его всеобъемлющую схему. Всякая попытка создать целостную схему человека, считал К.Ясперс, обречена на неудачу (*Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997. С. 897*).

Стоит нам только «ухватить» целое, как оно ускользает от нас, и в наших руках остается только схема одной из многих относительных, частных целостностей.

Разбирая то или иное преступление, юристы пытаются выявить связь между наследственностью и воспитанием. У границ генетики мы сталкиваемся с новыми загадками. Поскольку наследственная предрасположенность в сочетании со средой, вообще говоря, выступает в качестве решающего причинного фактора для всей психической жизни личности, мы можем утверждать, что наследуется все. Но, пытаясь объяснить конкретные факты, мы обнаруживаем ограниченность наших возможностей. Мы не знаем, каким образом в процессе развития организма отдельные явления порождаются соответствующими генами. И даже обнаружив связь между генетикой и историей развития, между генами и организующими факторами, мы улавливаем только механические и безжизненные отношения в рамках исходных предпосылок жизни.

Сама же жизнь остается за рамками нашего понимания. Мы даже не в силах представить себе, каким образом гены могут порождать психические явления, которые в своей совокупности неразрывно связаны с воспитанием, культурной традицией, историей духа. Конечно, никто не сомневается в том, что духовная реальность, даже в своих самых далеких от природы проявлениях, имеет какую-то биологическую основу. Но мир духа как таковой не может быть объяснен в терминах этой основы.

Во врожденной предрасположенности личности есть нечто такое, что не унаследовано от предков и не передается потомкам. Каждый индивид содержит в себе нечто сверх того, что присутствует в совокупности генетических связей. В каком-то решающем пункте каждый человек, выражаясь языком богословов, «творится» из одного только ему присущего источника и не просто выступает в виде следствия модификаций наследственного вещества. Каждый человек уникален и неповторим. Индивид — это не просто сумма наследственных факторов.

Картина человеческого

Единство отдельной жизни зависит от бесчисленных случайностей. В своем понимании преступника мы исходим из его готовности осознать ситуацию и воспользоваться предоставляемыми ею возможностями. Но единство отдельно взятой жизни оказывается основанным на некоей целостности, объемлющей все случайности, происшедшие на жизненном пути индивида. Американская женщина, обвиненная в последовательном убийстве своих семи мужей, была казнена. Приговор был скреплен губернатором штата. Но после того как смерть свершилась, адвокаты представили материал, из которого явствовало, что в детстве эта женщина была изнасилована своим отцом. Так решительно изменилась сама картина содеянного...

Целостность отнюдь не сводится к структуре, составленной из каких-то элементов. В объемлющем всегда обнаруживается еще какой-то элемент действительности. Никакое философское озарение не способно дать однозначную картину «человеческого». Современная философская антропология считает, что природа человека незавершенна или фрагментарна. Фрагментарность требует достижения полноты, источник которой, в противоположность всем остальным универсальным источникам «человеческого», должен обеспечить бытию человека основу и целостность.

Сущность человека выявляется для нас не в объективных схемах «человеческого», а именно в этой бесконечной потенциальности, в этих неизбежных конфликтах и внутренних противоречиях. По определению Ф.Ницше, человек — это еще «не определившееся животное». Животные осуществляют свою жизнь согласно заранее предначертанным путям; каждое новое поколение, подобно всем предыдущим, приспособлено к определенной форме существования. Что касается человека, то его ничто не принуждает строить свою жизнь по заданной модели. Человек наделен пластичностью и способен бесконечно меняться.

Животные ведут устойчивое существование, так как руководствуются надежными инстинктами. Человек же несет в себе элемент неустойчивости и ненадежности. Человек не предназначен для абсолютных, конечных форм жизни. Следовательно, его существование неотделимо от случайностей и опасностей. Человек заблуждается, допускает ошибки, его инстинкты немногочисленны, он, так сказать, изначально «болен». Он всецело зависит от собственного свободного выбора.

Возьмем простой криминальный пример. Человек выдал чужой труд за собственный. Зачем? Простая логика подсказывает: хотел извлечь из этого факта материальные выгоды. Но ведь «автор» знает, что труд ему не принадлежит. Следовательно, мотивы тщеславия исключены. Как бы не так! Именно желание славы, признания может оказаться исходной причиной поступка. Наконец, такой поступок часто оказывается результатом обыкновенной конкуренции, которая требует от современного человека все «новых» и «новых» подтверждений собственного статуса.

Потенциально человек может все. Поэтому человеческая природа неопределима. Мы не можем свести человека к единому знаменателю, ибо он не соответствует какой-либо одной специализации. Человек не сводим к какой-либо одной видовой категории. Другого такого вида в природе не существует. В любой жизненной ситуации человек выступает как своего рода экспериментатор, имеющий возможность отступить, отойти в сторону, отказаться от продолжения «эксперимента». Это происходит потому, что в глубинах его природы сохраняются дальнейшие возможности — причем возможности эти принадлежат не столько отдельному индивиду (который отождествляется с неким осуществленным содержанием), сколько человеку как некоей генетически детерминированной сущности.

В пользу того, что человек не является однозначно определенным существом, без колебаний идущим по заранее предначертанному пути, свидетельствует его борьба с самим собой. Человек — не просто синтез противоположностей (каковым является все живое) или необходимое и, в сущности, доступное пониманию движение духа. Уже в самых глубинных своих истоках человек — это не что иное, как борьба. Различные ступени этой непримиримой борьбы можно рассматривать как ряд ступеней, ведущих от того, что является общим для всего живого, к чисто человеческим феноменам.

Человек, рассматриваемый как форма жизни, является ареной борьбы между наследственной предрасположенностью и окружающей средой, между внутренним и внешним миром. Вот рассказ об одной молодой женщине. Когда она была девочкой, жизнь ее сложилась мрачно. Родители пили без меры и

проблеска разума. Девочка рано научилась выживать. Она собирала бутылки, сдавала их, покупала муку и старалась прокормиться, потому что мама находилась в загуле по неделям, и в эти дни никто не заботился о том, чтобы покормить ребенка. В доме царил разврат — по комнате ходили обнаженные мужчины, которые порою путали женские тела. Но девочка выросла чистой, целомудренной. Ни наследственность, ни окружающая среда не развратили ее. Напротив, они задали ей иные жизненные ориентиры.

В любом решающем выборе непременно присутствует абсолютное противопоставление добра и зла, правды и лжи. Нигде и никогда человек не бывает полностью независимым. Он постоянно зависит от чего-то иного. Он зависит от своей среды и своего происхождения. Реализуя свою природу, он ограничен во времени и возможностях и то и дело преодолевает сопротивление. Чтобы реализовать себя, человек должен обладать сознанием собственных границ.

Человек не просто конечен. Он еще и знает о том, что конечен. Он не удовлетворяется собой как конечным существом. Чем отчетливее его знание и чем глубже его переживания, тем яснее он осознает свою конечную природу и, следовательно, принципиальную незавершенность своего бытия и всех своих проявлений. Человеку свойственно недовольство миром вне зависимости от того, насколько глубоко он вовлечен в мирские дела.

Будучи конечным существом и сознавая это, человек стремится к преодолению всего конечного. Но каждый его шаг на этом пути обусловлен тем обстоятельством, что человек конечен. Человек реален лишь постольку, поскольку он стремится к конечному. Но обнаруживая, что все конечное неистинно для него, он не может остановиться и продолжает свое движение дальше. Итак, человек оказывается в двойственном положении: в его глубинных основах кроются бесконечные возможности, благодаря которым он стремится преодолеть свою конечную природу; но все эти возможности побуждают человека воплотиться в чем-то конечном, решиться на безусловное и устойчивое самоотождествление во времени.

Итак, для юридической антропологии важно, что человек — не просто разновидность животного, о котором мы ничего не знаем и которое в прежние времена мыслилось как ангел. Скорее, следовало бы сказать, что человек — это нечто единственное в своем роде. Отчасти он принадлежит к разряду живых существ, отчасти — к разряду ангелов, но отличается как от тех, так и от других. Человек — это открытая возможность, он не завершен и не может быть завершен. Поэтому человек всегда больше того, что он осуществил, и не тождествен тому, что он осуществил. Об этом писал русский философ С.Л.Франк: «В парадоксальной форме это можно было бы выразить, сказав, что человек всегда хочет быть чем-то большим и иным, чем он есть; и так как это хотение есть само его существо, то можно сказать, что своеобразие человека в том и состоит, что он есть больше, чем то, что он есть» (Франк С. Духовные основы общества. М., 1992. С. 76).

Человек осуществляет себя в определенных феноменах — поступках, мыслях, символах; и он все время восстает против ставших определенными феноменов, против того, что было утверждено им же самим. Перестав стремиться к преодолению фиксированных форм, человек, так сказать, «усредняется» и отходит в сторону от естественных путей «человеческого».

Восхождению человека препятствуют три внутренних фактора. Во-первых, материал его внутренней жизни: его чувства, психические состояния, инстинкты, все данности его психической жизни, которые стремятся овладеть им и подавить его. Во-вторых, непрерывный процесс сокрытия и искажения реалий психической жизни человека, то есть всего того, что он чувствует, чего хочет. В-третьих, пустота, источником которой служит нереализованность человека.

Человек борется со всеми этими препятствиями. Во-первых, он превращает себя в материал для внутренней работы; он формирует и дисциплинирует себя, развивает свои способности. Во-вторых, в противовес процессу сокрытия и искажения реалий психической жизни в нем развивается способность к прозрению, к достижению внутренней ясности. Наконец, в-третьих, он старается избежать пустоты благодаря внутренней активности: принимая решения, он создает для себя основу, на которую сможет положиться и тогда, когда для него наступят тяжелые времена.

Личность есть целостность и единство

Из приведенных размышлений очевидно, что рамки юридической антропологии могут быть значительно расширены. Н.А.Бердяев писал: «Личность есть целостность и единство, обладающее безусловной и вечной ценностью. Индивид может совсем не обладать такой целостностью и единством, может быть разорванным, и все может быть в нем смертным. Личность и есть образ и подобие Божье в человеке, и потому она возвышается над природной жизнью. Личность не есть часть чего-то, функция рода или общества, она есть целое, сопоставляемое с целым миром, она есть продукт биологического процесса и общественной организации» (*Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. С. 62*).

Но что означает целостность личности? Скажем, один стал крупным математиком, но при этом остался равнодушным к искусству. Другой стал политиком, достиг социальных высот, но при этом превратился в дельягу и циника. Третий достиг огромных успехов в бизнесе. У него безмерное богатство, но он малообразован, беден духовно, жаден. Понятие личности предполагает гармоничное, универсальное развитие всех человеческих задатков. Но разве человек не может максимально реализовать себя в какой-то одной сфере жизни? Скажем, некто стал прекрасным математиком, но плохо разбирается в искусстве. Можем ли мы назвать его личностью? В известном смысле, несомненно. Но, согласитесь, в этом случае человеческий идеал, который философы издавна называли личностью, реализован не полностью.

Человек родился в природе, а живет в обществе. Он имеет инстинкты, но руководствуется социальными нормами. У него есть сознание, но есть и бессознательное, которое во многом определяет его мысли и поступки. Человек — принципиально рассогласованное, противоречивое создание. В каком же смысле мы можем говорить о целостности личности? Только в одном — целостность — это идеал, некая проблема, требующая специального изучения.

Между тем наше коллективное сознание давно уже деградировалось. В нем сместились акценты, произошла неправомерная подмена ценностей. Листаем

российские учебники по истории, адресованные школьникам. Прошлое, оказывается, населено непревзойденными личностями. Не беда, что один из них предатель, другой — вор и душегуб, третий — преступник и растлитель. Мы вглядываемся в эти пучины мерзости и млеем: какая грандиозная личность! По этому поводу у нас есть и расхожие теоретические прибабасочки. Злой ведь тоже человек, и ничто человеческое.... Так мы снова оцениваем фигуры Петра I, Ивана Грозного, Иосифа Сталина.

Само собой понятно, что нет нужды раскрашивать исторические фигуры в зловещие тона. Люди минувшего тоже жили в потоке собственных человеческих страстей. Но отчего мы буквально загнипнотизированы именно темными сторонами человеческой души? Почему именно с ними связываем представление о своеобразии человека? С какой стати шепчем на придыхании — личность?..

Этот догадался влить законному спящему королю отраву в ухо. А это высокочество без комплексов понесло на свадебный пир поминный пирог. Тот, размышляя об аграрном вопросе, составляет списочек, кого заблаговременно зарыть в землю. А этот, расстреливая священников, мечтает о рае на земле. Ну и что? Где же мы возьмем других исторических вершителей? Какие уж есть... Однако что заставляет нас говорить о личности в тех случаях, когда налицо мерзкий распад человеческой сути?

Беру на удачу пособие Я.Соколова «Граждановедение», рекомендованное экспертным советом Министерства образования и науки ученикам 9-го класса. Читаю непреклонное: «Да, преступник, как правило, тоже личность». Согласитесь, какой прицельный способ привить гражданские доблести! Наверное, пылкому детскому воображению нетрудно представить восхитительный парад личностей в виде казнокрадов, жуликов, сексуальных маньяков, сейфовскрывателей и паханов...

Мне понятно желание наставника привить неокрепшим детским душам уважение к правам человека. Ведь и крестьянки любить умеют, и преступники тоскуют по признанию. Зачем же посягать на их авторитет? Однако не преступило ли демократическое сознание свои пределы? Абсурдность, покажи свое личико!..

Если уж вразумлять школьников, то, может быть, рассказать о том, как мучительно, через парадоксы и напряжение мысли, рождалось в истории общественного сознания представление о различии понятий «индивидуальность» и «личность». Вот, скажем, мысль Н.А.Бердяева: человек может иметь яркую индивидуальность и не иметь личности.

Личность — это предельное выражение человеческого в индивиде. Немецкий философ Фридрих Шлейермахер (1763–1834) подчеркивал: каждый человек должен на свой лад выражать человечество. Именно эта соотносительность человека с человечеством и отражает понимание личности в юридическом сознании.

Термин «личность» был придуман Н.М.Карамзиным. Он полагал, что человек способен к общению, интеллектуальному и нравственному совершенствованию. Личность — хозяин собственной судьбы, собственной жизни. Человек может стать личностью, если поставит перед собой такую цель. Кого можно назвать личностью? Такого человека, который весьма своеобразен, духовно развит, обладает чувством ответственности за свои поступки.

У нас презрительно относятся к словам, которые не имеют ученой степени. Высокие слова, напротив, любят. Нет «серых людей», вещают радетели человеческих прав, каждого человека можно назвать личностью. Неправда, а Буанаротти? Гоголь хотел вызвать сочувствие к Акакию Акакиевичу. Но он вовсе не стремился раскрыть перед нами масштаб необыкновенной личности.

Если все вокруг личности, то правоведческое сопоставление понятий «индивид», «индивидуальность», «личность» теряет смысл. Личность — универсальное понятие духовного человека. Оно вбирает в себя самобытность, множество социальных качеств, богатство души. Можно ли назвать личностью опустившегося, выпавшего из общества бомжа? Разумеется, нет. Однако подумаем: почему же? Он утратил социальные качества, отказался от призвания, отверг социальные нормы, культурные традиции, словом, свел себя до минимума.

Теперь обратимся к фигуре преступника. Это — личность? Смотрите, какой он смелый, предприимчивый и даже необычный. Но ведь он преступил человеческие нормы, презрел правила поведения, выстроил себя по меркам криминального мира. Зачисляя всех чохом в личности, мы, возможно, вынашиваем бессознательно надежду на нравственную индульгенцию.

Человек уникален. Он привнес в мир некий элемент, чуждый животному миру. Но в чем заключается этот элемент, все еще не вполне ясно. С соматической точки зрения человек — один из видов животных и, тем не менее, даже его тело уникально — причем не только благодаря способности к прямохождению и некоторым другим свойствам, но и благодаря особой конституции, отличающей человека от всех остальных животных и предоставляющей ему больше возможностей за счет менее развитой специализации. Кроме того, человек отличается от животных способностью использовать тело в экспрессивных целях.

С незапамятных времен неотъемлемыми качествами человека считались свобода, рефлексия, дух. Участь животного всецело обусловлена законами природы. Человек также зависит от законов природы, но вдобавок у него есть предназначение, реализация которого всецело зависит от него самого. В то же время мы никогда не встречаем человека как полностью духовное существо. Природные потребности оказывают свое воздействие даже на самые глубинные потребности его духа. В старину воображение человека породило ангелов — воплощение чистой духовности. Но человек как таковой не есть ни животное, ни ангел. В нем есть свойства как того, так и другого, но он не может быть ни тем, ни другим.

Мы тем яснее познаем психическую действительность, чем выше уровень ее развития. Именно высокоразвитое и сложное способствует разъяснению примитивного и простого — но отнюдь не наоборот. Мера психической дифференциации — фундаментальный фактор, оказывающий постоянное влияние на все явления криминальной жизни. Психическая жизнь характеризуется гигантским разнообразием, вплоть до высочайших проявлений гениальности. Для одних гашиш служит источником тупого, животного наслаждения, для других возбудителем шумной радости, наконец, для третьих — катализатором богатейших, сказочных озарений.

Вообще говоря, психические явления (в том числе и аномальные) возможны только при наличии определенной психической дифференциации. Это относит-

ся как к степени сложности психического содержания, так и к форме отдельных событий психической жизни. Например, навязчивые идеи, ведущие к криминальным событиям, и явления деперсонализации появляются только в тех случаях, когда налицо относительно высокий уровень дифференциации. Навязчивые идеи, требующие высокого уровня самосознания, не встречаются у детей, но обычны у высокодифференцированных личностей. То же самое относится к обширной группе субъективных жалоб на заторможенность, которым подвержены легкоранимые, склонные к самоанализу индивиды.

В юриспруденции известно, что культурная среда, в которой человек растет и живет, может лишь активизировать или затормозить проявление предрасположенности. Источником жизни человека служит история. Проявления душевной болезни, ведущие к криминалу, у высококультурных людей характеризуются бесконечно большим разнообразием и богатством.

Психическая жизнь богата ситуациями, в которых люди действуют, казалось бы, целенаправленно и исходя из рациональных мотивов. Это и порождает порой судебные ошибки. Юристы бессознательно воспринимают преступника как способного к логической оценке своих мотивов поведения, норм права. Соответственно, широкое распространение получила тенденция усматривать «осознанную причинность» в любой человеческой деятельности, в том числе и в криминальном поступке. Но на деле рациональное поведение играет в действиях людей очень незначительную роль.

Иррациональные порывы и эмоциональные состояния, как правило, преобладают даже в тех случаях, когда индивид пытается убедить себя в чисто логической мотивировке собственных действий. Преувеличенное стремление выискивать повсюду рациональные взаимосвязи порождает склонность к умствованиям. Переоценка значимости чисто интеллектуальных рассуждений, противопоставляемых силам внушения, приводит к игнорированию всего богатства человеческого опыта и человеческих переживаний.

Судьба юридической антропологии в значительной степени зависит от того, насколько разносторонним и адекватным будет в ней образ человека. Для этой цели поборникам новой гуманитарной дисциплины важно воспользоваться традициями философской, религиозной, социальной, культурной антропологии. Однако процесс освоения антропологических знаний в юриспруденции уже начался.

Валерий ПОДРОГА

ПОЛИТИКА ФИЛОСОФИИ. НОВЫЕ ВЫЗОВЫ*

В русско-советской культуре XIX–XX веков, когда философствование стало бессильным аполитичным навыком, игрой ума, была еще традиция, упорствующая в противостоянии господству высшей власти. Там первоначальный опыт, несмотря на всю его невероятную жестокость, глупость и бессмысленность, находил наиболее полное выражение в художественных образах — это традиции литературы, причем не только самиздатовской, но и всей запрещенной или забытой литературы. Русская и советская литература была и осталась хранителем уникального первоначального опыта, который в границах различных нарративных программ передавался от одного литературного исторического блока к другому. Причем опыт этот остается равно полезен, даже когда кажется полностью негативным и «ненужным» (например, идеологическое принуждение, террор, «трудовое рабство» в лагерях ГУЛАГа).

Опыт, который сохраняла русская литература XIX–XX веков, не мог быть эксплицирован в философских терминах, поскольку философия не была удобным критическим инструментом, именно поэтому на литературу возлагалась обязанность представлять целостную картину общества (или мирозерцание) и, прежде всего, критическую функцию. Да и сама философия была частью «великой русской литературы». Литературоцентристское общество, в котором мы до сих пор еще пребываем, не знает философии, не ищет ее, обходясь ценностями «прямой» передачи опыта, распределяя по беспрецедентному числу больших и малых нарративов. Представляя демонстративно народные «боль и страдание», на самом деле заставляет служить их удовольствиям рынка. Я имею в виду массмедийную пропаганду насилия, которая освобождает от старой боли и позволяет незаметно привыкнуть к новой, а потом и сдохнуть на глазах политтехнологов, агитаторов/пропагандистов ТВ.

Тезис: философия имеет доступ к опыту свидетельств больше через литературу и искусство, чем через архив или документы истории. Или благодаря собственному вопрошанию. Вопрос о достоверности опыта и доступа к нему затрагивает меня, ищущего философский ответ на вызов, который бросает непроясненность вопроса о «мировом» значении ГУЛАГа. Литература постгулаговская несет в себе отрицательный опыт, который она не столько усваивает и «понимает», сколько предъясвляет, передает и рассказывает, т.е. функци-

* Окончание. Начало см. Вестник аналитики № 2–2011.

онирует как вид памяти, которая исторически востребована, но чья природа так до конца и не объяснена. Почему эта память с максимальной точностью пытается воспроизвести прошлое, но не в силах его объяснить, и сколько бы ни повторялось прошлое, оно все равно оттесняется в глубь бессознательного, как дурной сон, сон-кошмар. И более того, его никто уже и не помнит.

Как пример — «Архипелаг ГУЛАГ» А.Солженицына и «Колымские рассказы» В.Шаламова, — завершение классической гуманистической ветви русской литературы. Много чего написано о том и другом писателе, опубликована переписка Шаламова с Солженицыным, есть много других материалов. При чтении «Колымских рассказов» (кстати, в отличие от «Архипелага ГУЛАГа») вы сталкиваетесь с чудовищным и невозможным по простоте описанием обыденной лагерной жизни. Как жертва ГУЛАГа (Шаламов просидел в сталинских лагерях около 20 лет или больше, точно уже не помню), он признавал в литературе высшую ценность свидетельства. Стать свидетелем — вот путь бывшего узника. Поэтому следует рассматривать литературный опыт с точки зрения документа и абсолютного свидетельства. Он даже предполагал, что никакой документ, никакой архив, никакие материалы не могли сравниться с тем, что мог бы сделать писатель в качестве свидетеля «истины». Писатель — тот, кто является, может быть, «наилучшим» свидетелем.

Внутри литературы складывались особые требования, на основании которых стало возможно усвоение «негативного» (лагерного) опыта. Литература готова передать обществу «свидетельское знание» об этом опыте, невообразимом по бесчеловечности и варварству, который все-таки должен быть как-то культурно освоен. В рабочих записях, комментариях к собственному стилю и размышлениях о литературе «после ГУЛАГа» Шаламов дает точные и меткие определения литературы как документа и свидетельства. «Когда меня спрашивают, что я пишу, я отвечаю: я не пишу воспоминаний. Никаких воспоминаний в «Колымских рассказах» нет. Я не пишу и рассказов — вернее, стараюсь написать не рассказ, а то, что было бы нелитературой. Не проза документа, а проза, выстраданная как документ»¹. Или еще в другом месте: «каждый мой рассказ — это абсолютная достоверность. Это достоверность документа»².

Действительно, в «Колымских рассказах» нет ничего собственно литературного, там как будто нет ничего, кроме фатального стечения обстоятельств. Нет ни политики, ни эстетики. В то время как «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына явно включен в «большую политику». Политическое кредо — представить ГУЛАГ как исторический образ мирового Зла («коммунизма»), мало обнаружить, обличить, проклясть, надо открыть возможность стать на путь Добра. Создать горизонт для другой Великой политики. У Шаламова же — только констатация некоего лагерного бытия, я бы сказал, обытовление ужаса существования.

Это совершенно аполитичный писатель. И свои свидетельства он строил вне политического отношения к лагерю. Мы можем как угодно это обсуждать, но с точки зрения освоения опыта у нас есть, возможно, всего две определен-

¹ Шаламов В. Собрание сочинений. Т. 4. — М.: Художественная литература; Вагриус, 1998. С. 370.

² Там же. С. 373.

ные перспективы: одна показывает нам, как литература становится некоей отрицательной реальностью, идиосинкразией террора, т.е. первичной, совершенно судорожной реакцией на беспрецедентное насилие, которое творилось в лагерях ГУЛАГа. И снять старый ужас перед сталинским террором можно лишь выдвиганием новых позиций литературы, способных выразить новое политическое кредо (в 1990 году Солженицын публикует «Как нам обустроить Россию?»)³. А прямо напротив Шаламов: фатальный и отчужденный, объективированный в документе/свидетельстве опыт, который никак не связан с политической стратегией. Более того, политическое рассматривается им в качестве отрицания или искажения первоначального свидетельства⁴.

Вот где литературы ГУЛАГа расходятся. Важно лишь указывать, насколько далеко и как радикально? Ведь Шаламов всегда внутри, он имманентен собственному лагерному опыту, в то время как Солженицын пытается стать поверх и над, чтобы включить ГУЛАГ в «огненное колесо» российской истории и тем самым осмыслить его в терминах политического от литературы.

Все творческое усилие Шаламова как раз располагалось на уровне метафизической меры лагерного бытия. Никакое из лагерных событий не было незначительным, ни одно из них не могло быть оспорено или отвергнуто, пересмотрено, да и вообще устранено или забыто. В лагере нет происшествий, поскольку всюду хрупка жизнь перед смертью, все там последнее, ВСЕ ТАМ Ничто (его можно интерпретировать и как смерть, и как событие). ГУЛАГ неустраим, его позитивность, если о таковой можно вообще говорить, в том, что он — та единственно возможная форма жизни для миллионов лагерников, и нет иной. Шаламов сосредотачивается или, лучше сказать, фиксируется на литературном минимализме свидетельства. Причем, минимализм сам по себе и есть идеальное свидетельство, каковым может являться опыт негативный, если он точно передан такими литературными средствами.

Итак, литература используется в качестве средства (даже скорее формы) для того опыта, о котором рассказывает свидетель. Поэтому литература как раз и есть наиболее эффективное средство достижения достоверности, присущей только документу (да и то не всякому, а «безупречному» по явленной истине). И это не просто опыт пережитый, а опыт, приведенный к некоему идеальному этическому состоянию жизни. Лагерный минимализм жизни позволяет видеть ближайшее, незаметное, пустышное с невероятной, почти

³ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Литературная газета. 1990.18 сентября. № 38.

⁴ Например, А.Бадью отличает литературу Шаламова и Солженицына по критерию их приверженности и неприверженности «русскому национализму». Думаю, что можно согласиться со следующим высказыванием: «Солженицын явно не печется о правах человека и насмехается над парламентами. В средоточии его суждений располагается духовная Россия, страдания которой равнозначны искуплению грехов всего человечества. Что движет его прозу и одушевляет ее эзотеризмом и масштабностью, так это христологическое призвание русского народа. Потребовалось распятие Сталиным, чтобы именно Россия смогла возвестить миру Зло материалистической идеологии. Тем самым Солженицын безусловно отвергает демократическое бессилие. Борясь с богохульной тотальностью красного деспота, он взывает к тотальности души Господа, к тотальности того истинного, трансцендентность коего избрала Россию ради скорбного наставления веку сему» (Бадью А. Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. — М.: Логос, 2005. — С. 26).

гравюрной, резкостью деталей. Другими словами, Шаламов пытается понять лагерь с точки зрения его метафизической трансцендентности — не как вероятное и случайное, а как необходимое и даже вечное бытие. Литература нужна для того, чтобы служить свидетельством пограничного опыта (т.е. опыта, который нельзя пережить посредством программ вытеснения в глубины исторической памяти и превращения «события» в набор датировок)⁵.

В ГУЛАГе страдание измерялось иначе, чем в Освенциме: там не было смерти en masse, по количеству и разности проявлений. Можно сказать, если там и была смерть, то все-таки она была определена, прежде всего, через голод и холод, две тесно взаимосвязанные между собой величины гулаговского опыта. Хотя решающее отличие между «лагерьями» было, скорее, в использовании дисциплинарных методов: во-первых, Освенцим — место, где убивают именно и по преимуществу евреев; во-вторых и в силу первой причины, заключенные Освенцима обречены на уничтожение; труд, голод и холод выступают в таком случае как вторичные факторы, раз узник уже обречен на смерть (этап первой выбраковки, затем — газовая камера, крематорий). Тем более, что Шаламов, рассказывая свои небольшие «истории», как бы еще раз указывает на возможность относительной свободы выбора, которой, конечно, никакой заключенный ни Освенцима, ни Дахау не обладал. Далее, дисциплинарное пространство Освенцима было жестким, не допускающим никаких исключений из правил, установленных администрацией лагеря. Большое количество заключенных компактно размещались на достаточно ограниченной территории под пристальным взглядом капо (надсмотрщиков и охраны). Ничто не предполагало хоть какое-то отклонение от «законов», правил лагеря (все «отклонения» карались смертью), и ничто не предполагало хоть что-нибудь близкое «человеческому соучастию». Более того, механизм тотальной дисциплины указывает на то, что лагерь в идеале должен был быть истинной машиной уничтожения (если угодно, фабрикой смерти, где бы новые идеи впервые проходили проверку на «материале» в лабораторных экспериментах, а потом внедрялись в смертоносную практику каждого дня). Об этой смертоносности лагерного пространства знал каждый заключенный. Там нет и не может быть никакой свободной речи, нет никаких субъектов, которые бы заявляли о себе, говорили от своего имени, имели бы имя. Безымянность и есть глубокое молчание и немота, к которым приговорены узники.

Свидетельство свидетельству рознь. Стоит обратить внимание на задачи, которые ставил А.И.Солженицын перед «Архипелагом ГУЛАГом». Во-первых, был объявлен жанр: художественное расследование (так он сам его определяет). Автор «Архипелага» оказывается не только следователем, ведущим

⁵ Явное пересечение минимализма формы с эстетизмом. Это касается прямо-таки бирсовской техники развертывания сюжета, к изучению которой Шаламов отнесся со всем вниманием. Обычно рассказывается две истории, которые представляют собой, в сущности, одну монтажно выстроенную фразу. С одной стороны, время чувствующего и сознающего лагерный мир сознания авторского, а с другой — тот, о ком идет рассказ, его овнешненность образа, чуждость, даже «вещность» и, наконец, третье, что их сводит в рассказ, — это случайность (даже фатальность) вмешательства внешних факторов. И эти измерения рассказа, как можно догадаться, воспринимаются раздельно и вплоть до того момента, когда две кривые вдруг пересекаются, как замыкание в электрической цепи. План ожидаемых действий героев и обстоятельств их судьбы не соответствует плану реальных событий, происходящих в лагере.

расследование, пытающимся собрать как можно более полное досье на преступления сталинского режима, в конце концов, установить истину, но еще и автором «ангажированным», «крайне заинтересованным», поскольку сам «пострадавший». Что же это за преступления, которая совершила группировка, пришедшая к власти в 1917 году? Как их квалифицировать: «преступления против собственного народа», «государственные преступления», «уголовные» или «политические»? А являются ли они вообще преступлениями? Возможен ли суд над палачами и насильниками, убийцами, если этими палачами являются те, кто сам стал жертвой. Где, собственно, палач, а где жертва? Почему их не удастся отделить друг от друга? А ведь эта смена жертвы на палача, а палача на жертву, по продолжительности и силе действия упразднила проблему «человеческого достоинства», «стыда и позора», «ответственности и вины» (возможно, навсегда).

Важно различать ГУЛАГ и сталинскую машину террора: первое — результат второго. Другими словами, машина террора со всеми ее правилами, механизмами и «недостатками» действовала в определенном направлении: перекодировала, замещала и исключала. Индивид (личность), попадая в поле ее действия, претерпевал ряд существенных изменений своего социального и человеческого статуса. Перекодирование значит, что ты опознаешь по определенной выборке оппозиций, например, свой — чужой, друг — враг и т.п. Получая отрицательный код, ты уже замещен другим индивидом, который получает положительный, для которого еще не пришло время новой перекодировки. Жертвы перекодирования — все. Машина террора циркулярна, она функционирует по принципу устранения «постоянных мест»; это похоже на игру в пятнашки: чтобы добиться результата, нужно постоянно смещать фишки со своих мест прежде, чем мы их правильно разместим. Так и в машине террора — никто не должен чувствовать себя в безопасности и ни за кем не закреплено постоянное место. Вот почему палач, как и жертва, — это роли всех, вовлеченных в действие машины террора. Нет неприкосновенной группы населения, ибо террор — это машина расширяющегося насилия, а не избирательного. И последний акт драмы — исключение. Перекодированный, уже замещенный, ты исключаяешься из своих гражданских и человеческих прав, ты как бы человек-никто, или, проще выражаясь, нелюдь. Только на этой стадии процесс действия террористической машины можно считать завершенным. Другой вопрос — каково наказание: смерть или длительный срок в лагерях? Собственно, все это относится к формально-юридической процедуре исключения, однако сам процесс деперсонализации окончен.

В последней части «Негативной диалектики» (1966) Т.В. Адорно запрашивает современность: как можно писать стихи после Освенцима, если еще жить?⁶ Не тщетно ли пытаться усилить позицию моральной ответственности там, где она наиболее ослаблена, — отвергнуть «исторический взгляд» на происшедшее. Взгляд забвения. Но если какие-то события длятся, но не происходят, то такие события нами не опознаются. Ничего больше не происходит, ведь все уже случилось, потому что случилось совершенно недопустимое,

⁶ Адорно Т.В. Негативная диалектика. — М.: Научный мир, 2003. — С. 323; Adorno T.W. Negative Dialektik. SuhrkampFr. Am/Meine, 1970. — S. 353.

невозможное, чудовищное. Это и есть время, что располагается между до и после Освенцима — существовать еще можно, но жить уже нельзя. Есть ли время после, после этого «после», и возможно ли оно? Переход из одного времени в другое невозможен, ибо нет времени после.

Ж.-Ф.Лиотар, один из тонких наблюдателей политик забвения, предполагает, что выживание тех, кто пережил Освенцим, возможно лишь благодаря особенностям открытого Фрейдом бессознательного аффекта, шока, который состоялся, но не был пережит, а только сокрыт. Но присутствует в настоящем, в любом «сейчас», придавая каждому из них дополнительное измерение, возможность возврата непережитого. Забытое незабываемое — это и есть измерение, куда погружается событие, которое невозможно пережить. Но вот здесь нам, пожалуй, не хватает трезвости взгляда на понятие события. Ведь если мы предполагаем, что все-таки событие произошло, но на самом деле не происходит, т.е. не произошло как особое событие, отменяющее все другие. Фрейд действительно указывал на определенные виды аффектов, которые отсылают к механизму *Ur-verdrangung* (первоначального вытеснения), он знал, что это за механизм, — это механизм, вытесняющий все то, что отсылает к страху, первоначальному, *Ur-Angst*, который не может быть пережит. Незабываемое вообще не имеет никакого отношения к забытому, оно не забывается, а вытесняется (забывается только пережитое)⁷. Собственно, быть возвышенным — это пережить то, что как будто не может быть пережито, но переживается и, тем самым, приговорено к забвению высоким чувством. Конечно, интенсивность переживания разнится по глубине, силе и длительности. Вот почему тот, кто выжил, необязательно способен жить «после», он может быть и тем выжившим, который если не «мертв», то и не «жив», пускай даже его опустошенность и паралич воли скрыты.

Ничейная земля, по *man's land*, чью карту невозможно составить, вот где располагаются новые персонажи истории, — живые мертвецы нацистских лагерей смерти.

Парадокс выжившего в том, что он испытывает чувство возвышенного, становится возвышенным лишь тогда, когда вытесняет травматическое переживание, тем самым завершает событие повторным его переживанием, выходя из него. Или, напротив, и еще более радикально: то, что было, того не было. Раз я выжил, то нет и после. Многие узники нацистских концентрационных лагерей пытались восстановить свою жизнь, исходя из того, что было до, стирая после как свидетельство чудовищного провала в собственной жизни. Из до/прежде/тогда (долагерной жизни) выстраивалась старая идентичность, на которую и нужно было опереться, чтобы уничтожить это «после». И это не просто вытеснение — это полный запрет, налагаемый на прошлое, которое переживалось как неслыханная для индивида утрата человеческих качеств. Выйти из «после» и закрепиться в «сейчас» на этом обратном переходе — только так и может проявиться чувство возвышенного. Эффект полной анестезии — то, что Делез называет опустошением, которое он рассматривает как упразднение возможного (Бога, будущего, личного единства, Смысла и пр.)⁸.

⁷ Лиотар Ж.-Ф. Хайдеггер и «евреи». — СПб.: Axioma, 2001.

⁸ *Deleuze G., Epuisse L., Beckett S. Quad et autres pour la television.* P., 1992.

Канетти видит тему выжившего в границах общих принципов выживания в лагере⁹. Выживающий — человек власти, можно сказать, что он тоже принадлежит миру возвышенного: его возвышает смерть врага. Выживающий — тот, кто оказался на плечах мертвых. И не только избежал смерти, но и обрел дополнительное могущество. Но в любом случае выживающий — не выживший, выживающий — это воля к власти, присущая человеческому вообще, выживший — это персонаж локального опыта катастрофы.

Не получается ли так, что поиски истинного свидетеля — лишь повторение того, что представляется невыразимым? Что весь гуманитарный пафос возвышенного: «Это непредставимо!» отдается эхом: «Поэтому теперь все возможно!» Все может случиться, все еще может произойти, ведь часть из того, чего не должно было произойти, уже произошло. Фигура заложника, мне кажется, в чем-то повторяет мусульманина нацистских лагерей (Освенцима) и *доходяг* ГУЛАГа¹⁰. И тот, и другой должны стать вещью, «зомби», «рабами», зная, что их уже нет, что они после и никогда в этих медленных, протекающих «сейчас» и «здесь», нельзя найти выход ни к тому, что прошло, ни к тому, что произойдет. Заложники (как и все «исключенные», которых можно убивать) и есть мусульмане, всем чужие или исключенные, те, которых Дж. Агамбен назвал *homo sacer*. Ведь все «безразличные» и «истощенные» — даже не зомби, они зоо, их существование сведено или должно быть сведено постепенно к этому состоянию через депривацию, непосильный труд, голод, холод и болезни. Такое же и не менее сильное действие может оказать страх пытки, побои, унижения, постоянная угроза смертью. Неужели есть что-то хуже, «сильнее», чем такая смерть? Выживание (в концлагере) есть худшее время проявления высшего Зла. И это выживание, если кто и выжил, не предполагает, что тот, кто выжил, будет жить; есть что-то, после чего нельзя выжить (а может быть, нельзя выживать), если это допущено в качестве происшедшего, то, как можно после еще жить. Персонаж современности, имеющей устойчивое место в драматургии сегодняшнего мгновения, — это всегда тот живой мертвый, тот заложник или тот разорванный на части после террористической атаки. Тот, к кому мы не испытываем чувств, он нам безразличен¹¹.

Свидетельство состоит, по Шаламову, из «факта» и «формы» (художественной), в которую ее необходимо облечь. Казалось бы, понятно, что форма и дает правду свидетельству, а именно факт должен соответствовать той форме, в какой может быть достигнут соответствующий эффект истины —

⁹ Канетти Э. Массы и власть / Пер. Л.Г.Ионина. — М., 1997. — С. 245.

¹⁰ Франкль В. Доктор и душа. — СПб.: Ювента, 1997. — С. 172–173; Беттельхейм Б. Пустая крепость. Детский аутизм и рождение Я. — М.: Академический проект — Традиция, 2004. — С. 109.

¹¹ Т.В.Адорно полагает, что две литературы в равной степени пытались понять состояние мира перед и после Освенцима: это литература Кафки и Беккета. Персонажи Беккета влчат «жалкое существование», они не живут, да они и не персонажи, собственно (сначала воспринимаемые нами как литературные). Заунывные картины «серого, нейтрального» бытия, беспросветная и немая жизнь неких существ, чьи неполноценность и ущербность (включая физическую) являются абсолютной нормой. Все это картины выживших, «доходяги» XX века, не странники, не путешественники, поскольку не могут путешествовать, и не какие-нибудь опытные мастера аскезы, их способность продолжать жить может даже восхищать. Правда, и у Беккета есть некая литературность, закрытая отчаянием абсурда. То что не может быть, совершенно невероятное и непостижимое, непредставимое и потому только абсурдное, занимает место реального «после Освенцима».

достоверности рассказанного. Но есть и другая проблема: драматизация (эстетизация) «факта» посредством формы, которая делает свидетельство не вполне достоверным, хотя и не отнимает некую правду жизни. В качестве свидетеля Шаламов лишен интереса к тому, почему все это происходит, и не пытается понять ничего из того, что случается в лагере. И не имеет никакой потребности. Здесь не столько поражение, сколько осваивание лагерной территории как территории жизни, причем в каком-то смысле высшей жизни, «исключительной», экстремальной. Все, что происходит в лагере, для заключенного — судьба и, следовательно, фатальная трансцендентность — только одна она может возвысить узника над обстоятельствами лагерной жизни и дать надежду. В.Шаламов решил выжить и не стать доходягой. Выживание в границах допустимого лагерем чувством собственного достоинства никаким образом не затрагивало саму тему «смерти». Сама по себе смерть мало что значила в советском лагере, поскольку не была ни мучительной, ни принудительно-садистской, а, вероятно, была столь же случайной, как и в жизни на воле. Более того, смерть была как бы внутрिलाгерным событием и часто сопровождала некоторые отношения между самими заключенными («сучьи войны») — лагеря ГУЛАГа не были лагерями смерти.

Почему о невозможном нельзя свидетельствовать? Софистическая игра в онтологическое доказательство бытия Освенцима приводит Агамбена к ироническому замещению возвышенного чувства, которое будто испытывал Адорно, рассматривая Освенцим как конечный пункт всей европейской гуманитарной катастрофы¹². Ведь если истинный свидетель — тот, кто свидетельствует лично, то таких свидетелей нет, ибо те, кто мог бы свидетельствовать, не могли бы свидетельствовать просто в силу того, что они уже «мусульмане», живые мертвецы. Свидетельствовать могут лишь те, кто оказал сопротивление, кто выжил, несмотря ни на что, не «мертвые», хотя они сами и есть свидетельства того, что было и что невозможно себе представить без них. Освенцим как событие не только было, но и есть как реальное присутствие¹³. Незабываемое, которое «сейчас и здесь». Но нет ли рядом с этим после Освенцима и другой памяти: после ГУЛАГа. Что значит после ГУЛАГа¹⁴? Никто и никогда не ставил так вопрос, я имею в виду это «после». Вероятно, в том, что он не ставился именно так, есть свое оправдание. Ведь одно дело, когда один народ убивает другой (нацистский режим), а другое дело, когда народ убивает себя (сталинский режим). Не могут ли все эти чередой идущие после быть истолкованы в духе первоначального вытеснения, как если бы одна часть населения под страхом и угрозами (и выражением верноподданнических чувств) отказала другой в праве на существование лишь на том основании, что та противилась страху, которым жила первая.

¹² Агамбен Дж. Свидетель // Синий диван. 2004. № 4. — М.: Три квадрата.

¹³ Agamben G. Homo sacer. Sovereign Power and Bare Life. — P. 184–185.

¹⁴ Ведь ГУЛАГ — в целом лагерь трудовой, в отличие от нацистских лагерей смерти, которые были экспериментальными, лабораторией невиданного евгенического эксперимента. Освенцим — фабрика технологий смерти (точнее — умерщвления) и, конечно, не имеет ничего общего ни с обычными лагерями для перемещенных или подозрительных лиц, содержащихся в заключении на время военных действий. Освенцим — биотехнологический образец массового уничтожения населения. Но что говорить о Шаламове, который показывает нам настоящую гражданскую войну, которая велась до полной победы над врагом, хотя этот враг был ты сам и твой народ.

В сущности, из всей литературы, которую мы можем привлечь к осмыслению того, что это было — тема «после ГУЛАГа» — вся в целом, включая «Архипелаг ГУЛАГ» А.И.Солженицына и «Колымские рассказы» В.Шаламова, — литература свидетельствующая. Но к кому обращено свидетельство, кто признает его, кто на его основании вынесет приговор, если в фильме «Шоа» Ланцмана мы видим, что вокруг того, что было, выстраиваются не связанные между собой серии свидетельств (они и не могут сообщаться, они не оспаривают друг друга, а лишь очерчивают то, что было, что случилось как Невозможное, даже не ужасное или чудовищное, а то, что вообще не могло произойти).

Свидетельства ГУЛАГа — вовсе не свидетельства. О чем свидетельствовать — об убийствах и страданиях, о страхе и боли, терроре или борьбе? Где мы найдем высший суд? Вопросы — кто судим и кто судит — вступают в жесточайшее противоречие, отбрасывая свидетельство, для которого не осталось никакой высшей справедливости¹⁵.

¹⁵ Эсхатология истории в «Архипелаге ГУЛАГе» Солженицына и апокалиптическая образность времени в новеллах Шаламова. Эта новая литература, литература последних времен, располагается как раз временем истории только с точки зрения ее конца: в одном случае — конец звериного царства, царства Зверя, в другом случае — приход ангельского войска и высший и последний Суд. В «Апокалипсисе от Иоанна» мы сталкиваемся с фигурой, возможно, многое проясняющей, явно выходящей за границы литературного опыта, фигурой тайнозрителя — некая модальность освидетельствования самого свидетеля. Собственно, Шаламов и есть такой свидетель, побывавший в аду (такого свидетеля нацистский лагерь смерти не допускает вовсе), но вернувшийся, выдержав все испытания, муки ради истинного свидетельства. Но это не нисхождение в ад «Божественной комедии» Данте, не восхождение, не приход из ада... а сам ад. Подобными свидетелями остаются бывшие узники нацистских концлагерей — Прима Верн, Франкль, Беттельхейм и др., оставившие бесценные свидетельства.

Владимир РОЩУПКИН

ЗАПАСНОЙ ВАРИАНТ ФЮРЕРА

«Блом унд Фосс» Нью-Йорк не снес...»

Как уже сообщалось в нашем издании, на конечном этапе Второй мировой войны в гитлеровской Германии в условиях глубочайшей секретности разрабатывались планы нанесения ударов по Нью-Йорку и другим городам Восточного побережья США ракетами А9/А10. Однако этот зловещий замысел по ряду причин так и остался в стадии долговременного проекта. Межконтинентальная баллистическая ракета А9/А10 была испытана только в январе 1945 года, когда часы Истории отсчитывали время уже не в пользу «тысячелетнего рейха».

Но у фюрера был и запасной вариант реализации его навязчивой идеи — бомбардировки американских городов.

Гитлер до последнего вынашивал этот план крупнейшей террористической акции. Именно так следует квалифицировать данный план, ведь речь шла не о поражении военных объектов противника, а о сознательном уничтожении мирного населения. Цель — попытаться сломить волю союзников, запугать американское военно-политическое руководство и гражданское население. А затем попытаться диктовать свои условия на завершающем этапе войны.

В 2003 году в США вышла в свет книга немецкого автора Йохена Тиса под названием «Цель — Нью-Йорк. Нацистская Германия планировала атаковать Америку». Авторы приводят выдержки из дневника нацистского военного преступника Альберта Шпеера. Любимец Гитлера, его придворный архитектор, делится впечатлениями о том, как фюрер смотрел документальные фильмы о Варшаве и Лондоне, пылавших после воздушных ударов люфтваффе. Вошедший в раж глава рейха кричал о своем желании видеть нью-йоркские небоскребы «горящими, как факелы», после налета магистрального бомбардировщика, который должны были создать Вилли Мессершмитт и другие немецкие авиаконструкторы.

Йохен Тис напоминает, что еще до начала Второй мировой войны, в 1938 году, рейхсминистр авиации Геринг поставил конструкторам задачу по созданию сверхдальнего тяжелого бомбардировщика, способного долететь до Нью-Йорка с пятью тоннами бомб и вернуться обратно. Удалось создать несколько проектов такого самолета. После трехлетней работы Мессершмитт в 1943 году

создал модель четырехмоторного Me-264 с предполагаемой дальностью полета 11 тысяч километров. Было построено два экспериментальных образца этой машины. По расчетам, она могла совершить перелет до Нью-Йорка и обратно. На их создание разработчиков вдохновили, в частности, экспериментальные трансатлантические перелеты четырехмоторных гражданских самолетов «Фокке-Вульф», совершенные в 1930-е годы.

Но эксперты забраковали проект. А массированные бомбардировки союзниками авиационных предприятий Германии мешали довести Me-264 до кондиции. К концу войны немецкие заводы сосредоточились на производстве первого реактивного истребителя и ракет Фау-1 (V-1) и Фау-2 (V-2), стремясь прекратить бомбардировки немецких городов и нанести удар по Англии.

Помимо Мессершмитта, проект «американского бомбера» был разработан и фирмой Эрнста Хейнкеля, «отца» первого в мире реактивного самолета. По замыслу конструктора, его машина He-177 могла нести две тонны бомбовой нагрузки и совершать рейды на глубину 2250 км от линии фронта со скоростью 520 км/ч. Но по различным причинам, кроме создания опытного экземпляра, проект успехом не увенчался.

Так что же, в рейхе отказались от своей затеи? Отнюдь нет. Было и продолжение этой истории, хотя в книге Йохена Тиса об этом ничего не говорится. Но об этом, уважаемые читатели, вам расскажем мы.

Проект Виктора фон Лоссберга

Тогда в Берлине решили, что для бомбардировки Нью-Йорка проще использовать уже имевшиеся в наличии гидросамолеты «Блом унд Фосс»-222 (BV-222), известные также под названием «Викинг». Но эти данные были вскрыты разведкой США, и «Викинги» стали целью для американских «летающих крепостей». Хотя, казалось бы, чем принципиально новым можно было удивить американцев в области создания летающих лодок, в Соединенных Штатах с их протяженными морскими границами и обширными внутренними акваториями гидросамолеты всегда были в чести. А промышленность постоянно наращивала их выпуск и модификации.

Однако такого гидросамолета, как немецкий BV-222, у Америки и близко не было. Эта гигантская шестимоторная машина превышала по габаритам знаменитую американскую «летающую суперкрепость» B-29. Представьте себе двухпалубную громадину, отдаленно похожую на современные сверхтяжелые «Боинги». Длина фюзеляжа гидроплана (по данным американской разведки) была 112 футов, размах крыла — 150 футов, вес самолета с максимальной взлетной нагрузкой — 100 тысяч фунтов, скорость приближалась к 200 морским милям в час, а дальность полета (без дозаправки!) составляла без малого 7 тысяч километров!

В носовой части самолета и ближе к хвостовому оперению размещались башни со сдвоенными пулеметными установками крупного калибра. Но в первоначальном варианте конструкции BV-222 их не было. Дело в том, что эту уникальную (по меркам тех времен) машину в 1937 году конструкторы фирмы «Блом унд Фосс» начали разрабатывать для трансатлантических пассажирских перевозок. Она была рассчитана на 60 пассажирских мест, не счи-

тая отсеков для багажа и грузов. Модернизировать «Блом унд Фосс»-222 в бомбардировщик-гидроплан предложил кавалер Рыцарского креста офицер люфтваффе Виктор фон Лоссберг (Viktor von Lossberg).

Гитлер, одержимый маниакальной идеей поставить англо-американских союзников на колени, поддержал идею и приказал переоборудовать несколько летающих лодок в бомбардировщики, а также транспортники и воздушные разведчики сверхдальнего действия. Так на машинах появились бомболоки и багажные пулеметные установки. (Военная модификация «Викинга» получила наименование BV-222C). Летающие суперлодки были также приспособлены для сброса глубинных бомб, торпед и бомб свободного падения. Держали эти сверхсекретные машины в эллингах, расположенных в городах Гамбург, Бремерхаузен и Вильгельмсхаузен.

С началом войны было изготовлено не более десятка гидропланов BV-222C. Уже с середины 1941 года они применялись как транспортные самолеты, в основном на Средиземноморском театре военных действий. Однако в интересах своей стратегической задачи — бомбардировки американских городов — обкатывались (вернее, облетывались) на Атлантике, в Арктике и на Балтике. Первоначально летающие лодки были сосредоточены на стоянке близ горного озера в земле Баден-Вюртемберг, где ранее хранились дирижабли — цеппелины. Там машины переделывались в бомбардировщики, после чего перегонялись на побережье Северного моря в район города Бремерхаузен.

«Гренландский маршрут»

Экипажам, отобранным из лучших асов люфтваффе, ставилась задача по нанесению бомбовых ударов по Нью-Йорку, Вашингтону, Бостону, Филадельфии. Дотошный фюрер предусмотрел и второй вариант. Если по каким-либо причинам бомбардировка американских городов сорвалась бы (именно так произошло при подготовке ракетного удара по Нью-Йорку), то гигантские гидропланы должны были бомбить союзные конвои в Атлантике. Причем экипажам следовало выбрать цель там, где не было авиации союзников. Обладая относительно небольшой скоростью — 390 км/ч и потолком 5800 метров, летающая суперлодка представляла хорошую цель для средств ПВО и истребительной авиации противника.

Для нанесения бомбового удара по городам Восточного побережья США стратеги люфтваффе в глубокой тайне разработали два маршрута перелета через Атлантику. Первый, кратчайший, предусматривал две посадки на воду в заранее оговоренных точках океана для дозаправки горючим от подводной лодки-танкера (до 12 тонн авиационного бензина за одну дозаправку). Второй маршрут был гораздо длиннее: дозаправки на пути туда и обратно планировались у южного побережья Гренландии.

Почему ставка была сделана именно на Гренландию? Этот крупнейший в мире остров был датским владением (в ту пору, сейчас он пользуется правами автономии). А Дания, как и многие другие страны Европы, была оккупирована вермахтом.

Так родился «гренландский маршрут» — в противовес исландскому: над Исландией контроль установили американцы. Тем не менее, исландский

вариант, как наиболее удобный в качестве промежуточного плацдарма, окончательно отвергнут не был. Не называя подлинных целей вождя Исландии, фюрер в июле 1941 года приоткрыл стратегические карты японскому послу Осиме. Янки, сказал немецкий вождь своему собеседнику (генерал-лейтенант Хироси Осима был его личным другом), будут вынуждены «обратиться из Исландии, даже если для этого ему, Гитлеру, придется воевать на протяжении многих лет».

Как возможный вариант промежуточного базирования рассматривались и Азорские острова. В одной из бесед с командующим кригсмарине (ВМС) гросс-адмиралом Редером Гитлер грозился захватить их, чтобы «использовать бомбардировщики дальнего действия против США». Это, полагал фюрер, станет возможным уже осенью 1941 года.

По имеющимся в распоряжении исследователей данным, планы захвата Азор главный штаб люфтваффе начал разрабатывать еще в 1940 году. Но гитлеровские стратеги явно забежали вперед, ибо в то время ВВС «третьего рейха» не располагали дальними бомбардировщиками с соответствующим радиусом действия.

«Викинг» на дне фьорда

Однако, в конечном счете, реализовать идею фюрера о нанесении бомбовых ударов по городам США с гидросамолетов-гигантов так и не удалось. Дело в том, что в конце 1944 года американская разведка отследила вывод самолетов из эллингов в Северном море, и авиация союзников уничтожила эти воздушные монстры Гитлера. Время уже было такое, что фюреру и его окружению было не до воссоздания гидросамолетов-гигантов: Красная Армия в упорнейших боях продвигалась к границам «тысячелетнего рейха».

Так лопнула еще одна затея Гитлера, на которую он делал ставку в числе прочих проектов чуда-оружия.

Но естественно напрашивается вопрос: сохранились ли сегодня эти интересные с точки зрения развития авиации машины? Как нам удалось установить, в мае 1945 года немцы затопили один «Викинг» на дне Тронхейм-фьорда в Норвегии, на берегу которого расположен город Тронхейм.

По просьбе авторов судьбу самолета прояснил наш коллега, норвежский военный историк и писатель Бьерн Братбак (Bjorn Bratbak). Потомки скандинавских викингов обнаружили немецкий «Викинг» на дне фьорда с помощью современной гидроакустической аппаратуры. Он вроде бы неплохо сохранился. Власти планируют поднять и отреставрировать самолет и только потом передать его в качестве экспоната в музей авиации, который готовятся открыть в районе столичного аэропорта Гардемуен. Это будет единственный сохранившийся в мире экземпляр «Викинга». Пролежав все эти годы после краха «третьего рейха» на морском дне, он станет не только памятником истории авиации, но свидетельством нереализованных надежд гитлеровских стратегов на крупномасштабную террористическую акцию против США, а в конечном счете — завоевание мирового господства.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ



ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ РАЦИОНАЛЬНОГО

**Ритцер Джордж. Макдональдизация общества 5.
— М.: Праксис, 2011, 592 с.**

Кто бы мог подумать еще несколько лет назад, что индустрия фаст-фуда окажется не просто темой массового потребления, но превратится в серьезную социальную проблему, связанную с феноменом рациональности или глобализацией мира. Джордж Ритцер носит титул «выдающегося профессора» университета штата

Мэриленд. Еще раньше он числился здесь «выдающимся ученым-преподавателем». В 2000 году Американская социологическая ассоциация наградила его за «выдающийся вклад в преподавание», а австралийский университет Ла-Тробу присвоил ему степень «почетного доктора». Неожиданный ракурс книги — как организация массового питания способна изменить всю социальную жизнь. Не следует думать, будто автор лишь описывает процесс разрастания сети «Макдональдс». Он выступает как социальный мыслитель, которого заботят принципы современной общественной жизни. Рецензируемая книга — пятое издание исследования.

В книге есть ссылки и на Ж.Бодрийяра, и на М.Вебера, и на Ф.Тейлора. И, пожалуй, самое парадоксальное, что автор причисляет себя к социальным критикам. Иначе говоря, восхищаясь эффективностью, просчитываемостью, предсказуемостью и контролем, без которых макдональдизация невозможна, он в то же время выступает в качестве обличителя социальных соблазнов. Но скажем честно, опасности, которые сопровождают данный процесс, автор обозначает таким пунктиром, что их невозможно оценить даже как приправу к горячей еде.

Тем не менее, Дж. Ритцер относит себя к определенной традиции социальных наук, к которой, по его мнению, принадлежали М.Вебер и такие мыслители, как Георг Зиммель, Эмиль Дюркгейм, Карл Маркс, Чарльз Миллс и Юрген Хабермас. Конечно, трудно представить себе К.Маркса, который обнаруживает принципиальные дефекты в организации ресторанного дела в современном обществе, или Ю.Хабермаса, увлеченного базовыми принципами экстренного насыщения. И все же автор отваживается напоминать об угрозе макдональдизации.

Нет необходимости подчеркивать, что макдональдизация возникла не на пустом месте. Разумеется, ей предшествовал ряд социальных и экономических нововведений. Начнем, пожалуй, с теории рационализации Вебера.

Немецкий ученый действительно рассматривал бюрократизацию как частный случай процесса еще большего масштаба, а именно рационализации. Однако М.Вебер никогда не выступал апологетом европейской рациональности, он рассматривал ее лишь как судьбу западного мира. Поэтому словом «хвалил», которым пользуется автор, не вполне можно оценивать беспристрастную веберовскую экспертизу.

Можно согласиться с тем, что в своих работах М.Вебер продемонстрировал, что современный западный мир произвел на свет особый тип рациональности. В разное историческое время во всех обществах существовали свои типы рациональности, но ни одно из них не породило того, что Вебер назвал формальной рациональностью. Но что это за феномен? Речь идет о том, что поиск людьми оптимальных средств достижения цели ограничен правилами, нормами и крупными социальными структурами. Индивиды не располагают собственными инструментами поиска. Вебер назвал выработку этого типа рациональности важнейшим нововведением в истории человечества. Людям, жившим в другие исторические эпохи, самим приходилось открывать подобные механизмы. Но можно ли при этом крупные системы ценностей, вроде религиозных, называть «смутными», как это делает автор. Тем более что именно ценностные ориентиры протестантизма определили судьбу современного общества.

Бюрократия, отмечает Дж. Ритцер, *«делает большой упор на контроле над людьми за счет замещения человеческого разумного суждения диктатом правил, норм и структур. Работников контролируют при помощи разделения труда, назначая каждой службе ограниченное число четко определенных задач. Сотрудники должны выполнять эти задачи, и никакие иные, и только тем способом, который предусмотрен в данной организации. В большинстве случаев они даже не имеют возможности разработать свои, уникальные способы решения этих задач»* (с. 109).

Современный финансово-экономический кризис потряс мир. Человечество стало осознавать, что последовательно проведенная рационализация оборачивается в своих логических пределах иррациональностью, хаосом, отсутствием реального контроля за общественной жизнью. Социальные критики 1960-х годов писали о том, что бюрократия не может быть эффективной. Она увязнет в канцелярщине, административных рогатках и других отклонениях от рациональности. Сегодня все это уже случилось и поражает своей масштабностью. Экономический процесс буквально тонет в потоке бумаг, формальной отчетности и нередко отражает фиктивную реальность.

«Вебер больше всего боялся того, что бюрократия будет продолжать рационализироваться, и рациональные принципы начнут доминировать в самых разных секторах общества. Он предвидел такое общество, в котором люди заперты в чередующихся рациональных структурах, где можно передвигаться только от одной рациональной системы к другой — от рационализированных образовательных институций к рационализированным рабочим местам, из рационализированных сфер досуга в рационализированные дома. Общество тогда станет ничем иным, как неразрывной сетью рационализированных структур, из которых нельзя вырваться» (с. 110–111).

Говоря о рационализации досуга, автор, к сожалению, не поднимается до радикальных выводов. Между тем французский философ Ж.Доменак в свое

время показал, что потребительский подход приводит к разрыву контактов с миром. Солнце, с точки зрения потребителя, светит для того, чтобы оживить пейзаж, создать загар. Снег — это то, что дает возможность кататься на лыжах. Но главное — даже во время отпуска люди ставят те же прагматические задачи — скорее загореть, восстановить нервную систему, продуктивно использовать отведенное время. Работа и отдых неразличимы в системе эффективности. Представим себе семидневный средиземноморский тур. Корабль проплывает, по крайней мере, часть Средиземного моря, ненадолго останавливаясь в главных городах, богатых достопримечательностями, вдоль берега, скажем Южной Европы. Этот маршрут позволяет туристам увидеть максимум мест за семь дней. В особенно интересных или важных местах корабль причаливает к берегу на несколько часов, давая возможность сойти на сушу, попробовать блюда местной кухни, купить сувениры и сделать несколько фото.

Тема «дегуманизации» мира, к сожалению, осталась за пределами книги. Да, конечно, Холокост можно рассматривать как пример современной социальной инженерии. Да, это была целенаправленная попытка создать совершенное рациональное общество. Да, это пример превращения убийства в рутину. Несомненно, жертвы Холокоста подчинялись гигантской нечеловеческой технологии. Но это вовсе не темы, которые можно обсуждать, поглощая стремительно оказавшуюся на столе горячую пищу. Критикуя тейлоризм, конвейерную технологию, автор все же в первую очередь признает «вполне объективно», что данные нововведения помогли многим людям получить доступные автомобили.

Нет сомнений в том, что технологические изменения сыграли важную роль в расцвете макдональдизированных систем. Многим мнится, что мы перешли за грань современного общества в тот мир, который описывается как нечто «по ту сторону»: постиндустриальный, постфордистский, постмодерный. Общество модерна считается высоко рациональным и жестоким, тогда как общество постмодерна — менее рациональное, более иррациональное и более гибкое. Между тем наиболее проникательные эксперты убеждены в том, что особого разрыва в исторической динамике не случилось. И модерн, и постмодерн отражают одну и ту же глубинную динамику. Автор, в частности, затрагивает тему особенности, индивидуализированности. Однако если в эпоху Возрождения существовал действительно культ неповторимости, оригинальности, то в наши дни речь идет лишь о возможном крушении стандартизированных товаров типа «один размер годится всем». Вряд ли можно рассматривать «сникеризацию» как радикальную смену «макдональдизации».

Макдональдизация пронизывает, по мнению автора, все стороны современной жизни — образование, здравоохранение, сферу досуга, телевидение, политику. *«В сфере политики, — отмечает автор, — можно найти множество показательных примеров преувеличенного внимания к просчитываемости, скажем, растущую важность голосования в политических кампаниях. Должностные лица и претенденты на пост, одержимые своим местом в иерархии, выявляемой голосованием, часто перестраивают свою точку зрения или свои действия, стремясь достичь того, что, по словам исследователей общественного мнения, повысит (или, по крайней мере, не понизит) их рейтинг»* (с. 247).

Стандартизация обнаруживает себя и в сиквелах, потому что можно снова и снова использовать тех же героев, актеров и основные линии сюжета. Разумеется, сиквелы скорее принесут успех при прокате, чем полностью оригинальные фильмы. Да и прибыли можно просчитать заранее. *«Система кинорейтингов позволяет предсказывать количество насилия, обнаженности и потенциально оскорбительного языка, который можно увидеть или услышать»* (с. 284).

Не обошел автор и тему растущего контроля над людьми при помощи нечеловеческих технологий. Шаг за шагом человеческое поведение сводится к последовательностям автоматизированных операций. Но если люди во многом подражают машинам, то их легко заменить настоящими механизмами. Законченный бюрократ мало думает о том, что он делает. Он или она просто следует правилам, получает бумагу и передает ее по инстанциям. Отсюда растущий запрос на людей с минимальными умственными и прочими способностями. Сегодня даже религия и политика продаются и рекламируются, и, как все макдональдизированные технологии, используют технологии, помогающие контролировать их «клиентов». Большинство людей сегодня видят политиков только на телеэкране, чаще всего в строго контролируемом формате, специально подобранном для того, чтобы передать зрителям четкое послание и тот образ, который нужен самим политикам и их советникам. Мы присутствуем при макдональдизации столь интимного акта, как зачатие. *«Мир, в котором каждый похож на другого, станет миром, готовым принять такое же сходство во всем, что его окружает»* (с. 332).

Кризис, потрясший мир, казалось бы, мог породить сомнение в эффективности предельной рациональности. Автор считает, что рациональные системы неизбежно порождают иррациональность. Обратную сторону макдональдизации следует систематически рассматривать, по мнению Дж. Ритцера, именно с точки зрения иррациональности рационального. Вместо продуманного социокультурного проекта автор предлагает нам считать иррациональность пятым фактором макдональдизации.

Эльвира Спинова

SUMMARY

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov. PROLONGED UNCERTAINTY

1. The president of the Russian Federation is assured that unlike the countries with more diversified economy Russia can't exist with a chronic budgeted deficit and high level of the state debt, strengthening dependence on external circumstances (that is tactical incomes), «washing away» of a national economy investment resources. Thus in the conditions of the high oil prices it is necessary to accumulate reserves, pumping up «a safety pillow» on a case of the external economic shocks.

2. Perfection of interbudgetary relations and decentralization of powers between the center and regions becomes one more essential feature of the budget. To facilitate financial loading «on places», it is supposed to translate from next year completely police on financing from federal treasury. Transfer of a part of powers to sphere of public health services, formation, employment maintenance, will accompany fastening to regions of sources of additional financing.

3. As some analysts consider, in aggregate factors in global economy for Russia consists not only potential threat, but also unique possibility for scale structural maneuver, attraction of foreign investments, etc. But for this purpose the privatization carrying out, the forced advancement by the way of creation of the international financial center is required. Otherwise plans on occurrence in the five of leading economy of the world by 2020 remain only dreams.

4. It is necessary to add, however, that real position of the Russian economy in many respects remains a riddle. The inconsistent statistics doesn't allow finding out, whether restoration of economy proceeds in the country or new recession has already begun. Last reports of Rosstat have forced some economists to start talking about the investment and industrial Renaissance which has happened contrary to outflow of the capital and recession of building.

PRESSING TOPICS

Pavel Gurevich. WINDS OF OVERCOMING WALK

1. To assess the mass-psychological processes of our days it cannot be helped noting the weary expectation of quick changes. The past two decades are just an instant between the past and future, by far incommensurable even with an average life expectancy. But what multitude of breaks, thrusts, lunges and inconceivable attempts of bold pancaking into the unknown historical space! What multitude of daring aimed at tearing the societal fabric and cut it out according to new patterns.

2. Somewhat imperceptibly for the social philosophy, the borderlines between a revolution and a reform have been erased in our historical being: selling-out the public property, the noisy and whistling growth of the new estates, taming the democracy to be a true despotism keeper, intentional repudiating the national principles of living. Were Karl Marx alive, he would have termed such transformations not locomotives but rockets of history. The cultures that had been keeping their unshakable principles for millennia proved to becoming unrecognizable.

The social relations are being torn. Everything that 'was weighty, visual, and crude' falls into the virtual space.

3. The ethnic elites' political activities has caused the rulers' confusion. There live 182 nationalities in the country. But the ruling elite has not concerned itself to suggest the society some adequate national policy. The Russian society's ripening disintegration can intensify national contradictions, to cause interethnic collisions. There is no secret, that for a long time the regional administrators, while using federal resources, established mono-ethnic political and economic elites in the republics. They have artificially increased the percentage of the titular ethnic group. Clear enough, that the revival of nationalism is fraught with the threat of loosing the country's territorial integrity, destructing the international world.

4. Ours is not the time for partial reforms. What is needed are the changes of the global nature and principal scale. Today we eyewitness the growth of civil activity. The fan revolt in Moscow which caused fights and pogroms, the society's wrath induced with the massacre in Kushevskaya village, the narcomania fighter Yegor Bychkov's trial, civil actions by the Khimky Woods defenders and the opponents of house pulling down in the settlement of Rechnik. A great stratum of people united into various communities and social networks to defend their interests and values have formed up. The society is not fearful of the state power today.

*Sergey Israpilov. SOME FEATURES OF SOCIETY DISTRUCTION IN RUSSIA
INFLUENCED BY THE MOTIVATING PRESSURE OF ECONOMY*

1. The modern economic system generates relations which might be termed as «the motivating pressure» upon a personality. The economic system generates plenty of desires and temptations. The progress is maintained by the citizen being grunted many tools to fulfill these desires. The great bulk of individuals spend their lives in attempts to get what they are being tempted and propagated with by the modern society. The other part has no means to satisfy themselves and are to «burn down» in the fire of unrealizable desires, to fulfill which they often have no real resources.

2. Society's motivating pressure is very difficult to dose, so sometimes it overflows too much, generating desires that are by no means to be fulfilled by the of citizens. And then the society's motivating pressure brings in massive sufferings for the citizens who had already been strong motivated for success, but really have no chance to get what they dream of. And, besides, even the society's moderate motivating pressure might become superfluous for a certain part of individuals, less resistant to the society's temptations than others due to mental or physical specifics.

3. By centuries, Russia had to protect itself from charges of the European aggressive neighbors. To withstand the technically better equipped armies, it was necessary to build up a modern weaponry and modern army. But the attempts to set up an European-style advanced weaponry and army without social changes had no success. Even under Peter I, reforming the army and industry was followed by the drastic society reforming. Defeat in the Crimean War also provided for a new stage of reforming the Russian society. The Soviet industrialization was also caused by a feeling of the threat coming over. In fact, on closer examination, any society modernization in Russia has been by one way or another associated with recognition of military-political threat.

4. Today as before, Russia is threatened with several key problems. Some of them are outward, others go inward the society. The dilemma is the external problems are impossible to be solved without worsening the state of internal problems, and it is impossible to solve the internal problems without worsening the state of security from the outside threats. Not to drag behind economically, technologically and, hence, militarily in the competition with stronger neighbors (EU, China, USA), Russia needs to increase the state expenditure. In part, Russia is in need to sharply increase the defense and MIC-modernization expenses. Today, the recognition of external threats accrues once again.

GEOPOLITICS

Tiberio Graziani (Italy). THE MEDITERRANEAN AND CENTRAL ASIA: THE HINGES OF EURASIA

1. The last few attempts at «colorful revolution» have failed and the agitation controlled by Washington in the Caucasus and in the Central Asian republics, respectively because of Moscow's determination and by the joint Eurasian policies of China and Russia, put into action through, among others, the Shanghai Cooperation Organization (SCO), the Eurasian Economic Community and the consolidation of friendly relations and military cooperation. At the end of the first decade of the new century the US had to reformulate its Eurasian strategies.

2. In the new unipolar context, the US-defined geopolitical area of the Great Middle East runs in a wide band from Morocco through Central Asia, a band that, according to Washington, needed to be «pacified» because it represented an ample arc of crisis, with conflicts generated by the lack of homogeneity as mentioned above. Such a view spread by Samuel Huntington's research and Zigmiew Brzezinski's analysis, fully explains the practice followed by the US in order to open a passage in the Eurasian continental landmass and from there press on the Russian space to assume world domination.

3. The practice applied by the Western system, led by the US and intended, as described above, to amplify the crises in Eurasia and in the Mediterranean is not aimed at their stabilization. On the contrary, such a procedure is devoted to maintain its own hegemony, through militarization of international relationships and involvement of local actors. Moreover, this kind of geopolitical «road map» is aimed at identifying other future probable targets (Iran, Syria, Turkey) useful for the US's foothold in Eurasia, laying out some reflections regarding the «health» of the US and the structuring of the multipolar system.

4. Regarding the structuring of the multipolar system, it must be noted that this advances slowly, not because of recent US actions in North Africa, but rather because of the «regionalist» attitude adopted by the Eurasian actors (Turkey, Russia and China) who, in evaluating the Mediterranean and Central Asia as a function of their own national interests, fail to gather the geostrategic significance that these areas perform in the larger scenario of conflict between far-flung (US) and Eurasian geopolitical interests.

FOREIGN AFFEARS

RUSSIA AND THE PROBLEM OF LEADING THE WORLD

On the occasion of S. V. Kortunov's book (Russia In The World Politics After The Crisis. M.: Krasnaya Zvezda Publishers, 2011, 476 pp.) having been published

1. Russia takes part in solving some global problems, such as the international security (regional conflict settling, arms control, nonproliferation of the WMD and means of their delivery, fighting the transnational terrorism, etc.), the world energy engineering, nature preservation, and so forth. But in none of these spheres (except, perhaps, for energy) Russia is playing a prominent role. Russia's privileged position in the field of energy security is of temporary nature, due to the favorable world energy (to be exact, hydrocarbon) market.

2. One may suggest, that the current historical stage of the mankind's development needs an alternative to the overall consumer society that starts to exhaust its potential. It is being replaced with the «post-material» epoch and the information society, focused at the «post-material man» with different hierarchy of needs and consumption, as well as the «post-material» (i.e. humanitarian) culture with different values — primarily, the intellectual and spiritual ones.

3. By the end of our century, quite probable, the liberal development model that had brought in the anthropogenic civilization (already reached a deadlock) would exhaust itself and some new field of the global competition start to be set up. There would be prerequisites

for establishing a new, kind of post-material civilization. If, by that time, the Russian unique cultural and civilization nucleus were not dissolved out in the globalization which was mostly fruitful for the countries that had fully adopted the liberal values of the West to the detriment of their cultural and civilization uniqueness, Russia would have a chance to lead the world in that post-material sphere.

4. The major world development trends instantiate the reality of such cardinal turn of historical significance. The modern world is being drawn into hard times, when the mankind have to exist and develop in a mode of strict economy, to trespass from harmonizing the vital interests on the basis of their balance to rigid regulation of social development on the basis of the public consent and fundamental moral values. It is such an approach can become the foundation of Russia's development strategy.

Raymond Jeanloz (USA). COOPERATIVE BALLISTIC MISSILE DEFENSE
AS A WAY TO TRANSFORM NUCLEAR DETERRENCE

The objective of this article is to briefly address how missile defense might offer a vehicle for enhancing transparency and cooperation among major states, and therefore of transforming nuclear deterrence. The emphasis here is on technical cooperation, meaning collaborative work involving scientists and engineers; although the focus is on cooperation between the US and Russia, it could involve other countries as well. A key point is that work on technical matters can help lay the foundation for the political and military cooperation that are ultimately needed in order to transform deterrence.

Obviously, these points are made from a scientist's perspective, and ignore political constraints. Nevertheless, this is a good time for technical experts to look into such ideas in greater detail, formulating more complete proposals or plans so that policy makers can then consider the potential benefits of moving forward with technical cooperation, along with other confidence-building measures between the US and Russia. Making more tangible progress on implementing the proposed missile-defense Joint Data Exchange Center is a case in point.

Put another way, technical matters are only a starting point for improved relations. In the end, it is political and military cooperation that are needed, but technical collaboration can provide a solid foundation for these broader forms of cooperation. It is essential that cooperation between our countries be technically substantive in order to make the necessary progress. Also, because scientists and engineers can focus on technical matters, we can maintain communications even when political relations may become strained. Finally, the multiple benefits of such collaborations are worth emphasizing, whereby improved global monitoring can have real and immediate benefits for society, in addition to the long-term objectives of enhancing stability and security between our nations

Marina Shtoik, Sergey Demidenko. EGYPT'S CHOICE
(On the forthcoming general elections in the ARE)

1. Recently, the Near-Eastern countries are being looked upon intently by the world community. In winter, the central quarters in the biggest Arab cities became the places where 'the History was made'. Today, the world awaits intently, what will be the outcome of the «new *nakhada*»? Egypt, certainly, is of the primary concern: it is the country where the «Arabian Spring» was smoothly followed by the «Arabian Summer», the country that will have to make an important choice very soon. The general elections are set to be held in September, and, soon after, the presidential elections are to follow. Very much depends upon what Egypt's political map will look like by September. As yet, the picture does not seem rather cheerful. In five months, the situation in the country has turned to no better, but rather to the worse.

2. It is quite clear, the contradictions are rooted in the socio-economic sphere. The majority of Egypt's population live below the poverty line: 40 percent of the country's citizens live on less than \$2 a day. The people, beside being doomed to lifelong struggle against the poverty,

are practically lacking a chance to come out of hardships. The «social lift» concept disappeared from the Egyptian reality long ago. If a single person has kept the power for 29 years, he is bound to be surrounded by the corrupt environment. The so-called «inner circle» makes up its core to be able to redistribute the economic and social benefits to their own advantage and in favor of elite groupings (the military and business) co-opted with them. Eventually, Egypt fell into the situation, when just a portion of the local establishment increased their well-being, while that of common people went worse.

3. The likelihood of one of the top brass coming to power is very great. The opposition parties or independent candidates are supported by the so-called «middle class», people with the higher education, the access to computers and the Internet, the interest in the politics. The problem is, though, they are a minority. The overwhelming part of the electorate is the inhabitants of villages and small towns who the previous regime did not hinder much. These people may not appraise ElBaradei's or Muezza's diplomatic merits, nor Ayman Nour's oppositional activities. They would be much more comfortable to vote for those they knew, that is for the military.

4. It is rather hard to foresee the exact long-term developments in Egypt. As a matter of fact, the cardinal political changes are impossible in the country, there were a number of reasons that, by the highest standards, had brought the «revolution» in. Poverty that hits the country, the demographic leap which the Mubarak government failed to cope, the general social and economic crisis; whoever came to power in Egypt, he could not solve all these problems quickly and painlessly. That is why Egypt is in need for the Naser-type person — the man who is able to make people believe in himself by his charisma and proactive position. Otherwise the Egyptians, having seen no long-awaited changes, would go in the streets again. Considering, they like to strike much more than to work, the pretext would not be difficult to find.

Nikita Mendkovich. PROGRESS THE ISAF MADE IN FIGHTING
THE AFGHANI ARMED OPPOSITION

1. This summer, the foreign troops withdrawal is going to be started from the territory of the Islamic Republic of Afghanistan to be completed in 2014. After that, some foreign military bases might be left in the country, but the major burden of maintaining the country's security would be put on the Afghani armed and police forces. So, it is very important to know, if the International Security Assistance Force (ISAF) is capable to defeat the irreconcilable armed opposition within the time left or, at least, to make it so weak to let the Afghani law-and-order forces to successfully fight the opposition.

2. For quite a long time, the Taliban's major political project was the parallel system of local authorities, first of all — the «the Shariath judicial system», operative, tough and independent of the state justice. Several years ago, it was somewhat popular among the populace, but, as the latest polls showed, it has lost the society's confidence, and now they prefer to settle conflicts in the state courts or with the assistance of tribal courts of arbitration. In due course, perhaps, the performance of the official authorized institutions has had qualitative growth, while the Taliban's judges started to establish the corrupt ties of their own.

3. Certainly, one should not exaggerate the Afghanis liking their government nor underestimate their protest mood. But the modern society tends to express it, primarily, through the legal political mechanisms which play an important role in the modern Afghanistan that was proved by active popular participation in elections and political demonstrations, by the importance of being a party member for self-identification, etc. Even off-system opposition groups are generally formed on the basis that relates to no armed confrontation.

4. It is hard to tell, to what extent the International force and the IRA's foreign sponsors are going to oppose this process. The majority of foreign participants in the Afghani political life are chiefly against returning the «jihadism» supporters to power, against exporting Islamic revolution to other regions. If the militants, participating in the negotiations, take the positions admissible to the foreign states, then, perhaps, the world community would turn neutral to changes in the (Afghani) governmental structure.

ECONOMICS & FINANCE

Vasily Koltashev. WHETHER IT IS POSSIBLE TO EXPECT IMPROVEMENT OF A GLOBAL ECONOMIC CONJUNCTURE?

1. The Petersburg Forum's uneasy expectations had just one cause — the situation in the USA. The White House monetary policy brought in the economic recovery in 2010. The way the USA turns depends the way the raw material prices will turn, and they are much more important decision-makers than the Russian domestic market. The US state debt has reached the law-prescribed limit of 14.3 trillion dollars. On June 1st, the Republican majority in the House of Representatives refused to increase the admissible limit of the US state debt by \$2.4 trillion. The US Secretary of the Treasury, Timothy Geithner, claimed the country would be able to avoid the default maximum no longer till August, if the previous monetary policy is not to be continued.

2. The economy defeated by the crisis made it senseless to directly invest, and the global market improvement did not cancel population impoverishment. The government, in its turn, did not try to change the situation by coming over to the policy of escalating the population incomes. Such an approach is completely at variance with the open economy principles. Russia's joining the WTO, planned for 2011 and called for opening the Russian market to the foreign goods and capitals, is unlikely to take place in time. The USA (key member of the WTO) have no interest to allow Russia to withdraw the restrictions for raw material deliveries to foreign markets, while the latter is the very reason why the Russian government strives for joining the WTO and the oil, gas and metallurgical businesses are looking forward to it. Russia, by the way, is more active to get into the WTO whenever the world prices for raw materials go down.

3. The crisis forced the Russia's top bureaucracy to be divided into the moderate and radical neo-Liberal parties. In mass, the rank-and-file officials are obviously on the side of cautious and reserved course, this is to explain their sabotaging the most abrupt liberal decisions. The educational reform unpopularity still has no parallel in the home history of the last ten years. The population would meet no better any other attempts to cut the state expenditure at their expense, the moment the «discussions» give way to practical implementation.

4. It is hard to expect the global economic situation to improve. It is even harder to point at the possible sources of improvement, while the demand drops on the part of the planet population. The Chinese investment program is being hampered with insufficiently developed domestic demand, while the US, Russia's and other countries' reckoning to solve the internal problems with export might prove to be erroneous as early as in the second half of the year. Since Summer 2008, it is the most uneasy time for the world and Russian economies. Obviously, there goes the repetition of the Spring-Summer 2010 perturbed stagnation, but much more serious as far as its significance is concerned.

DEBUT

Yulia Sveshnikova. POST-ISLAMIC SPRING IN THE MIDDLE EAST: CULTURAL AND VALUE IMPLICATIONS

1. The Islam, that cultural milieu in the Greater Middle East countries, in one or another aspect — certainly once again in political context — is a matter of concern for everybody. And if to put aside the subject of 'Islamism', 'terrorism' and other 'isms' to which any discussions are inevitably boiled down, then we are to talk of the Islam as of the wholesome culture, one part of which is the religious doctrinal theology itself. The culture also includes, for instance, the pre-Islamic traditions having adapted by the Islamic world, and everything that migrates from the Islam as religion, sometimes mutating at a domestic level into the cultural environment the society lives in. The question is, what sort of Islam had been propitious for the beginning of Mid-Eastern spring?

2. They call the 2011 revolutions in the Middle East youth ones. The middle class poor — the basis of the social explosion formed by years — that is, the young people with higher education, communicating with their peers the whole world over via the Internet and expecting standard of living appropriate to the middle class had to get back disappointment and poverty with no prospects of improvement. In these conditions, the lack of civil freedoms and healthy ideas becomes even more tangible, while the questions addressed to the state top even more persistent.

3. The course of the spring events made it clear, the citizens could not be paid off with bread alone. On the other hand, if the demanded freedom would not be followed with the bread taken for granted, this, too, cause not a smaller wave of questions to the ruling power, irrespectively, weather it were to change everywhere or just in some states. That is why the modernization of which talk both the Islamic groupings and heads of the states, should, certainly, take place not just in the sphere of civil freedoms (though not just economic ones, too). That is where the governments would have to merge the Islamic values with topical economic program.

«ROUND TABLE»

WHAT IS THE MEANING OF MULTICULTURISM'S FAILURE?

The participants in the discussion were Academician of the Russian Academy of Sciences Abdusalam A. Guseynov; Professor, Dr.Sc. (Philosophy), the Deputy Rector on Researching and Publishing — Director of the Institute of Fundamental and Applied Studies at the Moscow Humanitarian University V. A. Loukov. The Round Table is hosted by Professor P. S. Gurevich, Dr.Sc.(Philosophy).

The following questions were under the discussion —

5. What caused the failure of the once fashionable concept?
6. How does the multiculturalism correlate with the globalisation?
7. Is the European culture able to level the non-Western cultures?
8. Why the national problems are so specifically acute in Russia?

PUBLICATIONS

Gennady Bocharov. THE SKIES. THE WEATHER. THE SAFETY

«The numerous aviation incidents point out the problem being the systemic one for quite a long time. Just for the last several years, there were 78 aviation incidents and heavy air crashes in Russia and the CIS countries. Each of these was somehow caused by the civil aviation flying and flying control officers' underestimating the meteorological conditions, neglecting the world and recent domestic experience, the best Russian pilots' flying technique.

Being the Board member of the Safety of Flights partnership, I repeatedly had my analysis of the aviation's most essential fundamentals published in the press. Not long ago, I also touched upon a most sensitive subject — the one that had been kept in shadow for decades — of aviation meteorology. The stories to this effect, published in the Rossyiskaya Gazeta newspaper, were met with lively response both by professional pilots and common readers. That prompted me to publish this article in the Bulletin.

The material is based on the views expressed by Marina Petrova, the Director General of the Aviamettelecom Federal government institution, who heads the expert group at the World Meteorological Organization (WMO) Commission on Aviation Meteorology».

Pavel Kholodyon. THE INFORMATION 'GLOBALITY' IS KNOCKING AT THE DOOR

1. As the Western experts note, the omnipresent distribution of computing technologies is caused, among the other things, by widespread marking and setting up the networks of such trivial objects as foodstuff packs, furniture, room gauges and paper documents. These

objects will be detected, identified, traced, and they may be distantly operated by means of highly effective technologies, including technologies of radio-frequency identification, detecting devices, the tiny built-in servers and energy-combines (collectors) connected with each other via the next generation Internet, using ample, cheap and powerful computer facilities.

2. One cannot regard the information globalization neither from the position of unequivocal support, nor that of total negation. This is multi-factorial process. It might well be better not to regard it all — it is just an entity, and any attempts to affect it with the traditional — mainly prohibitive — means would result, as it not once did happened in the past to some technological breaks-through, in just negative consequences for the initiators, but by no means in any harm for development of the information globalization.

3. This process is good enough, at least, due to the fact it can be complemented by literally everyone, at today's level of technological expertise. And it is very important, that this fact is understood by, as used to say before, «all peoples of good will» who ought to be proactively joined-in. For now we still are as unable as in good old times «to divine the ways the word of ours would echo». What is left is to urge all the Internet and other mass media users to follow the Russian literature classic's precept «to awake good feelings with the lyre». The result, in the epoch of information globality, might be smashing. Otherwise, it would be bad for all, though the modern mass communications by themselves would have nothing to do with it.

Yelena Komleva. THE PHENOMENON OF CHERNOBYL-HIROSHIMA-FUKUSHIMA,
or ONE OUGHT TO BE THINKING

1. To do an anthropo-social analysis of the nuclear field it is fruitful to lean upon Japan's experience. This is the way well-trodden by many a researcher (mostly, with regard to the nuclear strikes of 1945). Or, also, to lean on Russia's and Japan's experiences, on the potential to tie up in such context not just specific historical events, but also the spiritual and humanitarian heritage of the two countries. I am not aware of works by other authors concerning such a tandem, while it is unlikely that myself will be able to succeed in anything more than, I hope, to outline some «footpath». Also, regarding Russia and Japan as the major «suppliers» of the initial tragic facts to philosophically and humanely interpret the nuclear phenomenon. As the countries that have accommodated ChernoSiroFukuByl.

2. The militaristic Japan, on a level with Germany, was the first to try to get the nuclear weapon of its own. What happened was otherwise. Inevitable «social experiment» with the nuclear weapon just emerged and originally planned to be used against Germany, had its first, thoroughly prepared and instructive «coming to the peoples» of the planet in Japan. Again, «the second nuclear century» is being explained by Asia's challenges. The specifically sensitive Japan refers to Hiroshima and Nagasaki, tests in the Pacific, proximity to the weapons in China, Russia, the USA (permanent nuclear aircraft carriers and subs basing) and the North Korea, to its deficiency of resources and danger of natural disasters, as well as to development of atomic power stations, ITER (the international thermonuclear reactor) and scientific nuclear programs. Over sixty years ago, Japan was the first pay the nuclear genie the heaviest price with human lives.

3. Russia has long and actively aspired to be positively in keeping with new possibilities provided by the concept of the international long-term underground storages in its territory. The third (top) level storages to supplement the system of the federal and regional stores. As yet, it is optional to place the international storages, that are officially more «forwarded», without new complex analysis and additional substantiations and traditional for the nuclear sphere «agreed-upon» with the objects of the cold war heritage, near Krasnoyarsk, Chelyabinsk and the border with China and Mongolia (Krasnokamensk). At that, the prevailing choice are the platforms in zones of palaeovolcanos (same as in case of the Yucca Mountain). As far as Krasnokamensk is concerned, the interest is shown to its Russia's biggest uranium ore field under exploitation.

Doljeen Monshirr (Mongolia). THE «NATURAL LAW» AND THE MAN

1. The Man, viewed as the life form, is an arena of struggle between hereditary predisposition and the environment, between inner and outer worlds. Here is a story of a young woman. In her girlhood, she experienced gloomy living; her parents were drunkards who knew no limits, nor a gleam of reason. The girl has early learnt to survive; she picked up empty bottles, returned them for coins to buy some flour to feed herself, for her mum used to go on a spree for weeks, and in those days nobody cared to supply the child with any food. At home, the lechery reigned — naked men walked about the room who confused female bodies at times. But the girl has grown pure, chaste. Neither the heredity, nor environment have made her corrupted. On the contrary, they have set different life perspectives to her.

2. Since the time immemorial, the freedom, reflection, spirit are considered to be the part and parcel of the personality. An animal's fate is fully determined by the laws of the Nature. The Man is also dependable upon the natural laws, but, additionally, he has predestination with the way of its realization entirely dependable on himself. At the same time, we can never meet a person who is completely spiritual being. The natural necessities exert influence even upon the deepest needs of the Man's spirit. In ancient times, the Man's imagination has created angels as personification of pure spirituality. But the Man himself is neither beast, nor angel. He possesses the properties of both, but he cannot be neither of them.

3. The mental life is rich with situations when people act, as it seems, purposefully and guided by the rational motives. Sometimes, it is this that causes miscarriages of justice. Lawyers unconsciously perceive the criminal as a person capable to logically evaluate his motives of behavior, provisions of the law. Accordingly, the tendency to see «the conscious causality» in any human activity, including a criminal act, has become wide spread. But, in fact, the rational behavior plays very insignificant role in human activities.

4. Irrational impulses and emotional states, as a rule, prevail even when individuals try to convince themselves of pure logical motivation of their own actions. The exaggerated yearning to look everywhere for rational

Valery Podoroga. THE POLITIC OF PHILOSOPHY. NEW CHALLENGIES

(Completion)

1. It is important to set apart GULAG and the Stalin terror machine — the former is the result of the latter. That is, the terror machine with all its rules, mechanisms and «drawbacks» had a certain direction to operate — it recoded, replaced and excluded. An individual (personality), having entered the zone of its activity, underwent some drastic changes in his/her social and human status. To be recorded have meant one to be identified by the certain opposition samples, for example, ours — alien, friend — enemy, etc. By getting a negative code, you have already been replaced by different individual who receives the positive one for which there was no time yet to be newly recorded. The victims of recoding have been all. The terror machine is a circular thing, it functions by eliminating «constant places»; that seems to be similar to tag-game — to meet the goal one is to constantly to displace all counters before they will be correctly placed.

2. The paradox of the one who survived is that he feels ennobled and becomes ennobled only when he supersedes the traumatic experience, thereby one concludes the occurrence by experiencing it again and comes out of it. Or, on the contrary and even more radically: the things that were, they were not. Once I have survived, so they also were not after. Many the Nazi concentration camp prisoners tried to restore their lives guiding themselves towards the things that had been *before*, erasing *after* as the testimony of the monstrous failure in their own lives. Out of *earlier-before-then* (pre-camp lives) the old identity lines up which has to be based upon to eliminate this «*after*». That is not just a mere supplanting — it is the full

ban imposed on the past, that had been experiencing by the individual as unheard of loss of human qualities.

3. In fact, out of all literature that we can call in to comprehend what it was like — the «after GULAG» theme — the whole of it, including A. I. Solzhenitsyn's *The GULAG Archipelago* and *The Kolyma Stories* V. Shalamov, is the testifying literature. But who this testimony appeals to? who is going to recognize it? who is to pass sentence based upon it? — once we see in the *Shoah*, film by Claude Lanzmann, how the things that were in the past would be amassed around with the series of evidences that have no connections among themselves (they by no means can intercommunicate nor can question each other, they just outline the things that were, that happened as the Impossible, not even awful or monstrous, but just that could not have happened at all).

4. The GULAG's testimonies are not evidences at all. What they are to testify against? against murders and sufferings, against fear and pain, terror or struggle? Where we are to find the supreme court? The questions — who are to be judged and who are to judge — come into a most severe contradiction, rejecting the evidence for which there is no supreme justice left.

Page of history of the past war

Vladimir Roschupkin. THE FUHRER'S FALLBACK POSITION

No Blohm und Voss made New York lost...

«As our Bulletin has already informed, the Hitler Germany at the final stage of the Second World War worked out, under absolute top secrecy, the plan to strike New York and other cities on the East Coast of the United States with air blows by the A9/A10 missiles. But, for various reasons, that sinister plan went no further the stage of a long-term project. The A9/A10 intercontinental ballistic missile underwent testing just in January 1945, when the History clock measured time unfavorably for «the-thousand-year Reich».

But the Fuhrer spared some fallback position to actualize that obsession of his to bomb American cities.»

«Till the last days, Hitler matured that plan of the greatest act of terrorism. This is the proper way to qualify the said plan, for it was aimed not at crushing the enemy's military objects, but at the deliberate killing the civilian population. The Hitler Gemany's goal was to try to break the will of the allies, to intimidate the American military and political leadership and civilians. And then to make an attempt to dictate its demands at the war closing stage.»

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

IRRATIONALITY OF THE RATIONAL

Ritzer, George. *The McDonaldization of Society* (Russian transl.).

M. 2011, the circulation is not specified, 592 pp.

1. Who could have thought even several years ago that the fast-food industry would become not just a subject of mass consumption, but turn out into serious social problem tied up with the phenomenon of rationality or world globalization. George Ritzer holds the title of «distinguished professor» at the University of Maryland. Earlier, he was recognized «distinguished researcher-scholar» there. In 2000, he got the American Sociological Association award for «the outstanding contribution to teaching», and the Australian La Trobe University granted him Honorary Doctorate. The book's unexpected viewpoint is how the mass feeding establishment is capable to change the whole social life.

2. The McDonaldization, the author thinks, penetrates all sections of modern life — education, public health, leisure-time, TV, politics. *In politics, the author notes, one may find plenty telling samples of the exaggerated attention to calculate, say, the growing importance of voting in a political campaigns. Officials and post contenders, possessed with their place in the hie-*

rarchy revealed by voting, often reconstruct their viewpoint or activities, seeking to reach that would, according to public opinion researchers, raise (or, at least, not lower) their rating)» (ret-ransl. from Russian, p. 247).

3. Alas, the theme of the world 'dehumanization' was left outside the book. Yes, certainly, the Holocaust might be examined as a sample of modern social engineering. Yes, that was an intentional attempt to create some perfect rational society. Yes, it is a sample of reducing murder into routine. Certainly, the Holocaust victims were submitted to giant inhuman technology. But all these are not the themes to be discussed, while gulping down hot food happened to appear on the table. The author, while critically assessing Taylorism, the conveyor technology, still readily recognizes «quite objectively», that those innovations have helped many people to get affordable cars.

4. The author did not overlook the problem of the growing control by means of inhuman technologies over the men. Step by step the human behavior is reduced to sequences of the automated operations. But, if men imitate machines to a large extent, then it is easy to replace them with the real mechanisms. The complete bureaucrat thinks little of what he is doing. He or she simply follows the prescribed formal procedure, receiving a paper and passing it further on. Hence, the growing demand for human beings with the minimum intellectual and other faculties. Today, even the religion and politics are on sale and advertised, and they, like all other McDonaldized technologies, use the technologies that help to control their «clients».

Elvira Spirova

ОБ АВТОРАХ

Бочаров Геннадий Николаевич — член Союза писателей Москвы, автор многих документальных книг, изданных в разное время общим тиражом полтора миллиона экземпляров. Большинство его работ переведено на основные языки мира.

В течение ряда лет Геннадий Бочаров работал специальным корреспондентом «Комсомольской правды», обозревателем «Литературной газеты», политическим обозревателем при генеральном директоре ТАСС, политическим обозревателем «Известий» и «Российской газеты». В качестве специального корреспондента побывал более чем в 50 государствах мира, в том числе во всех его «горячих точках».

В советское время был удостоен высших профессиональных наград: премии Союза журналистов СССР, премии им. Михаила Кольцова; премии им. Владимира Гиляровского, премии Ленинского комсомола. За репортажи с космодрома Байконур удостоен почетных знаков им. Ю.Гагарина, академика С.Королева и т.д. Награжден орденами и медалями СССР, включая боевой орден Красной Звезды.

Недавно Г.Бочаров « по совокупности творческих достижений» был удостоен премии Союза журналистов Российской Федерации «Золотое перо России».

Книга Бочарова «Русская рулетка» в начале девяностых годов стала подлинным мировым бестселлером — ее издали крупнейшие издательства Лондона, Парижа, Нью-Йорка, Берлина, Стокгольма, Люксембурга и др. Тема большинства книг Г.Бочарова — человек преодолевающий. Лучшие работы Г. Бочарова составляют учебное пособие — книга «Чистые вершины» — для отделений иностранных университетов, на которых изучается современный русский язык.

В течение последних 20 лет Г.Бочаров переизбирается членом Правления Международного фонда авиационной безопасности. В этом качестве он участвует во всех международных семинарах, которые проводятся в различных точках мира. Авиационная тематика занимает значительное место в его творчестве.

Грациани Тиберио (Италия) — главный редактор итальянского журнала «Евразия. Обзорение геополитических исследований» (Eurasia. Rivista di studi geopolitici) и библиотеки «Геополитические тетради» (Quaderni di Geopolitica), директор Института изучения геополитики и смежных дисциплин (Istituto di Alti Studi in Geopolitica e Scienze Ausiliarie), соучредитель Института изучения Среднего и Дальнего Востока имени Энрико Маттея (Istituto Enrico Mattei di Alti Studi per il Vicino e Medio Oriente), в котором в 2007–2008 годах занимал должность замдиректора. Тиберио Грациани часто выступает с докладами на саммитах Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (World Public Forum «Dialogue of Civilizations»). В течении многих лет преподавал в университетах Перуджи и Л'Аквилы (Италия). Преподавал в представительствах Института внешней торговли Италии в разных странах — Узбекистане, Китае, Индии, Ливии, Аргентине.

Гуревич Павел Семенович — доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором Института философии РАН, заведующий кафедрой психологии Российского государственного торгово-экономического университета, директор Института психоанализа и социального управления, президент Московской ассоциации психоаналитиков.

Вице-президент Академии гуманитарных исследований, академик РАЕН, Международной академии информатизации, Академии педагогических и социальных наук. Специалист по философской антропологии, глубинной психологии, философии культуры и современ-

ной западной философии.

Главный редактор журналов «Философия и культура», «Психология и психотехника». Автор многочисленных монографий и школьных и вузовских учебников, в том числе «Философская антропология» (2008), «Основы философии» (2011), «Эстетика» (2011), «Культурология» (2011).

Гусейнов Вагиф Алиовсатович — директор Института стратегических оценок и анализа (ИСОА), главный редактор журнала «Вестник аналитики»; член Совета по внешней и оборонной политике (с 1998 года), член Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития; член правления Совета Средиземноморско-Черноморских исследований (Институт Европы РАН), член правления общества «Россия — Германия»; генерал-майор в отставке.

Автор книг: «Хроника тайной борьбы», «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов», «Каспийская нефть — экономика и геополитика», «Политика у порога твоего дома» (2008). Соредактор и издатель монографий: «Иракский кризис и становление нового мирового порядка» (Москва, 2004) и «Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» (2006). Соавтор, редактор и издатель книг: «Россия-Великобритания: очередное охлаждение» (2007), «Большой Ближний Восток. Стимулы и предварительные итоги демократизации» (2007), «Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 годы)» (2008), «Россия в изменяющемся мире» (2008). Член редакционной коллегии аналитических сборников: «Стратегия для России: 10 лет СВОП» (2002), «Конкурентоспособность России в условиях глобализации» (2006), «Мир вокруг России: 2017. Контурь недалекого будущего» (2007), «Россия и Мир — Новая эпоха» (2008), «Центральная Азия. Геополитика и экономика региона» (2010), «Нефтегазовый комплекс России: тенденции развития (2000-2010 годы)» (2011).

Автор многих статей по вопросам международной политики, отношений России с ЕС, энергетической безопасности, проблемам Ближнего и Среднего Востока, стран Южного Кавказа, внутренней политики и экономики России.

Демиденко Сергей Владимирович — сотрудник Института стратегических оценок и анализа, кандидат исторических наук. Специалист по сепаратистским и экстремистским движениям на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Джинлоз Раймонд (США) — профессор Калифорнийского университета в Беркли, где читает курсы строения Земли и других планет, а также астрономии. Образование получил в Калифорнийском технологическом институте и в колледжах Амхерста и Дип-Спрингса, участвовал в решении фундаментальных теоретических проблем для выявления состава Земли и изменений различных материалов под воздействием высоких температур и давления.

Совместно с коллегами исследовал условия, существующие внутри сверхгигантских планет за пределами Солнечной системы. Джинлоз является к тому же заметной фигурой в вопросах политики ядерных вооружений, являясь председателем Комитета международной безопасности и контроля за вооружениями Национальной академии наук.

Исрапилов Сергей Исрапилович — кандидат исторических наук, преподаватель исторического факультета Дагестанского государственного университета.

Колташов Василий Георгиевич — руководитель Центра экономических исследований Института глобализации и социальных движений (ИГСО).

Кортунов Сергей Вадимович (1956–2010) — доктор политических наук, заведующий кафедрой мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ, действительный член Академии военных наук, заместитель председателя Экспертного совета Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального собрания РФ.

С 1982 по 1994 год работал в центральном аппарате МИД СССР и РФ. Занимался проблемами ограничения гонки вооружений и разоружения. Принимал участие в двусторонних и многосторонних переговорах по разоружению (ЯКВ, РСМД, СНВ;1, конференция по разоружению, комиссия ООН по разоружению, переговоры основных экспортеров оружия,

РКРТ, переговоры по экспортному контролю, ОБСЕ и др.). С 1994 по 1998 год — консультант, референт помощника президента РФ по национальной безопасности, заместитель руководителя аппарата Совета обороны РФ — начальник международно-аналитического отдела. Занимался концептуальными вопросами национальной и международной безопасности, военной реформы, военного строительства и военной доктрины, а также проблемами разоружения, конверсии и военно-технического сотрудничества. С 1998 по 2001 год — советник руководителя администрации Президента РФ. С 1998 по 2002 год — вице-президент Внешнеполитической ассоциации. С 2004 по 2006 год — начальник управления анализа и прогноза ОАО «ГАО ВВЦ». С 2006 по 2007 год — начальник информационно-аналитического управления Федерации независимых оценщиков и экспертов ТПП РФ.

Автор ряда книг и статей (более 200) по концептуальным проблемам международных отношений, внешней политики, разоружения и национальной безопасности.

Комлева Елена Владимировна — научный сотрудник Университета Дортмунда, Германия, аспирант Мурманского государственного технического университета, переводчик международного отдела Института проблем промышленной экологии Севера (ИППЭС) Кольского научного центра Российской академии наук (КНЦ РАН). Обладатель международных грантов нескольких исследовательских центров. Автор ряда научных трудов по проблемам экологии и ядерной безопасности.

Мендкович Никита Андреевич — эксперт Центра изучения современного Афганистана (ЦИСА).

Моншир Должин (Монголия) — проректор Института коммерции и бизнеса (Монголия, г. Улан-Батор).

Подорога Валерий Александрович — доктор философских наук, профессор, зав. сектором аналитической антропологии Института философии РАН

Автор ряда книг и более 200 научных статей, эссе, бесед; ряд его работ переведен в США, Англии, Австрии, Франции, Нидерландах, Германии, Японии.

Наиболее значимые этапы научного пути отражены в книгах: «Метафизика ландшафта» (1993), «Выражение и смысл» (1995), «Феноменология тела. Введение в философскую антропологию» (1995), «Мастерская визуальной антропологии». Курс лекций. — «Художественный журнал», 2001 г. (Соавт.), «Навязчивость взгляда. М.Фуко и живопись». — «Художественный журнал», Авто-био-графия. Вопрос о методе (2001), (Соавт.), «Мимесис. Аналитическая антропология литературы». Том 1. «Культурная революция» (2006), «Апология политического» (2010). Лауреат премии имени Андрея Белого (2001).

Рошупкин Владимир Тимофеевич — обозреватель медиапортала «Хранитель», кандидат политических наук, профессор Академии военных наук.

Окончил Волгоградский государственный педагогический институт, Дальневосточный государственный университет, Новосибирское высшее военно-политическое училище, аспирантуру МГУ им. М.В.Ломоносова. Специализируется по проблемам безопасности, международных отношений, военной истории.

Свешникова Юлия Владимировна — аспирант кафедры мировой политики ГУ-ВШЭ.

Спирова Эльвира Маратовна — кандидат философских наук, заместитель заведующего Клиникой глубинной психологии. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии. Член Российского психоаналитического межрегионального общества.

Холоден Павел Викторович — сотрудник Института стратегических оценок и анализа.

Штойк Марина Сергеевна — студентка 4-го курса факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ.

OUR AUTHORS

Gennady N. BOCHAROV — member of the Moscow Union of Writers, authored many non-fiction books with total circulation of a million and a half; most of them were translated into main world languages.

For a number of years, was a practical journalist of note — special correspondent of the *Komsomolskaya Pravda* newspaper, columnist of the *Literaturnaya Gazeta* weekly, political analyst at the TASS news agency Director General, political columnist of the *Izvestia* and *Rosyiskaya Gazeta* newspapers. In his professional capacity visited more than 50 countries all over the globe, including all its «hot spots».

In the Soviet times, became holder of the highest awards in the trade: the USSR Union of Journalists Prize; the Mikhail Koltsov Prize; the Vladimir Gilyarovsky Prize, the Lenin Komsomol Prize. His reports from the Baikonur space launch-site brought him, among the others, the Yuri Gagarin and the Academician Sergey Korolev honorary badges, etc. Awarded with the USSR state decorations, including the Red Star Order for service in battle.

Recently, G. Bocharov «by the aggregate creative achievements» was honored by the Union of Journalists of the Russian Federation with the title of The Russia's Gold Pen».

Early in 1990*, *The Russian Roulette* the book by Bocharov proved to become a true worldwide bestseller, put into print by the most prominent publishing houses in London, Paris, New York, Berlin, Stockholm, Luxembourg, and so forth. The chief subject of the most of his books is a person overcoming.

The Bocharov's best made up the Pure Tops text-book for the modern Russian language studies at the foreign universities.

For the last 20 years, holds position of a member at the Board of the International Foundation for the Aviation Safety. In this capacity, participates in all international seminars which are being held world over. The aviation is an ever-present subject in his writings.

Sergey V. DEMIDENKO — Cand. Sc. (History), researcher at the Institute of Strategic Studies and Analysis. Expert on separatist and extremist movements in the Middle East and the Central Asia.

Tiberio GRAZIANI (*Italy*) — Director of «Eurasia — magazine of geopolitical studies» and the series «Quaderni di Geopolitica (Edizioni all'insegna del Veltro, Parma), is the President of the ISAG (Institute of Advance Studies in Geopolitics and Auxiliary Sciences). He is the co-founder of the IEMASVO (Institute of Advanced Studies for the Near and Middle East) and vice President for the years 2007-2008. He is usually invited as a speaker in the international conference World Public Forum — Dialogue of Civilizations. He taught for years at the University of Perugia and L'Aquila. He has taught courses for the ICE (Institute for Foreign Trade) in many countries, such as Uzbekistan, China, India, Libya and Argentina.

Pavel S. GUREVICH — D.Sc. (Philosophy), D.Sc. (Philology), professor, Sector Head at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy, Head of the Psychology Chair at the Russian State Trade and Economic University, Director of the Institute of Psychoanalysis and Social Management, President of the Moscow Psychoanalytical Association, Vice-President of the Academy of Humanitarian Studies. Holds full-fledged membership as Academician at the Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Informatization, the Academy of Pedagogical and Social Sciences. Expert in philosophical anthropology, deep psychology, phi-

losophy of culture and modern Western philosophy. Chief Editor of the *Filosofiya i Kyl'tura* (Philosophy and Culture) and *Psikhologiya i Psikhotehnika* (Psychology and Psychotechnics) journals. Authored numerous secondary and high school text-books, including *The Philosophical Anthropology* (2008), *The Fundamentals of Philosophy* (2011), *The Aesthetics* (2011), *The Culturology* (2011).

Vagif A. GUSEYNOV — Director of the Institute of Strategic Studies and Analysis (ISOA), Editor-in-Chief of the *Vestnik Analytiki* bulletin. Holds membership in the Council on Foreign and Defense Policies (since 1998), the Russian-Chinese committee on Friendship, Peace and Development, Board of the Council on Mediterranean and Black Sea Studies (the Russian Academy of Sciences Institute of Europe), Board of the Russia-Germany Society. Ranked Major-General (rtd).

Authored books, including *Chronicle of Secret Struggle; Intoxicating Dope of Power; War of Compromats; The Caspian Oil: Economics and Geopolitics; The Politics at Your House Threshold* (2008). Co-edited and published the monographs on *The Iraq Crisis and Development of the New World Order* (Moscow, 2004); *The Mediterranean — Black Sea Coast — Caspian Region: Between the Larger Europe and the Greater Middle East* (2006). Co-authored, co-edited and published books on Russia-Great Britain: *Another Cooling* (2007); *The Greater Middle East. Stimuli and Preliminary Results of the Democratization* (2007); *The South Caucasus: Trends and Problems of Development (1992–2008)* (2008); *Russia in Changing World* (2008). Hold membership in the editorial boards of the analytical collections on *The Strategy for Russia: 10 Years of CFDP* (2002); *Russia's Competitiveness under Globalization* (2006); *The World Around Russia: 2017. The Outlines of the Not-So-Far-Away Future* (2007); *Russia and the World: New Epoch* (2008); *The Central Asia. The Region's Geopolitics and Economics* (2010), «Russia's Oil and Gas Complex: Trends of Development (2000-10)» (2011).

Authored many articles on the international politics, Russia's relations with the European Union, energy security, the Near and Middle East problems, on the Southern Caucasus countries, Russia's domestic policy and economy.

Sergey I. ISRAPLOV — Cand.Sc. (History), lecturer at the Department of History of the Dagestan State University.

Raymond JEANLOZ (USA) — is a professor of earth and planetary science and of astronomy at the University of California, Berkeley. Educated at the California Institute of Technology, Amherst College and at Deep Springs College, he has contributed research fundamental to understanding of the composition of the Earth and the behavior of materials under high temperatures and pressures. He is working with colleagues to investigate the conditions inside supergiant exoplanets. Jeanloz is also a prominent figure in nuclear weapons policy, chairing the Committee on International Security and Arms Control at the National Academy of Sciences.

Pavel V.KHOLODYON — researcher at the Institute of Strategic Studies and Analysis

Vasily G. KOLTASHOV — Head of the Economic Research Center at the Institute for Global Research and Social Movements (IGSM).

Yelena V.KOMLEVA — the researcher at the University of Dortmund, Germany, the post-graduate student at the Murmansk State Technical University, the translator employed by the International Department of the Institute of Industrial Ecology of the North Studies at the Russian Academy of Sciences Kola Scientific Center the (the RAS KSC). The holder of international grants from several research institutions. Authored some scientific works on ecology and nuclear security.

Sergey V.KORTUNOV (1956–2010) — Dr.Sc. (Politology), the Chair of the World Politics at the SU–HSE Faculty of economics and world politics, the full member of the Academy of Military Sciences, Vice;Chairman of the Advisory Council at the Russian Federation Federal Assem-

bly Council of Federation Foreign Affairs Committee. In 1982–1994 employed by the USSR and Russian Federation Ministries for Foreign Affairs. Dealt with the problems of arms race termination and disarmament. Took part in bilateral and multilateral negotiations on disarmament (talks on nuclear control, medium— and short range, and cruise missiles, SALT–1, Conference on Disarmament, the UN Commission on Disarmament, talks of the major arms exporters, the export control negotiations, the OSCE, etc.).

In 1994–1998 — the consultant, aid of the national security advisor to the President of the Russian Federation, Deputy Chief of the staff of the RF Defense Council — the Chief of the International Analytical Department. Was engaged in conceptual issues of national and international security, military reforming, military organization and military doctrine, as well as in problems of disarmament, conversion and military-technical cooperation.

In 1998–2001 — the adviser to the Head of Administration of the President of the Russian Federation. In 1998–2002 — Vice-President of the Foreign Policy Association. In 2004–2006 — headed the Analysis and Forecast Department at the Open Joint Stock Company of «the All-Russia Exhibition Center State Joint-Stock Society». In 2006–2007 — Chief of the Info-Analytical Directorate of the Federation of Independent Estimators and Experts at the Russian Federation Chamber of Commerce and Industry.

Authored a number of books and articles (over 200) on conceptual problems of the international relations, foreign policy, disarmament and national security.

Nikita A. MENDKOVICH — expert at the Center of Modern Afghanistan Studies (CMAS).

Doljeen MONSHIRR (*Mongolia*) — Pro-Rector of the Institute of Commerce and Business.

Valery A. PODOROGA — Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Head of the Analytical Anthropology Sector at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy.

Authored several books and over 200 scientific articles, essays, discussions; some of his works were translated in the USA, Great Britain, Austria, France, the Netherlands, Germany, Japan.

The more significant stages of his academic creativity are reproduced in such books as — *The Metaphysics of Landscape* (1993); the *Expression and Sense* (1995); *Body Phenomenology: Introduction to Philosophical Anthropology* (1995); *The Workshop of Visual Anthropology: Course of Lectures* (co-authored in the *Khudozhestvenny Zhurnal / Art Journal*, 2001); *The View Obtrusiveness: Michel Foucault and Painting* (the *Khudozhestvenny Zhurnal*); Auto-biography: *A Matter of the Method* (2001), (co-authored) *The Mimesis. The Analytical Anthropology of Literature*. Vol. 1. The Cultural Revolution (2006); *The Apologia of the Political* (2010).

The winner of the Andrei Bely Award (2001).

Vladimir T. ROSCHUPKIN — Cand.Sc. (Politicalology), professor at the Academy of Military Sciences, columnist of the *Khranitel* (Custodian) media-portal. Graduated from the Volgograd State Pedagogical Institute, and the Far Eastern State University, and the Novosibirsk Higher Military-Political School, completed the postgraduate courses at the M. V. Lomonosov Moscow State University. Sphere of scientific researches includes the security problems, international relations, military history.

Marina S. SHTOIK — 4-year student at the Department of World Economy and World Politics of the State University — Higher School of Economics (SU-HSE).

Elvira M. SPIROVA — Ph.D, deputy Chief of the Deep Psychology Clinic. Authored some scientific works on political psychology and philosophical anthropology. Holds membership in the Russian Psychoanalytical Inter-Regional Society.

Yulia V. SVESHNIKOVA — post-graduate student of the World Politics Chair at the State University — Higher School of Economics (SU-HSE).

Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 3(45)

Перевод с английского — Владимира Мисюченко.

Корректурa *А.Панюгиной*
Верстка *Л.Листвина*

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года

Адрес редакции:

109004 Москва, ул. А.Солженицына, д. 40/14, стр. 1
Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88
Факс: (495) 911-92-77
www.isoa.ru
E-mail: info@isoa.ru

Тираж 1200 экз. Цена свободная

Подписано в печать 24.08.2011 г. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,5. Заказ № .

Отпечатано в ОАО «Издательский дом «Красная звезда».

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ

в Объединенном каталоге

«Пресса России» – 44351, 44339.

Электронный адрес подписки в Интернете:

www.presscafe.ru

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.

тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;

факс +7 495 681-37-98.

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

SUBSCRIPTION TO *VESTNIK ANALITIKI* ABROAD

Via MK-Periodika or its partners:

Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;

fax: +7 495 681-37-98

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

ПОДПИСАТЬСЯ И ПРИОБРЕСТИ ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» МОЖНО В РЕДАКЦИИ.
Телефон: 912 39 88, 911 97 78, электронная почта: issa@umail.ru

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – 100 рублей,
для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке



Извещение	Квитанция
Кассир	Кассир

Форма № ПД-4

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808
(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 40702810900000080011**
(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 3010181080000000777 в отделении
2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал
"Вестник аналитики"
(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ Руб. _____ коп.

Плательщик _____
(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808
(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 40702810900000080011**
(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 3010181080000000777 в отделении
2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал
"Вестник аналитики"
(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Плательщик _____
(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)